

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
ЕВРОПЕ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2022

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ**

**Доклады Института Европы
№ 394**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2022**

УДК 323.1(4)
ББК 66.3(4),54
Э91

Редакционный совет:

**Ал.А. Громько (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Ответственный редактор П.В. Осколков, редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Лункин Роман Николаевич, д.полит.н., ИЕ РАН
Шарова Вероника Леонтьевна, к.полит.н., Институт философии РАН

Тема НИР 0167-2021-0007

«Современные проблемы европейской интеграции (2021–2023 гг.)»

Этнополитические процессы в современной Европе = Ethnopolitical Processes in Contemporary Europe : [монография] / [П.В. Осколков и др.] – М.: Ин-т Европы РАН, 2022. – 168 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 394). – Парал. тит. л. англ. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82022_394. – ISBN 978-5-98163-192-4. EDN: NNGVGI.

В монографии рассматриваются некоторые важные аспекты этнополитических процессов в современных европейских странах. Авторы анализируют как теоретические вопросы этнической политики, в т.ч. политического порядка, классификации этнических меньшинств и функционирования модели национального государства, так и практические случаи этнополитического менеджмента. Особое внимание уделено проблематике иноэтничной миграции, в частности, национальным моделям интеграции мигрантов, предотвращению радикализации мигрантских сообществ и антииммиграционному популизму в странах Европы.

Авторский коллектив: П.В. Осколков (введение, гл. 2, заключение), А.С. Айвазян (гл. 7), Л.О. Бабынина (гл. 8), Л.С. Биссон (гл. 10), А.В. Веретевская (гл. 1), М.П. Зан (гл. 4), П.Е. Кандель (гл. 6), В.И. Мироненко (гл. 5), О.Ю. Потемкина (гл. 12), Н.Л. Туров (гл. 9), А.И. Тэвдой-Бурмули (гл. 13), Г.С. Харатян (гл. 3), А.В. Шогунц (гл. 11).

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82022_394

© ИЕ РАН, 2022

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**ETHNOPOLITICAL PROCESSES
IN CONTEMPORARY EUROPE**

**Reports of the Institute of Europe
№ 394**

Monography

**Moscow
IE RAS
2022**

Аннотация

В коллективной монографии предпринята попытка междисциплинарного анализа ключевых проблем этнополитической динамики современных европейских государств. Авторы рассматривают в сравнительном ключе такие вопросы как роль этничности в политическом порядке современных европейских государств, проблемы классификации этнических меньшинств, кризис модели национальных государств, интеграцию иноэтничных мигрантов, дерадикализацию мигрантских сообществ, трансформации правого антииммигрантского популизма. Уделяется особое внимание региональным *case-study* практической этнополитики, в частности, в Северной Ирландии, Нагорном Карабахе, балканских государствах, на Украине. Показано, что этничность сохраняет свою роль как один из важнейших ресурсов политической мобилизации в странах Европы, а этнополитический менеджмент остаётся одним из ключевых аспектов государственной политики.

Annotation

The authors of the present edited volume analyze some key aspects of ethno-political dynamics in the contemporary European countries. The authors draw attention to such issues as the role of ethnicity in the European political order, problematic classification of ethnic minorities, the crisis of the nation-state model, integration and disengagement measures aimed at external migrants, transformation of the right-wing anti-immigrant populism. The special focus of the book is the regional cases of practical ethno-political management, with evidence taken from Northern Ireland, Nagorno Karabakh, Ukraine, and the Balkans. The authors show that ethnicity retains its role as one of the most important sources for political mobilization in Europe, and ethno-political management is still one of the key aspects of state policies.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
ЧАСТЬ 1. Теоретические аспекты этнической политики	9
Глава 1. Роль этничности в современном политическом порядке (в европейском контексте)	9
Глава 2. Этнические меньшинства: вопросы классификации и терминологии	18
Глава 3. Нарастание этничности и кризис модели «национального государства»	23
ЧАСТЬ 2. Практическая этнополитика и региональные case-study	42
Глава 4. Украина: этнополитические процессы на национальном и региональном уровне	42
Глава 5. Кое-что об украинской этнополитике: о чём говорит опыт государственного строительства	77
Глава 6. Современные этнополитические процессы в Юго-Восточной Европе: политика «балканского стиля» ...	80
Глава 7. Миротворческая роль ЕС в этнополитических конфликтах: вопрос Нагорного Карабаха	90
Глава 8. Влияние брекзита на межобщинное взаимодействие в Северной Ирландии	96
Глава 9. Сепаратизм в Европе: региональные партии и борьба за распределение ресурсов	103
ЧАСТЬ 3. Иноэтничная миграция и антииммиграционный популизм	114
Глава 10. Интеграция иммигрантов в странах ЕС: к вопросу о методах сравнения	114
Глава 11. Политика ЕС по интеграции мигрантов на местах: вертикальное и горизонтальное сотрудничество	121
Глава 12. Дерадикализация как инструмент противодействия терроризму и управления миграцией в ЕС	134
Глава 13. Французский правый популизм между радикализмом и истеблишментом: казус Э. Земмура	144
Заключение	155
Литература	158
Об авторах	164

CONTENTS

Introduction	7
PART 1. Theoretical reflections on Ethnic Politics	9
Chapter 1. The role of ethnicity in modern political order (in the European context).....	9
Chapter 2. Ethnic minorities: problems of classification and terminology.....	18
Chapter 3. The growth of ethnicity and the crisis of the «nation-state» model.....	23
PART 2. Ethnopolitical practices and regional <i>case-studies</i>	42
Chapter 4. Ukraine: Ethnopolitical processes at the national and regional levels.....	42
Chapter 5. Something about the Ukrainian ethnic politics: lessons from state-building experience.....	77
Chapter 6. Contemporary ethnopolitical processes in South-East Europe: the «Balkan style» politics.....	80
Chapter 7. Peace-keeping role of the EU in ethnopolitical conflicts: the case of Nagorno Karabakh.....	90
Chapter 8. The influence of Brexit on the intercommunity relations in Northern Ireland.....	96
Chapter 9. Separatism in Europe: regionalist parties and struggle for resources.....	103
PART 3. External ethnic migration and anti-immigrant populism.....	114
Chapter 10. Migrant integration in the EU countries: methods of comparison.....	114
Chapter 11. The EU politics of integrating migrants: vertical and horizontal cooperation.....	121
Chapter 12. Disengagement as a tool to counter terrorism and manage migration in the EU.....	134
Chapter 13. The French right-wing populism between radicalism and establishment: the case of É. Zemmour.....	144
Conclusion	155
Literature	158
About the Authors	164

ВВЕДЕНИЕ

Этническая политика – комплекс мер, осуществляемых государством в отношении этнических групп, а также набор взаимодействий между самими этническими группами. Уже в этом минималистичном определении заложено множество дополнительных вопросов: что есть этническое? каковы критерии членства в группе? каковы возможности и полномочия государства по регуляции действий соответствующих групп? как этничность и этнические группы могут классифицироваться и дифференцироваться? какие виды упомянутых «взаимодействий» наиболее вероятны? При желании список подобных вопросов можно продолжать практически бесконечно. Несомненно одно: этническая политика не стоит на месте и обладает определённой динамикой, равно как и на первый взгляд не связанные с ней процессы, обусловленные этнической идентификацией. Европейский континент (не ограничиваемый, разумеется, рамками Европейского союза) обладает как некоторыми общемировыми чертами этнополитической динамики, так и существенной спецификой. И сама динамика, и её специфика требуют пристального изучения не только специалистами-этнологами, но и историками, политологами, социологами.

Авторы коллективного труда взяли на себя смелость рассмотреть различные ракурсы этнополитической динамики на европейском пространстве с точки зрения собственного научно-исследовательского опыта. На первый взгляд у читателя может возникнуть ощущение определённой калейдоскопичности материала, но замысел авторов – широкими мазками обозначить ряд насущных проблем этнополитических процессов в современной Европе, дабы в результате получить если не предельно целостную картину, то, по крайней мере, цельный элемент большой мозаики. Поскольку замысел данной книги возник в рамках первого круглого стола, проведённого Центром этнополитических исследований Института Европы РАН в октябре 2021 г., мы можем позволить себе заглянуть в будущее с осторожным оптимизмом и предположить, что работа над дальнейшим формированием упомянутой мозаики будет продолжена.

С содержательной точки зрения книга делится на несколько частей. Первая часть посвящена теоретическим аспектам и подходам к изучению этнополитических процессов. А.В. Веретевская рассматривает роль этничности в современном политическом порядке; П.В. Осколков обращается к проблеме классификации и определения этнических меньшинств; Г.С. Харатян – к терминологическим спорам и эвристической ценности модели национального государства в европейском контексте.

Вторая часть книги содержит эмпирические *case-study* этнополитического менеджмента. М.П. Зан представляет широкий и подробный обзор этнополитических процессов на Украине; В.И. Мироненко обобщает некоторые теоретико-концептуальные соображения. Глава, написанная П.Е. Канделем, проливает свет на важные особенности инструментального использования этничности и национализма политическими игроками балканских государств. А.С. Айвазян уделяет внимание этничности как одному из факторов конфликта в Нагорном Карабахе. Исследование Л.О. Бабыниной также выполнено в конфликтологической парадигме и посвящено этническим аспектам межобщинного противостояния в Северной Ирландии. Наконец, Н.Л. Туров рассматривает актуальную проблематику политического представительства этнических меньшинств в европейских странах в формате политических партий и движений.

Третья часть монографии посвящена вопросам взаимодействия государства и иных политических акторов с иноэтничными мигрантскими общинами. Л.С. Биссон рассматривает основные национальные модели интеграции мигрантов в странах ЕС и критерии их сравнения, в то время как А.В. Шогунц анализирует основные инструменты адаптации мигрантов, используемые структурами ЕС на региональных и муниципальных уровнях. О.Ю. Потемкина уделяет особое внимание политике ЕС по дерадикализации мигрантов и предотвращению распространения идей политического и религиозного экстремизма в мигрантской среде. Наконец, глава, подготовленная А.И. Тэвдой-Бурмули, проливает свет на антииммиграционный сегмент французской политической сцены на примере политика-популиста Э. Земмура.

ЧАСТЬ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ГЛАВА 1. РОЛЬ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ (В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ)

Государства являются крупнейшими и сильнейшими образованиями вот уже 5000 лет, – писал Ч. Тилли¹. Если вслед за Тилли мы определим государство как организацию (институт), осуществляющую принуждение, отличное от домохозяйств (масштабом – *прим. авт.*) и родственных групп (принципом общественной консолидации – *прим. авт.*) и имеющее несомненное преимущество сравнительно со всеми другими образованиями на определённой территории, то не без удивления обнаружим, что это определение подходит и под античные города-государства, и под империи (как гражданского, так и теократического типа); суверенные государства выходящей из средневековья Европы этому определению соответствуют тоже, как и современные государства-нации. Принципиальная организация процесса принятия политических решений в человеческих обществах действительно претерпела мало изменений с периода первых государств. Более того, характер её, вероятно, определён был задолго до появления древнейших из них. Вместе с тем мы точно знаем, что мир политического изменчив. При сохранении единой «государственной» природы древние царства-тирании, уже упомянутые города-государства, империи различного типа, феодальные «государства» и суверенные государства, наконец, государства модерна всё же очень отличаются друг от друга по форме организации власти (политической форме – в концепции М.В. Ильина²). Отличием, как нам представляется, является политический порядок.

Политический порядок можно широко определить как свой-

¹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. С. 21.

² См.: Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. №4(75). С. 58-70.

ственный обществу характер политического взаимодействия. По мнению российского политолога П.В. Панова³, политический порядок проявляет себя в устойчивости, регулярности и повторяемости взаимодействий в политике. Для уточнения этого определения можно взять работу Д. Ронга⁴. Он полагал, что политический порядок состоит из предсказуемости человеческого поведения, основанной на общих и стабильных ожиданиях, что связано с одинаковым осмыслением реальности. Отталкиваясь от этого, мы полагаем, что в основе политического порядка лежит определённый, характерный для конкретной политической формы набор принципов социально-политического взаимодействия. Для нас политический порядок – это комплексный феномен, соединяющий этот набор принципов со всеми существующими в обществе институциональными политическими практиками. Политическая форма (или конкретный вид государства), таким образом, – одно из проявлений политического порядка⁵.

«Одно и то же» государство всё время «разное», потому что является отражением различного типа порядков. Так, политический порядок, основанный на культурно-ограниченном принципе общественно-политической консолидации, образует политическую форму, которую мы знаем как город-государство. М.В. Ильин называет такую форму переходной: в его хроно-политической схеме она занимает промежуточное место между системами с «генетическим» (основанным на кровном родстве) принципом консолидации – то есть полностью «закрытой»⁶ формой и максимальной открытой, способной к расширению и включению в свою структуру новых элементов, политической фор-

³ Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // Политэкс. 2010. №3. С. 19-33.

⁴ Wrong D. The Problem of Order: What Unites and Divides Society. New York: The Free Press, 1994. 354 p.

⁵ Аналогичную идею высказывает И.С. Семененко, говоря о государстве как об одном из проявлений политического порядка современности. См.: Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пангина. М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. 384 с.

⁶ «Открытость» и «закрытость» политической формы в концепции Ильина означает соответственно готовность или неготовность (неспособность) политической системы к расширению, т.е. включению в свой состав новых политических субъектов (от граждан до территорий и даже политий).

мой – имперской. Современность (политический модерн) – это тоже период специфического политического порядка.

Основой современного (модерного) политического порядка является преимущественно гражданский («полузакрытый» или способный открываться и закрываться) принцип общественно-политической консолидации, по экономическим причинам исторически соединившийся со свойственным современной политической форме принципом легитимации власти (внутренним, идущим снизу, от общества или, как раньше говорили, народа). Ставшая доминирующей в контексте политического модерна политическая форма называется государством-нацией⁷, или национальным государством.

Государство-нация – «изобретение» нового времени. Ю. Хабермас характеризовал⁸ его как «то, во что почти никто не верил, но что было изобретено в определённое время по прагматическим соображениям». Государство-нация – продукт западной цивилизации, создавшей его на основе синтеза античного (эллинистического) принципа абстрактных, «универсальных» институтов (среди них: римское право, античный принцип гражданства, безличный характер институтов власти и др.) и христианского принципа подобия человека «личному» (то есть способному на личный, произвольный выбор) Богу. Оба этих принципа – столпы государства в современной его форме. Универсальные политические институты (каждый из которых потенциально пригоден для использования любым членом общества), являющиеся плодом размышлений (то есть произвольной воли, выбора) живого смертного человека (на роль этого человека претендуют сразу несколько философов-просветителей с европейской стороны и ряд идейных политиков-строителей – с американской) стали институциональной реальностью после Американской революции и укрепили свою политическую состоятельность с рождением Первой республики во Франции.

⁷ С точки зрения политической формы название не имеет значения, государство-нация, нация-государство и национальное государство будут синонимами.

⁸ Jürgen Habermas: «¡Por Dios, nada de gobernantes filósofos!» Entrevista con Borja Hermoso // El País, 25.05.2018. Цит. по: Семененко И.С. Мир до и после 2020 года: государство перед вызовами кризисного развития // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века ... С. 21.

Начиная с этого времени и по сегодняшний день мы наблюдаем постепенную смену предыдущих политических форм на эту, новую, современную или «модерную». Этот процесс политической эволюции в сторону современной формы мы знаем как процесс модернизации.

По мнению С. Хантингтона⁹, политическая модернизация предполагает замену традиционных, религиозных, родовых, этнических политических авторитетов единым светским, национальным политическим авторитетом. Это означает, что с распространением современных политических институтов, и точнее – с нарастанием их легитимности и ростом их авторитета в глазах общества, роль альтернативных источников авторитета должна падать. Среди «альтернативных» источников авторитета, как мы видим, значится и этничность. Основная причина этого в том, что этничность (понимаемая как культурно, исторически и отчасти генетически опосредованный тип общественной консолидации, «институционализирующаяся» этническая солидарность) – элемент традиции, традиционного взгляда на мир и соответствующего пространства политического смысла¹⁰. Традиционный авторитет противостоит современному, потому что современный имеет рациональную природу, отрицающую традицию как источник истинного знания и, соответственно, авторитета.

В контексте становления политической формы государства в классическом её виде (так, как предстали перед нами первые государства этого типа), этничность действительно выглядит как «конкурент». Нации свойственно объединять граждан, имеющих общее историческое наследие (так, в частности, легитимизируется право претендовать на обязательное для современной формы суверенное владение территорией) и некую общность культуры, однако и то и другое вполне может иметь неэтническое «происхождение». И даже если источник культуры,

⁹ См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

¹⁰ Не все участники данного коллективного труда согласятся с этим утверждением автора главы, ибо осознанная и конструируемая этничность в рамках радикально-инструменталистской парадигмы может рассматриваться и как явление, свойственное сугубо миру постмодерна. Тем не менее в споре, как известно, рождается истина (*прим. отв. ред.*).

которая ложится в основу государства-нации, обнаруживает этническую привязку (европейские государства, как известно, помимо антично-христианского синтеза сохраняют достаточное количество элементов политических традиций и других своих исторических предшественников – племенных образований), сама по себе она обыкновенно претендует на нейтральность.

Современное государство – это нация граждан, объединение на преимущественно неэтническом основании. Учитывая экономически (через глобализацию, общий рынок и научно-технический прогресс) объясняемую растущую этнокультурную и религиозную гетерогенность современных обществ, иным оно и не может быть сегодня. Однако то, что этничность и модерное государство логически противопоставлены друг другу на оси традиционализм – модерн, не означает, что этничность в государстве «невозможна». Она «не нужна» для общественной консолидации (в том смысле, что общественная консолидация в этой политической форме может происходить на иных основаниях, чаще всего – на идеологическом, как во Франции или США) и является антагонистом модерному политическому устройству и авторитету (в той мере, в какой традиционные институты, маргинализируясь, навсегда остаются конкурентами приходящим им на смену институтам модерна), однако у неё может оставаться политическая функция, которая по иронии судьбы связана с её традиционной ролью. Эта функция – служить основой для общественной солидарности. Именно она делает этничность потенциально проблематичной для государства модерна.

В погоне за успехами модернизации мы привыкли думать, что все элементы традиционализма – это пережитки, мешающие становлению более прогрессивных общественных отношений. В пространстве западно ориентированного мира роль элементов традиционализма (к ним, в частности, относятся любые элементы коммунитаризма, имеющего нестрогое рациональное основание – религиозное, философское и даже идеологическое) – отрицательная. Помимо вышеописанного логического противопоставления, негативному восприятию коммунитаристских ориентаций в западных обществах способствует тот факт, что источником их чаще всего являются группы меньшинств (миноритар-

ные сообщества), культурно отличные от большинства в странах их проживания на Западе. Этим объясняется, что нейтральные государства европейской традиции вдвойне «не любят» политически консолидированные на этническом основании общества: они бросают государству-нации двойной вызов. Во-первых, если такие сообщества существуют (идентифицируют себя перед обществом) как политически активные единицы, это означает, что современные институты, которые должны были перенять у них их функцию по защите гражданских интересов составляющих их индивидов, с этой задачей не справляются, то есть государство фактически демонстрирует политическую неэффективность по сравнению с традиционными институтами, а значит, оно теряет в легитимности. Сначала легитимность государства размывается в глазах членов таких сообществ, а затем задумываться начинает общество в целом. Во-вторых, консолидированные на этническом основании (несмотря на то что практически повсеместно этническая консолидация является вторичной по отношению к социально-экономической солидарности внутри этих сообществ) сообщества оказываются в культурном, социально-экономическом и, следовательно, политическом противостоянии с остальной частью общества.

Ориентированное на индивидуальный характер взаимоотношений с институтами власти большинство в западных обществах воспринимает солидаризацию этнокультурных меньшинств, в которой присутствует этническое основание, как культурную и политическую угрозу, противостоять которой за неимением у большинства права на этническую же солидарность должно, по логике вещей, государство. Государство, таким образом, оказывается в ситуации, где нужно «выбирать» между своими гражданами, которым в равной мере оно «должно» по условиям общественного договора, невыполнение которого, кого бы оно ни касалось, в либеральных демократиях опять же сулит проблемы с легитимностью. Современному государству очень сложно функционировать в таких условиях.

Ярким примером того, как государство-нация пытается «решать проблему» этничности, является социальная политика и политика в отношении иммигрантов в современной Франции.

Франция – одно из первых государств современного типа (государство-нация) в мире. Возникло оно на идеологическом основании в ходе буржуазной революции конца XVIII в., когда этническое большинство во Франции просто не могло выступить с единой идеологической позицией, а значит, этничность не могла стать основой политической консолидации нации. Участие в общественном договоре с новым государством было предложено только тем, кто разделял республиканские ценности, потому что на тот момент принципиальным для выживания политической формы и поддержания общественного порядка было именно это. Республика помимо свободы, равенства и братства должна была отличаться светскостью. Так французское государство пыталось преодолеть идущий из начала эпохи просвещения раскол на католиков и протестантов (религиозные идентичности, которые, к слову, тоже являются элементами традиционализма). Закон¹¹ об отделении церкви от государства во Франции был принят только в 1905 г., однако свобода совести в широком смысле стала фундаментальным принципом французской нации одновременно со становлением её современной формы. Одним из логических следствий этой ценностно-идеологической модели общественной консолидации и стала известная своей строгостью политика неприятия государством альтернативных (традиционных) оснований для общественной консолидации.

Франция – одно из немногих государств европейской политической традиции, даже на словах не принявших в конце XX в. мультикультурализм. Более того, в недрах французского политического дискурса возник специфический концепт коммунитаризма, обозначающий практику социальной ориентации индивида на культурно близкое ему этнокультурное или религиозное сообщество. Как политически значимый феномен коммунитаризм родился, когда в результате кризиса начала 1970-х гг. и последовавшей за ним реструктуризации экономики массово были уволены наёмные работники, из которых подавляющее большинство оказались выходцами из семей мигрантов. Многие

¹¹ Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat. URL: <https://www.le-ifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000508749> (дата обращения 05.03.2022).

из них были вынуждены искать социальную опору у своих соседей, после чего на французском политическом поле начали всё активнее проявляться иммигрантские общины, которые до этого времени не имели особых политических амбиций, а, как пишет И.С. Новоженова¹², «вырастали стихийно», потому что прибывавшие мигранты (с 2005 г. их численность держится на уровне 200 тыс. человек в год) «нуждались в поддержке, чтобы обустроиться на новом месте, найти работу, наладить быт, адаптироваться к новым условиям».

Французское государство предполагало, что по мере интеграции во французское общество общинная солидарность мигрантов сменится национальной. И в целом логика этого размышления была верной: мигрантов первых волн французское государство смогло социально поддержать на индивидуальном уровне, однако после кризиса ситуация изменилась. В условиях «нехватки» государства как принципиальной стороны в решении нарастающих социально-экономических проблем люди начали солидаризироваться с теми, с кем эти социально-экономические проблемы (доступ к социальным лифтам, возможностям улучшить быт для себя и своей семьи, хорошим условиям работы и т.д.) были общими. Таковыми оказались их соседи, принадлежавшие к той же или близким этнокультурным или религиозным группам. Государство же в значительной мере утратило доверие в глазах этой части своих граждан. В условиях либеральной демократии, как мы писали выше, такие ситуации обращаются кризисом легитимности, почему и вызывают серьёзную обеспокоенность государства и общества в целом.

В условиях Франции этничность «подтвердила» своё определение «конкурента» модерности, и французское государство продолжает рассматривать её как проблему и искать пути её решения. Так, например, несмотря на общественный консенсус по вопросу выделения всех конфессиональных проблем в пространство частного и, соответственно, негласный запрет на госу-

¹² Новоженова И.С. Особенности французской политической культуры (на примере общественной дискуссии по иммиграционному вопросу) // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / отв. ред.: Кузнецов А.В., Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 285 с. С. 187-199.

дарственное участие в делах религиозных общин, французское государство всё-таки выстраивает диалог с представителями мусульманских организаций, предварительно способствовав выстраиванию их в удобную для взаимодействия с государственными институтами структуру. Постоянно провозглашающее себя религиозно нейтральным и не желающим быть задействованным в частном пространстве свободы совести граждан французское государство также выделяет землю под строительство мечетей и финансово участвует в организации системы религиозной подготовки имамов на территории Франции.

Эти и другие аналогичные политические инициативы не означают, что современное государство перестало видеть в традиционализме конкурентную угрозу своему политическому порядку. С нашей точки зрения, это означает, что, как раз сознавая эту угрозу, существующая социальная конъюнктура вынуждает государство признать очаги традиционализма (в том числе и этнического свойства) существующими в политической реальности модерна и, наоборот, попытаться найти способ превратить их в «нормальный» элемент свойственного государству модерна порядка. Французский опыт на данный момент, как и опыт других европейских государств, позволяет предположить, что этничность как основа для общественной солидарности становится альтернативной основой для политической консолидации и, следовательно, реальной угрозой для современного политического порядка только тогда, когда государство одновременно по любым причинам отказывается выполнять свои социально-экономические обязательства по общественному договору в том виде, в котором современный политический порядок их предполагает, и демонстрирует полную неготовность к изменению своей политической формы с тем, чтобы принять в себя те альтернативные институты, которые эту функцию могут нести вместо институтов современных. Если государство-нация находит способ вписать в свой политический порядок альтернативную форму солидарности, она может стать не конкурентом, а поддержкой для современного порядка в случае каких-либо экономических или социальных потрясений.

ГЛАВА 2. ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ

Вопросы, которые стоят перед автором главы, следующие: как мы определяем этнические меньшинства, как мы их классифицируем и какие проблемы связаны с этими процессами?

Как мы определяем, что такое этническое меньшинство? По мнению Специального докладчика Подкомиссии Организации Объединённых Наций по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Франческо Капоторти, меньшинство – это «группа, численно меньшая, чем остальное население того или иного государства, и не занимающая доминирующего положения, члены которой имеют этнические, религиозные или языковые особенности, отличающие их от остального населения, и которая, пусть даже имплицитно, обладает чувством солидарности в деле сохранения своей культуры, традиций, религии и языка»¹³. Таким образом, базовые критерии для выделения этнического меньшинства – это меньшая численность (по сравнению с этническим большинством), недоминирующее положение и обладание этнокультурной спецификой и внутригрупповой солидарностью¹⁴, однако в рамках конструктивистской парадигмы указанные признаки могут быть приписаны себе той или иной группой, фактически отсутствуя.

Но далеко не всегда все упомянутые критерии сочетаются в одной группе: к примеру, ряд этнических и этнорелигиозных меньшинств занимали (либо продолжают занимать) доминирующее положение в политической жизни. Это характерно для очень многих империй. Из относительно недавних государственных примеров – это ЮАР (буры), Ирак (сунниты), Сирия (алавиты). ЮАР представляет собой классический пример этнической (точнее, расовой) демократии: при в целом демократическом режиме были существенно ограничены права групп чёрного и цветного населения, то есть в полной мере все преимуще-

¹³ Капоторти Ф. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Нью-Йорк: ООН, 1979. С. 6-7.

¹⁴ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 38-39.

ства южноафриканской демократии до 1994 г. были доступны только белым. Примером африканеров ЮАР перечень доминирующих в политической системе этнических меньшинств не ограничивается: по меткому наблюдению Эрика Кауфманна и Оеда Хаклаи, доминирование этнических меньшинств было типичным для домодерных обществ, в том числе в Европе. Оно сохранялось гораздо дольше (и в некоторых местах сохраняется до сих пор) в ряде политий, не прошедших путь формирования демократического национального государства (ЮАР, Замбия, Бахрейн, Сирия, Ирак, Руанда, Бурунди).

Исследователи объясняют феномен сохранения доминирования этнических меньшинств в политиях модерна в том числе следующими факторами: 1) колониальным наследием и политической *divide et impera*, 2) репрессивной политикой по отношению к этническому большинству в сочетании с формированием устойчивой, хотя и узкой, базы поддержки, 3) выстраиванием связи собственной этнической идентичности с национальной идентичностью новообразованного государства¹⁵. Тем не менее, по словам Кауфманна и Хаклаи, «так называемая третья волна демократизации после 1989 года ускорила отстранение от власти этнических меньшинств – путь, который начался в 1789, усилился после Первой мировой войны и стал практически общепринятым в результате деколонизации»¹⁶. Таким образом, доминирование этнических меньшинств в странах Европы фактически завершилось примерно в начале XX в., а из государств Ближнего и Среднего Востока и Африки оно уходит на наших глазах.

Другая проблема, связанная с определением статуса меньшинства, – далеко не все группы согласны на то, чтобы в публичных дискуссиях их обозначали как этнические меньшинства. Это происходит либо в условиях отсутствия этнических структур и релевантной идентичности, в значительной степени ассимилированной принимающим обществом (как это случилось, к примеру, со многими этническими группами, составившими белое население США), либо группа не желает призна-

¹⁵ Kaufmann E., Haklai O. Dominant Ethnicity: From Minority to Majority // Nations and Nationalism. 2008. Vol. 14. №4. P. 748.

¹⁶ Ibid. P. 756.

вать себя меньшинством из статусных соображений. В таком случае вопрос о наличии и номенклатуре этнических меньшинств перестаёт быть демографическим и приобретает исключительно политическую окраску. Классический пример – албанцы Северной Македонии. В 2001 г. в ходе событий, которые потрясли македонский политический ландшафт, лидеры албанского сообщества неоднократно говорили, что меньшинством в Македонии они не являются и себя не признают¹⁷.

Очень часто в литературе можно встретить словосочетание «коренные этнические меньшинства» – противопоставляемые некоренным, эмигрантским, аллохтонным и т.д. Т.е. подразумевается определённая дихотомия «коренной vs. некоренной». Но, как писал в 1980-е гг. один из самых известных исследователей этничности в Канаде и США Всеволод Исаев, разница между условной «новой Ольгой», которая переехала в Канаду только сейчас, и «старой Ольгой», т.е. потомком эмигрантов 2-3 поколения, огромна, в том числе по отношению к собственной этнической принадлежности¹⁸.

Как правило, коренные меньшинства (те, которые мы называем коренными) отличаются от всех остальных тем, что у них есть возможность эксплуатировать представление об «исконности» территории своего происхождения, о том, что зона их так называемого «этногенеза» находилась здесь, в данной конкретной территориальной точке. Любые представления об «этногенезе» – это сугубо социальный конструкт, но у тех меньшинств, которые мы называем некоренными, нет возможности его использовать. С эмигрантскими меньшинствами другая проблема: как их, собственно, называть? Если те, кого Исаев называл «новой Ольгой», – это второе, третье поколение эмигрантов, уже не ассоциирующее себя с миграцией, с прибытием в определённую страну, то почему их представителей следует называть мигрантскими меньшинствами, если эти люди никуда не мигрировали из страны, если они здесь родились? Термин «аллохтоны»,

¹⁷ Третьякова М. Македония – 2001: новый виток кризиса. М.: Индрик, 2021. 376 с.

¹⁸ Isajiw W. Olga in Wonderland: Ethnicity in Technological Society // Canadian Ethnic Studies. 1977. Vol. 9. №1. P. 77-85.

активно используемый в нидерландско- и франкоязычном дискурсе, В.С. Малахов, к примеру, предлагает использовать для замены таких терминов как «выходцы из мигрантской среды» и пр., так как обычно возникает вопрос – стоит ли относить к «мигрантам» детей и внуков тех, кто поселился в стране. Если мигранты первого поколения имеют, в общем случае, именно мигрантскую идентичность, то представители второго и третьего поколений иммиграции зачастую уже не готовы относить себя к мигрантскому сообществу, тем более что весьма существенная часть из них уже имеет гражданство по праву рождения или в результате натурализации. Термин «аллохтоны», указывая на принадлежность индивидов к некоей условной «мигрантской среде» и на некую инородность происхождения за пределами данного территориального континуума, этот вопрос снимает.

Ещё один вопрос, связанный с классификацией меньшинств – проблема диаспоры. Что мы можем называть диаспорой, насколько этот термин релевантен, насколько диаспоральные этнические меньшинства отличаются от других меньшинств? Как мы помним, слово диаспора означает «рассеяние»; среди первых диаспор, как правило, называют еврейскую, армянскую и цыганскую. Но в чём их отличие от условных мигрантских меньшинств? Ряд коллег предлагает считать, что диаспора подразумевает большую степень институционализации, т.е. более развитые институты взаимодействия внутри общины, и наличие поддерживаемой связи со страной исхода. Если второй критерий обязателен, то оказываются ли вычеркнутыми из списка диаспор упомянутые евреи (до 1948 г.), армяне (до конца Первой мировой войны), цыгане (до сих пор)? И.Д. Лошкарёв определил диаспору следующим образом: «сообщество с гибридной идентичностью, формирующееся в результате изменения места проживания его членов и поддерживающее транснациональные связи с территорией происхождения»¹⁹. Под гибридной идентичностью понимается определённый дуализм: диаспора лояльна и стране пребывания, и исторической родине (или её идеализированному образу). Уильям Сафран выделил такие критерии

¹⁹ Лошкарёв И.Д. Польская диаспора США в современной мировой политике. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 34.

отнесения общности к диаспоре, как распространение из территории происхождения в два или более внешних региона (т.е., собственно, «рассеяние»), поддержание коллективной памяти о стране происхождения, чувство отчуждения от населения принимающей страны, миф о возможном возвращении в страну пребывания²⁰ (чаще всего именно миф, так как действительному возвращению препятствуют либо укоренённость в принимающем сообществе, либо политические условия в «стране исхода», либо отсутствие самой «страны исхода» на политической карте, как это долго было в случае евреев и армян и сохраняется в случае курдов; либо же присутствуют все эти препятствия). Робин Коэн выделил несколько идеальных типов диаспоры: диаспоры-жертвы (изгнанные или бежавшие из мест исторического проживания), диаспоры – трудовые мигранты, диаспоры – выходцы из метрополий, диаспоры-торговцы, а также детерриториализированные гибридные диаспоры²¹.

Разделение между диаспоральными и иммигрантскими этническими меньшинствами часто умозрительно, и зависит от субъективного взгляда исследователя: к примеру, двухтомная «Энциклопедия диаспор», вышедшая в 2005 г. в издательстве *Springer*, содержит главы, посвящённые более чем тридцати диаспорам, включая британскую, хорватскую, океанийскую, сикхскую и швейцарскую²². Как правило, диаспора более институционализована, чем мигрантское сообщество, и поддерживает активную связь с государством происхождения (см. выше определение Лошкарёва), но это критерий весьма зыбкий, и в настоящее время большинство иммигрантских меньшинств отвечает вышеперечисленным критериям Сафрана. Поэтому мы не считаем это деление существенным и предполагаем известную синонимичность двух понятий.

²⁰ Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 1991. Vol. 1. №1. P. 83-84.

²¹ Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. New York: Palgrave, 2008. P. 18; см. также: Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные «миры» // *Идентичность: личность, общество, политика*. М.: Весь Мир, 2017. С. 433-434.

²² *Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures Around the World*. NYC: Springer, 2005. 590 p.

ГЛАВА 3. НАРАСТАНИЕ ЭТНИЧНОСТИ И КРИЗИС МОДЕЛИ «НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»

Несмотря на давний поиск более или менее универсального научного определения слов-терминов «нация», «национальность», «национализм», очевидно, что они не только остаются дискуссионными, но также на практике употребляются довольно неоднозначно, нередко даже противоречиво. С одной стороны, этому способствует традиционно разное понимание на разных языках упомянутых слов-терминов, с другой стороны, не всегда целенаправленные, но, как правило, выгодные в текущих политических интересах действия определённых идеологических партийных групп, а чаще – властей государств. Точно также нет единого восприятия понятия модели «национальное государство». Трактуются оно неоднозначно, и даже в энциклопедических изданиях трактовка нередко отражает желание редакций энциклопедий и/или даже властей государств представить эту модель государственного устройства по целеполаганию. Современные определения «национального государства» (*nation-state*) простираются от «государство, содержащее одну, а не несколько национальностей»; «суверенное государство, большинство граждан или подданных которого объединены также факторами, определяющими нацию, такими как язык или общее происхождение» до слишком унифицирующей интерпретации, как то «государство, имеющее четыре компонента – суверенитет, земля, население и правительство». В последнем случае «национальным» может считаться любое суверенное государство, в том числе полиэтнические империи. Есть также и такое определение: «национальное государство – это территориально ограниченное суверенное государство, т.е. государство, которое управляется от имени сообщества граждан, идентифицирующих себя как нацию. Легитимность господства национального государства над территорией и населяющим её населением вытекает из права основной национальной группы внутри государства (в которую могут входить все или только некоторые его граждане) по факту самоопределения. Члены основной национальной группы рассматривают государство как принадлежащее им и считают сво-

ей родиной». В данном случае упоминается совокупность людей «основной национальной группы», что подразумевает существование «не основной / не основных национальных групп». Неопределённость и разнообразие интерпретаций терминов сами по себе показывают или даже доказывают неопределённость самих понятий «нация», «национальность», «национальное государство».

Дискутируется также вопрос: совокупность определённого количества людей (подданных?) дорастает до сознания «нации» и совместно решает создать «национальное государство», или наоборот – правящие группы, победившая партия или политический проект гражданского населения решают изменить модель управления страной на модель национального государства и таким путём образуют «национальность» – всё гражданское население страны-государства?

Считается, что идея «национального государства» была следствием французской революции 1789 г. В основе идеи лежало гражданство – *nationalité*, то есть все граждане одной страны являются одной *natio*. Уже после французской революции понятие *nationalité* переосмысливается и начинает означать «гражданин одного и того же государства с равными правами».

В XIX в. господствовал подход, согласно которому «собственное государство» способны создать сообщества людей, дошедшие до высочайшего уровня цивилизационного развития и сплочённые вокруг определённых общих ценностей. Эти сообщества людей являются «нацией», а созданное ими государство – «национальным». Фактором, объединяющим этих людей, являются «определённые ценности», которые не обязательно должны быть историческими или этническими, более того, они новые, надэтнические, надрелигиозные, и относятся к правам человека – без сословных, этнических, гендерных, религиозных, расовых и других ограничений и которые в дальнейшем легли в основу концепции «прав человека». Например, касательно Франции, ценностями сообщества «национальное государство», «нация» стали провозглашённые во время французской революции «свобода, равенство, братство», по большому счёту возвращённые французскими просветителями, и приравненное к ним гражданство – «французский гражданин» как носитель этих ценностей. В кон-

це концов именно эти ценности в дальнейшем легли также в основу конституций «национальных государств». Они своей важностью должны были умалить значение существующих в том же «национальном государстве» локальных ценностей социальных, религиозных, антропологических, в т.ч. этнических групп, подчиняя их ценностям равноправного гражданства.

Ещё в XIX в. Макс Вебер считал, что «нация представляет собой сообщество мироощущения, которое может найти своё адекватное выражение в государстве, поэтому обычно стремится к созданию собственного государства». В XXI в. Энтони Смит размышляет: «Задавался ли Вебер вопросом о том, современные ли нации и как они развиваются – сами по себе или искусственно?»²³. Ответ на этот вопрос в научной среде пытаются найти ряд теорий, в том числе антропологически-этнографическая, эволюционная, теория конструирования воображаемой идентичности искусственным вмешательством (конструктивизм). Вопрос можно сформулировать и по-другому: являются ли созданное потребностями и волей определённой группы людей «национальное государство», а значит и сообщество граждан этого государства – «нация», искусственными или естественными конструктами? Созрело ли оно естественным эволюционным путём или в результате искусственного вмешательства? И наконец, что формирует идентичность такой нации: мировоззренческая и культурная общность или гражданство конкретного государства?

Примеры разных «национальных государств» показывают, что имеет место и то, и другое. Есть «национальные государства», сформировавшиеся естественным путём, и те, которые образовались искусственно. В основном вокруг вторых и начали развиваться конструктивистские теории. Примечательно, что теория конструктивизма зарождается в 1970–80-е гг., после евро-американского социально-культурного кризиса 1960-х, когда в мире поднимается новая волна отстаивания этнической родины, этнического самосохранения, этнического и социально-политического самоутверждения групп, обладающих социально-культурной идентичностью. Это Вьетнамская война,

²³ Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 242.

«Пражская весна», ирландское, шотландское, бельгийское, баскское, согласно определению Б. Андерсона, «агрессивно националистические»²⁴ движения в Европе, движение темнокожих в США за гражданские права, движение курдов на Ближнем Востоке за этническое самоутверждение и т.д. Многие из них в европейской аналитико-политической среде «окрещиваются» словом *nationalism*, а при наличии в них этнической составляющей – *ethnic nationalism*, хотя часто те же авторы настаивают на надэтническом/государственном смысле слова *nation*. При таком восприятии протестные движения, начавшиеся в «национальных государствах», действительно могут называться националистическими, т.к. они зачастую обусловлены неравными возможностями в национальном государстве. То есть группы людей борются за равные «национальные» права, но когда в основе борьбы лежат проблемы этнических прав, то, называя эти движения «националистическими», надо либо пересмотреть надэтнический смысл термина *nation*, либо пересмотреть смысл «нации» в слове «национализм».

Время задавать вопросы М. Веберу и аналитикам XIX в. прошло. Говоря о понятиях «национальное государство» и «нация», они имели в виду реалии именно XIX в. Тогда ещё не произошли многочисленные события, скорректировавшие как внутреннюю политику «национальных государств», так и восприятие этой модели.

События Первой и Второй мировых войн, нацизм, кемализм, сложное положение разделённых границей этнических единиц в сопредельных странах во время конфликтов или войн между этими странами, сомнения властей в их лояльности, разыгрывание властями «этнической карты» в собственных интересах, этнические чистки по отношению к гражданам собственной страны, депортации, погромы, этническая месть, геноциды²⁵ только обостряли у этнических единиц, не имеющих собственного национально-этнического государства, чувство само-

²⁴ Андерсон Б. Введение // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 15.

²⁵ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.; Ланцов С.А. Этнические чистки и геноцид в годы Первой мировой войны // Политическая экспертиза. 2014. Т. 10. №2. С. 61-69.

сохранения, а следовательно, и этнической идентичности.

Слово *natio*, лежащее в основе уже принятого понятия «национальное государство», этимологически имеет значение «этническое сообщество» (от лат. *natio* «рождение, происхождение; племя, народ», от глагола *nasci* «рождаться, происходить»), и только после французской революции обрело правовой («гражданин», «гражданство») и социально-культурный («нация») смыслы. Появившийся позднее социально-правовой смысл слова имел важное значение, но не стёр первичного этнического смысла. Сейчас, когда уже можно говорить о результатах строительства «национального государства», мы видим, что достигнутое «равноправие граждан», действительно, стало для всех граждан важной ценностью, однако не умалило значение ценностей, считающихся этническими. Не вытеснен и этнический смысл слова *natio*. Получившие правовую формулировку, эти важнейшие ценности, например, во Франции не снизили роли традиционно значимых в жизни этнических французов «этнических ценностей»: французский язык и гордость за него, католицизм, до 1905 г. считавшийся государственной религией; гордость за «славное прошлое» французских королевских династий и т.д. Независимо от того, насколько приняты термины «этнос», «нация», «национальный» и как они воспринимаются наукой и обществом, всё то, что по своей сути является французской этнической культурой и/или формирует этническую культуру, развивалось как национальные/государственные ценности. Например, французский язык играл и продолжает играть существенную роль в становлении «французской нации». Причём уже в провозглашённом национальным государством Франции не было никакого языкового единства, и французский совершенно сознательно внедрялся за счёт других языков, объявленных властями «местными диалектами»; в XIX в. мягко предавались забвению «родные языки»: никакого бретонского, никакого корсиканского, только французский. Преподаваемая «французской нации» история Франции – это история королевских династий франков: Меровингов, Каролингов и Капетингов, говоря иначе, этническая или преподносимая таковой «история французов». Таким же образом внедрялось французское

этническое культурное наследие – как концепция традиционно-культурного единства «французской нации», и воздействовало на идентичности «французской нации» и её составляющих²⁶. В результате французская «национальная культура» сколь «национальна», столь же, если не более, «этническая».

В «единице-нации» чаще всего наличествует преобладающая по количественным и качественным параметрам этническая единица, на примере Франции – этнические французы, чей язык становится государственным, чьи этнические культурные ценности становятся основными. В итоге нация-единица национального государства руководствуется ценностями этой этнической единицы – язык, история, религия, музыка, празднично-обрядовая культура, одежда, кухня и т.д.; основными культурными ценностями государства становятся ценности доминирующего этноса, в лучшем случае не мешая остальным этносам собственными ресурсами сохранять свои этнические ценности. Все граждане Франции являются единой «единицей-нацией» французского «национального государства» и как таковые имеют общие ценности, но эта «единица-нация» на самом деле состоит не только из отдельных граждан, но и из ряда этнических единиц, живущих в регионах, на своей этнической родине, со своей коллективной идентичностью – французов, бретонцев, корсиканцев, каталонцев, провансальцев, эльзасцев, басков – каждой из которых дороги своя этническая культура и родной язык. В данной модели «нация» современной эпохи формируется путём мягкого поглощения этнических единиц доминирующим этносом, и через определённое время мирно превращается или превратится в моноэтническое или, иначе говоря, мононациональное государство. Мононациональность в данном случае равна или имеет претензии на превращение в этничность с коллективным знанием и восприятием своей общности и даже общности исторического прошлого. На примере Франции, французское «национальное государство» из своих граждан формирует «единицу-нацию», а французская «единица-нация» в итоге переформируется во французскую «этноединицу».

²⁶ Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформгротех», 2010. 300 с.

В том же XIX в. параллельно строилось государство, по сути, с концепцией равноправия всех граждан, но, кажется, ценности «свобода, равенство, братство» распространились не только на человека, а также на коллективную группу – на этносы и/или на этноязыковые и религиозные группы. Речь о Швейцарии, где за последние 200 лет в 26 кантонах созрела и развивалась общая национальная – швейцарская идентичность с четырьмя национальными языками и двумя основными конфессиями, и государство удачно управлялось и управляется на основе этнокультурного федерализма кантонов. Статья 70 Конституции официальными языками признаёт немецкий, французский и итальянский, также присваивает особый статус ретороманскому. Самым распространённым языком в Швейцарии является немецкий, на нём говорит 63,7% населения. Каждый кантон самостоятельно устанавливает в качестве официального тот язык, который считает наиболее распространённым на своей территории и признаваемым жителями кантона. «Швейцария обладает репутацией страны, удивительным, почти магическим образом обеспечившей мирное сосуществование людей, принадлежащих к разным культурам. Как же ей, в самом деле, удалось, например, сохранить мир между немецкими и французскими швейцарцами, да ещё в период трёх войн (франко-германская война 1870–1871 гг., а также две мировые войны), когда Германия и Франция были злейшими врагами? Отчего швейцарцы, говорящие на немецком и французском языках, не “разбежались” в разные стороны и сохранили единую страну?»²⁷.

В Швейцарии как будто не страшатся того, что региональные этно-лингво-религиозные группы развиваются по логике своих культур, имеют свои этно-лингво-культурные идентичности, и их языки не считаются диалектами. В этой стране не стремятся к созданию из всех граждан ни «нации-единицы», ни тем более общешвейцарской этно-нации. Никто не принуждает к выбору, «какой язык в качестве первого неродного следует изучать в школах». Тем не менее швейцарский политолог М. Херманн

²⁷ Петров И. Сепаратизм по-швейцарски // Вестник Европы. 2005. №13. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2005/13/separatizm-po-shvejcarski.html> (дата обращения 09.03.2022).

считает, что язык и культура являются важнейшим источником конфликтности в Швейцарии, но конфликты разрешаются по конституционному праву²⁸. И. Петров приводит пример кантона Юра, являющегося с 1979 г. самым молодым из 26 кантонов Швейцарской Конфедерации. Как и другие кантоны, Юра представляет собой суверенное государство в составе Швейцарии. Его официальное название – «Республика и кантон Юра» (*République et Canton du Jura*). Всего в кантоне на площади 838 км² проживает чуть более 69 тыс. человек. Официальным языком является французский, однако имеется и немецкоязычная община – Эдерсвидер. Господствующая конфессия – католицизм. До 1979 г. кантон Юра был частью немецкоговорящего кантона Берн. Юрасийские франкоязычные католики периодически поднимали вопрос об «освобождении от немецкоязычной бернской тирании» с целью создания независимого и суверенного кантона. Эти стремления в 1960-е гг. в период послевоенного социокультурного кризиса в Европе, наиболее активно проявившегося во Франции, вылились в действия (группы молодёжи в разных неожиданных местах выступали с требованием «освобождения Юры», освистывали представителей бернских властей). 1 марта 1970 г. в кантоне Берн был проведён референдум о согласии граждан кантона с перспективой отделения семи католических и франкоязычных общин и создания на их основе нового кантона. Большинство принявших участие в голосовании согласилось на предоставление «округу Юра» права на самоопределение. На общешвейцарском референдуме 24 сентября 1978 г. швейцарский народ одобрил создание нового кантона («за» – 1 309 722 голоса, «против» – 281 917 голосов), который 1 января 1979 г. официально вошёл в состав Швейцарской Конфедерации²⁹. От кантона Берн отделились католические регионы, франкоязычные протестанты остались в кантоне. Помимо экономических причин выбора благополучного Берна сыграла роль, без сомнения, протестантская идентичность. В стране с 63,7% немецкоговорящего населения только 21,5% голосующих выска-

²⁸ Hermann M. Was die Schweiz zusammenhält – Vier Essays zu Politik und Gesellschaft eines eigentlichen Landes. Basel: Zytglogge Verlag, 2016. 211 s.

²⁹ Петров И. Указ. соч.

зались «против» отделения Юры от немецкоговорящего кантона. Такое возможно в стране, где большое число политических полномочий отдано субъектам федерации и они действительно самостоятельны; полномочия центральной власти очень ограничены, а конституционное право соблюдается всеми субъектами.

В начале XX в. французская модель «национального государства» считалась весьма прогрессивной, и многие из вновь рождающихся или перестраивающихся стран сами себя провозглашали «национальными государствами». Однако их внутренняя политика по отношению к своим подданным/гражданам зачастую была очень далека от принципа равноправия, даже если это равноправие было закреплено конституцией. Одним из ярких примеров этого является одобренное европейскими странами в 1920-х гг. на Лозаннской конференции создание турецкого государства, которое было объявлено «национальным», но строилось путём погромов и чистки коренных христианских народов страны – армян и греков. Европа и новосозданная Лига наций молча согласились признать создаваемую в таких условиях и представляющую угрозу для всех этноязыковых единиц, кроме турок, новообразованную республику «национальным государством». Начавшийся в 1919–1924 гг. и продолжавшийся на протяжении всего XX в. турецкий пример строительства «национального государства» совершенно отличен от европейского, хотя Мустафа Кемаль, чтобы получить симпатии европейцев, заявлял, что они стремятся построить национальное государство по европейской модели. Здесь не было ни единого языка, ни группы людей, объединённых вокруг общих цивилизационных или мировоззренческих ценностей, ни количественно доминирующей турецкой этнической единицы со своим ощущением родины, ни тем более какого-либо общего представления о будущем «национальном государстве». Было два фактора, воодушевлявших людей, консолидировавшихся для построения турецкой республики: а) уничтожение армян и греков, б) обещание построения единого турецко-курдского суннитско-мусульманского государства. Турецко-армянская война 1919 г. и турецко-греческая война 1919–1922 гг., которые в Турции официально называются «освободительными», «антиимпериалисти-

ческими», «войнами за независимость», на самом деле были, как пишет Т. Акчам, гражданской войной против меньшинств – армян и греков: «Во всех теоретических работах, посвящённых превращению Турции в колонию или полуколонию империалистических держав, христианские меньшинства представлены как компрадоры и агенты империализма... Класс капиталистов идентифицировался с христианами (...). Однако критический подход к имеющимся в руках источникам не оставляет сомнений, что “война эта велась не против оккупантов, а против национальных меньшинств”»³⁰.

Участники турецких войн совместно уничтожили христианские меньшинства, но у Мустафы Кемаля не было цели строительства национального государства по какой-либо модели; он стремился построить государство для турок и сформировать внутри него турецкую «этническую нацию». Как писал в 1945 г. биограф М. Кемаля Ж. Бенуа-Мешен, «турки были меньшинством среди чужих, но целью Кемаля было создание компактной и однородной турецкой нации... Были три этнические группы, которые опасным образом мешали однородности нации – курды, армяне и греки»³¹. Предполагаем, что, говоря о турецкой нации, Бенуа-Мешен не имеет в виду европейское *natio* – граждан государства, т.к. он подчёркивает желание достижения этнической однородности и наличие мешающих этому «чужих наций».

Однако созданию турецкой нации, национального государства, тем более осуществлению основной и истинной цели – конструированию турецкого этноса мешало не только существование «чужих наций» и малочисленность турок или людей с тюркской этнической идентичностью. В начале строительства турецкой нации лежало много «не было»: не было количественно доминирующей турецкой этнической единицы; не было турецкой ни национальной, ни этнической идентичности; не было турецкой этнической культуры; не было необходимого для социальной коммуникации и понятного всем одного вербального язы-

³⁰ Акчам Т. Турецкое национальное «Я» и армянский вопрос. М.: Арио-Никс, 1995. С. 88. (Танер Акчам цитирует также: Oran B. Atatürk Milliyetçiliği, Resmi ideoloji Dişi Bir Inceleme, Ankara: Dost Kitabevi, 1988. P. 146).

³¹ Benoist-Méchin J. Mustafa Kemal ou la Mort d'un Empire. Paris: Albin Michel, 1954. P. 337.

ка, эту роль не выполнял также язык власти – понятный немногим административный османский; не было знания или памяти об общем прошлом или хотя бы какого-либо мифа о нём, тем паче не было какой-либо изложенной истории, не было восприятия/представления о «турецкой родине», не было положительного образа «турка». Не было также «этнотурецкого социального слоя», «этнотурецкого экономического сословия». Не было какого-либо существенного явления, связывающего прошлое с настоящим, кроме, пожалуй, «османской славы», практическое право наследования которой связывалось с наименованием «османский турок».

Что же было? В первую очередь было то, что после 1922 г. не существовало армян и греков, взамен была ненависть по отношению к ним. Был страх возвращения армян. Главными «ценностями», лежавшими в основе согласия вокруг строительства государства, были стремление избежать наказания за совместные геноцидальные и грабительские действия и ненависть по отношению к жертвам. Было желание участвовать в дележе имущества, оставленного армянами и греками. Главной культурной ценностью и понятным культурным языком, основным элементом идентичности, консолидирующим сообщество людей, строящих современную турецкую нацию европейской концепции, была религия – суннитский ислам; главным сопровождающим чувством был страх суннитов перед наказанием за совместно совершённые против армян и греков преступления и страх перед их возможным возвращением, ненависть по отношению к христианам вообще, армянам и грекам в частности. Ненависть, которая содержала в себе несколько составляющих: а) ненависть преступника по отношению к жертве, б) ненависть по отношению к цивилизационным отличиям, в) ненависть властвующего по отношению к подданному, с) желание распоряжаться чужими материальными и культурными ресурсами. Сознание совместного преступления и страх наказания за него, как и ненависть по отношению к «чужому», особенно цивилизационному чужому, – серьёзные консолидирующие факторы. Для старта они являются весомыми, но для развития – это исчерпаемые ресурсы. Как только Кемаль объявил о конце халифата, о свет-

скости, туркизации названия страны – «Турецкая республика», как только курды поняли, что они боролись не за построение единого мусульманского государства – «мусульманской нации», или по крайней мере турецко-курдской страны, а за построение турецкого государства и турецкой нации, и что миссия, уготовленная всем мусульманам – это туркизация, суннитское мусульманское единство быстро дало трещины. Начались курдские восстания, их подавления и репрессии. В Курдистан были посланы три военные дивизии, за один день в Диярбакыре были повешены 46 курдских лидеров. Против курдов начался официальный террор. Под руководством Исмета Инёну были основаны «независимые суды», где судили даже за малейшие проявления симпатии по отношению к курдам. Было уничтожено 206 курдских сёл – 8758 семей, убито 15 тыс. человек. Отныне все курды представлялись врагами Турции и турок, и курдские территории годами оставались в осаждённом положении. Слова «курд» и «Курдистан» были изъяты из учебников, книги на курдском языке были собраны и сожжены, курды «превратились» в «горных турок», было запрещено говорить на курдском языке³². В 1937 г. со стороны государственной военной силы подверглось геноциду население Дерсима, были разрушены населённые пункты, оставшиеся в живых были сосланы и рассеяны. Сам Дерсим был переименован в Тунджели.

Наверное, Мустафа Кемаль искренне считал, что ««нация» – это сообщество людей, которые совместно проживали в прошлом, продолжают совместное существование в настоящем, а также уверены и решительно настроены совместно прожить и в будущем. Их объединяет общая родина, общий язык, культура и мироощущение»³³. А раз на старте личного желания лидера создать «тюркскую нацию» всех перечисленных им предпосылок нет, то надо добиться этого путём уничтожения одних групп этносов-носителей чувства родины на отдельных кусках будущего «тюркского национального государства», депортировать

³² Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос. М.: Восточная литература, 2005. С. 67.

³³ Габер Е. Эволюция представлений о национальном государстве в Турции (20-е годы XX в. – начало XXI в.) // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 128-152.

вторых, замалчивать третьих, принуждать других признать за этническими турками всё государство, признать за суннитской религией общность культуры и мироощущения, запретить использование всех языков, кроме тюркского, и «создать общее прошлое» в виде изложения официальной желаемой истории. Согласно Т. Акчану, «Турки встали перед специфичной сложностью: в течение столетий османского управления ислам постепенно стусеивал всё, что было связано с турецкой идентичностью в коллективной памяти». По мнению автора, турки должны были отойти назад в доосманский период, «чтобы найти недостающие идентичность и корни – через 600 лет исторической тишины»³⁴. «Мусульманское сообщество» должно было либо добровольно этнически туркизироваться, либо власти должны были туркизировать его насильственно, а по отношению к несогласным внушать чувство ненависти, страх и отчуждать их от турецкого общества. Место «чужого» теперь было отдано курдам и алевитам Анатолии. Наличие «чужих» и ненависть по отношению к ним имеет свои преимущества: ускоряет единение «своих». Тем более что «свои-турки» имеют разную, зачастую шаткую идентичность: албанскую/арнаутскую, боснийскую, болгарскую, а также иную идентичность иммигрировавших с Балкан славян, черкесов, лазов, исламизированных армян, греков, цыган, туркоязычных арабов, туркмен-алави, и возможность их участия в «национальной экономике» обусловлена уровнем их турецкой идентичности.

Опустевшее после уничтожения этнических по своей идентичности единиц – армян и греков, «этническое пространство» наполнялось конструирующейся турецкой идентичностью и вынужденными ей противостоять самоформирующейся курдской и частично приближающейся к этнической алевитской идентичностями. Происходившие в 1960-х гг. градостроительство, индустриализация экономики, развитие левых социально-политических движений ускорили этот процесс. Век должен был завершиться взрывом уже сформировавшихся, но ещё искажён-

³⁴ Акчам Т. Тщательно забытые страницы истории Турции. В поисках идентичности. URL: <http://armenianhouse.org/akcam/articles-ru/genocide.html> (дата обращения 09.03.2022).

ных или скрытых идентичностей, открывая новую дверь политизации «идентичностей» и проблемам «взаимоотношений идентичностей». Пока европейские теоретики пытаются обсуждать само существование явления коллективной идентичности, турецкое национальное государство демонстрирует неисчерпаемое многообразие коллективных и индивидуальных идентичностей. Здесь люди и группы, не касаясь теоретических вопросов, абсолютно серьёзно борются за свои идентичности, скрывают или, наоборот, демонстрируют их, испытывают страх из-за них, ненавидят или симпатизируют друг другу.

В течение этой столетней борьбы был достигнут один важный результат – около 50% населения Турции туркизировалось, а критерии турецкой идентичности отшлифовались, стали чёткими – турецкий язык и суннизм, хотя все граждане страны официально считаются турками. «Стать турком» ясно означало: говорить по-турецки, быть мусульманином-суннитом и называть самого себя «турком», таким образом освобождаясь от общественного презрения, от административных и политических гонений и хотя бы следующим поколениям давая шанс интегрироваться в турецкую политическую и социально-культурную жизнь.

Значительная часть успеха в обществе политической программы кемализма по «туркизации» на раннем этапе была обусловлена безграмотностью основной части турецкого общества, недостаточностью сведений о прошлом и неопределённостью представлений о национальностях, этнической идентичности. Больше не было армян и греков, знающих свою историю и имеющих чёткую этническую идентичность, и у оставшегося в стране населения знание о прошлом по большому счёту заключалось в устной памяти, передаваемой либо внутри группы, либо внутри семьи. По сути, в обществе коллективная память о прошлом сводилась к могуществу Османской империи, но и об этом не было хоть сколько-нибудь единого коллективного знания. Османская империя в значительной степени отождествлялась с Османским халифатом и была скорее религиозной, чем этнической либо национальной. Начавшееся историографическое изложение этнической истории поликонфессиональной и полиэтнической Турции успешно обходило «нетурецкое» прошлое

территории Турции и даже упоминания «нетурецких» народов.

В результате на плечи турецкого академизма возлагалась задача показать, что турецкое национальное государство – это та же модель европейского национального государства с «главным сунни-исламским компонентом в идентификации»³⁵. Некоторые исследователи предлагают тюркский «исламизм» воспринимать как европейский «национализм», а «ислам», по крайней мере, в Турции, как своеобразную форму «нации».

Модель турецкого национального государства и процесс формирования турецкой нации на практике даёт один из ответов на вопрос: являются ли нации современным феноменом и как они развиваются – сами по себе или искусственным образом? Запрограммированная турецкая нация не должна была быть полиэтнической, она должна была состоять из однородных этнических турок, «чужих» в стране не должно было быть ни в прошлом, ни в настоящем. Одно очевидно: данный пример свидетельствует о том, что искусственное конструирование этноса в рамках одного государства провоцирует активизацию других этнических идентичностей, что уже, вероятно, должно рассматриваться как естественный процесс самоформирования и развития этноса.

Сейчас, когда уже можно делать суждения о результатах модели «национального государства», ясно видим, что этнические единицы, не являющиеся доминирующими внутри «государственно-национальной» единицы, часто не теряют интереса к своим этническим особенностям. Они тоже развиваются и могут также сталкиваться с идентичностью доминирующего этноса «национального государства» и с его этнокультурным влиянием. Свидетельство тому – этнические-национальные движения: баскское, шотландское, ирландское, каталонское и др. Также очевидно, что приращение слову «национальный» высокого цивилизационного значения в таких государствах зачастую камуфлировало превосходство этнических ценностей доминирующего и го-

³⁵ Çetinsaya G. İslami Vatansızlıktan İslam Siyasetine // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce. İstanbul: İletişim, 2002; Тюркер Т. Административные реформы и концепции «родина» и «нация» в империях модернизации: Турция и Россия // Тетради по консерватизму. 2015. №5. С. 132-133.

сударствообразующего этноса. Безусловно, усилиями как властей национальных государств, так и международных структур – Лиги наций, в дальнейшем Организации Объединённых Наций и других им подобных – равенство перед «правом закона» в «национальных государствах» значительно стабилизирует внутреннее межэтнические (сознательно избегаю слова межнациональные, исходя из условленной констатации, что «единица-нация» одна – гражданское сообщество представителей всех этносов данного государства) отношения, и устанавливается определённое как гражданское, так и этническое общественное согласие. До тех пор, пока не происходит очередной взрыв «этнического самоутверждения» представителей какого-либо меньшинства. Зримо также, что даже наиболее состоявшиеся «национальные государства» и этнически доминирующие единицы-нации с недовольством относятся к предлагаемым Советом Европы уточнениям частных прав этнических/национальных меньшинств (например, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств – конвенция Совета Европы, подписанная 1 февраля 1995 г., или Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, вступившая в силу 1 марта 1998 г.), считая, что любое коллективное право содержит в себе политическую угрозу и что гражданского равноправия отдельных людей достаточно.

Продолжает вызывать вопросы и слово-термин «нация». Если нация – это все граждане одной и той же страны, в таком случае, что означает выражение «национальное меньшинство»?

Почему эти меньшинства не могут быть в «нации» простым «этническим меньшинством»? Кажется, тревога исходит от противопоставления с «нациеобразующим» этносом. Так как уже объявлено, что граждане «национального государства» все вместе считаются нациеобразующими, теоретически не может быть отдельной нациеобразующей этнической единицы.

В этом смысле хорошим примером является ответ Парламентской ассамблеи Совета Европы на возникшие вокруг термина «нация» вопросы. Например, многие страны, присоединившиеся в начале XXI в. к защищающим национальные меньшинства конвенциям Совета Европы, высказывали недовольство, что из-за разночтений слова «нация» не всегда понятна форму-

лировка «национальное меньшинство»: кого и по каким критериям следует считать «национальным меньшинством» внутри «единицы-нации». Если все граждане одного государства являются одной и той же нацией, то какие могут быть национальные меньшинства? После начавшихся в 2001 г. обсуждений, 26 января 2006 г., на 7-м заседании, после доклада 10762 (доклад Комиссии по юридическим вопросам и правам человека, докладчик: г-н Фрунда) была принята Резолюция номер 1735 «О понятии “нация”». 3-й пункт резолюции: «Комиссия по юридическим вопросам и правам человека в исследовании, посвящённом понятию “нация” и его применению в Европе и основанном на информации, содержащейся в ответах на вопросники, полученные от 35 национальных парламентских делегаций, а также на сообщениях, сделанных экспертами-юристами и политологами на слушаниях, организованных в Берлине 7 июня 2004 года, пришла к выводу о том, что дать единое определение понятию “нация” очень сложно, а может быть, и нереально». В 4-м пункте Парламентская ассамблея Совета Европы призналась, что сложно ориентироваться в разночтениях терминов «нация», «национальное государство» и «национальное меньшинство»: «Термин “нация” глубоко укоренился в культуре и истории народов и включает основополагающие элементы, определяющие их самобытность. Это понятие, кроме того, тесно связано с политическими идеологиями, которые эксплуатировали его, извратив его первоначальный смысл. Более того, учитывая многообразие языков, которые используются в европейских странах, такое понятие как “нация” просто непереводаемо на многие языки, поскольку во многих странах в целом ряде национальных языков существует лишь приблизительный перевод этого понятия. И наоборот, слова, используемые в некоторых национальных языках, не имеют адекватного перевода на английский или французский языки, которые являются двумя официальными языками Совета Европы»³⁶.

Из этого документа нельзя даже понять, что подразумевает

³⁶ Рекомендация 1735 (2006) О понятии «нация». URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Rec1735_rus.asp#P3_82 (дата обращения 07.03.2022).

Ассамблея под формулировкой «в некоторых национальных языках», – официальные языки стран СЕ или разные языки определённых этносов, не имеющих чести быть государственными и называться национальными? Обычно избегающая термина «этнос», пунктом 16.3 той же Рекомендации Парламентская ассамблея предложила «принять соответствующие меры для обеспечения того, чтобы государства-члены отвергали любые попытки пропаганды идей этнической чистоты государств или организации территории и системы государственного управления на этнической основе, за исключением компенсационных мер, направленных на достижение справедливого представительства национальных меньшинств в органах государственного управления страны на центральном и местном уровне».

Понятно, что это терминологическое жонглирование. Ясно, что в именуемых «национальными» государствах содержание терминов «нация», «национальный», в прошлом считавшихся цивилизационным достижением, зашло в тупик или по меньшей мере существует кризис их однозначного понимания, и ими с трудом регулируются внутренние межэтнические отношения в «национальном государстве». Однако проблема не только в этом. Большая часть «национальных государств» не хочет признавать частные права «национальных меньшинств». Франция, например, считает достаточной норму равноправия граждан. Хартия была подписана правительством Л. Жоспена, но не была ратифицирована, так как Конституционный совет решил, что она содержит противоречащие конституции положения. После внесения в конституцию ряда изменений, в том числе о региональных языках, в 2015 г. Государственный совет Франции издал консультативное заключение, в котором отверг проект закона о ратификации Хартии.

Общества уже давно поняли, что «провозглашённые высшими цивилизационными ценностями» термины порой камуфлируют совершенно иные отношения, в т.ч. этнокультурное доминирование, и если до сей поры недостаточно хорошо понятное выражение «этнический национализм» в основном трактуется как «политический национализм» этнических меньшинств «национального государства», т.е. «желание создать собственное

национальное государство», то это чаще есть результат замены европейского «национального» на этническое. Как пишет Э. Хобсбаум, «в Европе этническая политика трансформируется в националистическую из желания контролировать государственную политику»³⁷. То есть, доминирующая единица-этнос полинациональной «единицы-нации» всеми способами стремится её контролировать и переоплотить в собственную власть, иначе говоря, фактически один этнический компонент «единицы-нации» завуалировано узурпирует власть, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Трудно определить, как следует называть такого рода национализм – «этническим» или «национальным». С одной стороны, он является этническим, поскольку обслуживает интересы доминирующего этноса «единицы-нации»; с другой стороны, он может называться и «национальным», так как вытекает из правовой «единицы-нации» и распространяется на неё в целом.

Результатом недекларируемой политики «национальных государств» является то, что сегодня, после многочисленных научных и правовых анализов «этнической» и «национальной принадлежности», европейский политический консенсус заключается в том, что этническая идентичность – результат индивидуального восприятия: каждый человек сам решает, какая у него этническая принадлежность, и у него не должны требовать доказательств. Это чётко отражено в вышеупомянутой Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Однако такой подход создаёт новые проблемы. Фактически не даётся формулировки какой-либо правовой защиты этноса как группы. Рамочная конвенция, например, защищает права отдельного человека, принадлежащего к меньшинству, она не обязывает государства применять коллективное право национального меньшинства как группы³⁸. Данная конвенция не уклонилась от пояснения термина «национальное меньшинство», но относительно его критериев консенсуса достигнуто не было³⁹.

³⁷ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 336.

³⁸ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, ст. 13.

³⁹ Heintze H. Article 1 // The Rights of Minorities in Europe: A Commentary on the European Framework Convention for the Protection of National Minorities.

Параллельно с этим, однако, некоторые страны дают привилегии трудно измеряемому и не имеющему правового статуса этническому родству – создаются законы, облегчающие предоставление гражданства данной страны людям, родственным доминирующему этносу. Такими странами являются, например, Германия, Россия, Израиль, Армения. Этнический немец, русский, еврей, армянин по сравнению с людьми, имеющими иную этническую принадлежность, легче могут стать гражданами Германии, России, Израиля, Армении. Но для этого они должны предоставить доказательства своей этнической принадлежности – «этнического родства». Каждая страна сама определяет «доказательства»-показатели для его определения. В результате возникает большая путаница как в правовом и научном применении, трактовке, так и в общественном восприятии понятий «нация», «национальный», «идентичность». В необходимых случаях они становятся материалом для дополнительных примечаний/комментариев, а также, естественно – предметом политических манипуляций.

Во всяком случае, модель «национальное государство» и его изначальная европейская концепция настолько отошли от своих исходных принципов и настолько приблизились к иным моделям, что мы принципиально имеем дело с процессом этнификации граждан государства и подходим к единству нации и этноса. А некоторые национальные государства начинали строиться именно с этой целью.

ЧАСТЬ 2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТНОПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ CASE-STUDY

ГЛАВА 4. УКРАИНА: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Этническая структура населения

По результатам переписи населения 2001 г. на Украине проживало 48 240 902 чел.⁴⁰ Низкие темпы социально-экономиче-

Oxford and New York: Oxford University Press, 2006. P. 79-80.

⁴⁰ Свтух В.Б., Трошинський В.П., Галушко К.Ю., Чернова К.О. Етно-націо-

ского развития государства повлекли за собой стремительные депопуляционные тенденции, волны вынужденных трудовых миграций. Следовательно, официальные данные государственной статистики свидетельствуют, что на Украине по состоянию на 1 сентября 2021 г. проживало 41 342 500 чел.⁴¹

Этническими украинцами в 2001 г. задекларировали себя 77,8% населения Украины. Избегая дискуссий, с одной стороны, об определяющей роли «титульной нации», а с другой, об исключительной «полиэтничности украинского общества» и «многонациональности Украины» следует констатировать, что доминирующая этническая группа – это своеобразное «этническое» ядро» (большинство населения), этноним которого и спроектировал политоним государства. В этой связи украинский географ Мирослав Днистрянский констатирует, что страны, «более 80% территории которых – ареал расселения одного этноса при наличии сравнительно небольших ареалов компактного расселения этнических меньшинств и малых коренных народов»⁴², можно отнести к типу преимущественно моноэтнических государств, которым и выступает Украина. В то же время, на наш взгляд, более релевантна точка зрения политолога Романа Коршука, который страны, где в «процентном отношении количество представителей доминантной этнической группы может колебаться в пределах 51-89% от общего количества граждан» относит к *типу государств с полиэтническим составом населения*⁴³. К подобному типу стран относим Украину, по сравнению, например, с моноэтнической Польшей или полиэтническими США или многонациональной Российской Федерацией.

Заметим, что по результатам переписи населения 2001 г. по-

нальна структура українського суспільства. Довідник. К.: Наукова думка, 2004. С. 326.

⁴¹ Омелянюк М. За вісім місяців населення України скоротилось на понад 245 тисяч людей – Держстат. URL: <https://suspihne.media/172928-za-visim-misaciv-naselenna-ukraini-skorotilos-na-ponad-245-tisac-ludej-derzstat/> (дата обращения 08.12.2021).

⁴² Дністрянський М.С. Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики. Львів: Літопис; Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. С. 59.

⁴³ Коршук Р.М. Етнополітологія: Навчальний посібник. К.: Алерта. 2011. С. 134.

что половина (12 из 25) регионов Украины подпадали под критерий регионов с полиэтническим составом населения, при этом 10 из 12 представляли Южную и Восточную Украину. В то же время, на наш взгляд, особо стоит выделить Одесскую, Черновицкую и Закарпатскую области, где полиэтничность является наиболее мозаичной, в то время как в других регионах Украины она обусловлена исключительно доминированием представителей русской этничности на фоне незначительной численности других этнических общин. То же самое можно сказать и об Автономной Республике Крым⁴⁴.

Наиболее мультикультурным регионом Украины является Одесская область, где 37,2% населения являются представителями этнических меньшинств. Кроме более 20% русских, в области проживают болгары (6,1%), молдаване (5%), гагаузы (1,1%), евреи и белорусы (по 0,5%), меньше – армяне и цыгане. Полиэтническим регионом Украины также является Северная Буковина (Черновицкая область), где 25% населения составляют представители этнических меньшинств, в частности – румыны (12,5%), молдаване (7,3%), русские (4,1%), меньше – поляки, белорусы и евреи.

В Закарпатье 19,5% населения компактно представлено этническими меньшинствами, в основном в сельской местности. Это – венгры (12,1%), румыны (2,6%), русские (2,5%), цыгане (1,1%), меньше – словаки, немцы, белорусы и евреи⁴⁵. Следует заметить, что статистические показатели переписи населения не соответствуют этносоциальной реальности. К примеру, в 2001 г. было зафиксировано 14 004 цыган, для 62,4% из которых родным являлся венгерский язык. В то же время по состоянию на 31 декабря 2017 г. закарпатские медики статистически определили 52 214 представителей ромского этнического меньшинства в Закарпатье⁴⁶. Эта цифра также условна, о чём публично заявляют цыганские общественные лидеры края. Обратим внима-

⁴⁴ С точки зрения российского законодательства – республика в составе Российской Федерации с 2014 г.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Туберкулез в Закарпатті (аналітично-статистичний довідник за 2014–2018 роки) / Розробники: В.В. Скрип, Л.Ю. Марковій, Т.В. Шевчук. Ужгород: Обласне клінічне територіальне медичне об'єднання «Фтизіатрія», 2019. С. 106.

ние также на то, что абсолютно не исследованными в культурно- и политико-антропологическом дискурсах остаются пять этнодиалектных групп цыганской общины Закарпатья: 1) унгрика рома / ловары (Береговский, Ужгородский и Мукачевский районы); 2) сервитика рома / словацкие цыгане (Ужгородский район); 3) келдерары / «шатровые цыгане» (лагеря в пределах сёл Королёво и Подвиноградов, г. Виноградов); 4) румыно-язычные волохи / «белые цыгане» (сёла Мирча, Каменица, Анталовцы, Симер, Турья Пасека, Турьи Реметы и Порошково в Ужгородском районе; сёла Обава и Верхняя Визница в Мукачевском районе; село Долгое в Хустском районе); 5) мараморошские цыгане (Тячевский и Раховский районы).

Нормативно-правовое регулирование этнонациональной политики

Национальное законодательство Украины, регулирующее сферу этнонациональной политики, включает ряд нормативно-правовых документов: Конституцию Украины (28.06.1996 г.), Декларацию прав национальностей Украины (01.11.1991 г.), Законы Украины «О национальных меньшинствах в Украине» (25.06.1992 г.), «О гражданстве Украины» (18.01.2001 г.), «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите» (08.07.2011 г.), «О культуре» (14.12.2010 г.), «Об образовании» (05.09.2017 г.), «О полном общем среднем образовании» (15.01.2020 г.), «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» (25.04.2019 г.), «О коренных народах Украины» (01.07.2021 г.) и т.д. Украина ратифицировала важные международные документы, в частности, Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств (09.12.1997 г.) и Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств (15.05.2003 г.). Впрочем, несмотря на экстенсивный формат политико-правового обеспечения этнонациональной политики Украины, его содержательная часть и далее нуждается в значительной доработке, изменениях и обновлении.

Следует отметить, что поныне (после 30 лет независимости Украины) так и остаётся не выработанной концепция государственной этнонациональной политики. Поэтому в нормативно-правовых документах произвольно используются категории

«украинский народ», «украинская нация», «национальности», «национальные меньшинства» и т.д. Украинский законодатель, в отличие от центрально-восточноевропейского (в частности, Польши и Венгрии), не определяет чёткий критерий или перечень национальных, этнических и языковых меньшинств, ошибочно признавая всех граждан Украины, которые «не являются украинцами по национальности» и «проявляют чувство национальной общности между собой», представителями национальных меньшинств. Это положение не изменено и в новом, представленном для обсуждения, законопроекте «О национальных сообществах Украины» (2021 г.)⁴⁷.

Если «Декларация прав национальностей Украины» гарантировала представителям меньшинств *национально-территориальную автономию* (ст. 2)⁴⁸, то специальный закон «О национальных меньшинствах в Украине» предлагает реализовать *национально-культурную автономию* (ст. 6)⁴⁹. В то же время конкретный механизм её реализации в законодательстве так и не отражён⁵⁰.

В отличие от законодательства соседних стран, в частности, Венгрии, Румынии и Польши, где чётко определены формы позитивной дискриминации в рамках политического представительства (государственные органы самоуправления меньшинств, парламентское представительство, снижение процентного барьера). Закон Украины «О национальных меньшинствах Украины» в ст. 9 лишь констатирует, что «граждане Украины, которые относятся к национальным меньшинствам, имеют право соответственно избираться или назначаться на равных началах в органы законодательной, исполнительной, судебной власти, ме-

⁴⁷ Закон України «Про національні спільноти в Україні» (проект). URL: <http://kompravlud.rada.gov.ua/uploads/documents/34043.pdf> (дата обращения 19.10.2021).

⁴⁸ Декларация прав национальностей Украины. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1771-12> (дата обращения 21.05.2019).

⁴⁹ Закон України «Про національні меншини в Україні». URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2494-12> (дата обращения 21.05.2019).

⁵⁰ Див.: Лемак В.В. Національні меншини в межах демократичного правопорядку: досвід України // Актуальні питання законодавчого регулювання захисту прав національних меншин в Україні та шляхи їх реалізації в умовах поліетнічного регіону: аналіз, оцінки. Ужгород: «Ліра», 2012. С. 21-32.

стного самоуправления, в армии, на предприятиях, в учреждениях и организациях»⁵¹.

Следует отметить, что ряд законодательных документов этнополитического характера представляет противоречивые позиции, провоцируя при этом противостояние в украинском политикуме, и разграничивают украинское общество. В частности, Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» (03.07.2012 г.), который расширял статус региональных языков, в том числе русского, был отменён во время «Евромайдана» в феврале 2014 г. сторонниками евро-атлантической интеграции Украины. В противоположном общественно-политическом контексте громкие дебаты вызвало принятие Закона Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» (25.04.2019 г.)⁵². Законодательный документ был раскритикован уже теперешними оппозиционными политическими силами. На дипломатическом уровне закон критиковался также Россией, которая апеллировала к Совету безопасности ООН, и Венгрией, которая считала, что закон «соответствует духу Петра Порошенко»⁵³. Нормативный документ, закрепил государственный статус украинского языка как языка межэтнического общения и определил широкий круг лиц, прежде всего государственных служащих, которые в обязательном порядке должны им владеть; установлена квота (не менее 50%) для украиноязычных книг, газет и другой печатной продукции; в сфере обслуживания потребителей украинский язык определён приоритетным (первое обращение работника сферы обслуживания должно звучать на украинском языке, в то же время по просьбе клиента его персональное обслуживание может осуществляться также на другом языке, приемлемом для сторон)⁵⁴.

⁵¹ Закон України «Про національні меншини в Україні». URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2494-12> (дата обращения 21.05.2019).

⁵² Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text> (дата обращения 21.05.2019).

⁵³ «Сподіваємось на Зеленського» – МЗС Угорщини про підписання Порошенком мовного закону. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/news-zakon-mova-ugorshchyna/29946034.html> (дата обращения 11.06.2019).

⁵⁴ Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text> (дата об-

Не менее дискуссионным в украинской общественной среде и соседних странах (опять же, больше всего в Венгрии) стал Закон Украины «Об образовании» (05.09.2017 г.), в частности его ст. 7 «Язык образования»⁵⁵. Декларативные положения данной статьи развила ст. 5 Закона Украины «О полном общем среднем образовании» (15.01.2020 г.), где предусмотрено, что лица, «принадлежащие к национальным меньшинствам Украины, языки которых являются официальными языками Европейского союза», получают базовое среднее образование на государственном языке в объёме не менее 20% годового объёма учебного времени в 5 классе с ежегодным увеличением такого объёма (не менее 40% в 9 классе); профильное среднее образование на государственном языке в объёме не менее 60% годового объёма учебного времени. В то же время лица, принадлежащие к другим национальным меньшинствам Украины (в первую очередь речь идёт об этнических русских), получают в государственных, коммунальных или корпоративных учебных заведениях базовое и профильное среднее образование на государственном языке не менее 80% годового объёма учебного времени⁵⁶.

В новом Законе «О коренных народах Украины» (01.07.2021 г.) коренными народами Украины определены этнические общности, которые сформировались на территории Украины, являются носителями самобытного языка и культуры, имеют традиционные, социальные, культурные или представительские органы, самоосознают себя коренным народом Украины, составляют этническое меньшинство в составе её населения и не имеют собственного государственного образования за пределами Украины. В результате коренными народами Украины признаны три этнические группы, которые сформировались на территории Крымского полуострова – крымские татары, караимы и крымчаки. В эту категорию не вошли гагаузы, коренные жители Бессарабии⁵⁷. Несмотря на дискуссии на уровне общест-

ращения 21.05.2019).

⁵⁵ Закон України «Про освіту». URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19> (дата обращения 21.05.2019).

⁵⁶ Закон України «Про повну загальну середню освіту». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/463-20#Text> (дата обращения 19.10.2021).

⁵⁷ Закон України «Про корінні народи України». URL:

венных организаций, в группу коренных народов не вошли цыгане. Закон резко критиковали представители венгерского регионального политикума Закарпатья, которые апеллировали к нормам законодательства Венгрии, которая признаёт 13 коренных меньшинств, предки которых проживали на территории государства более 100 лет. Замечания о «неприсутствии» в нормативно-правовом документе выражали и представители русинских общественных организаций Закарпатской области.

Следует отметить, что Закон «О коренных народах Украины» предусматривает право общин, которые признаны коренными, «на самоуправление в вопросах, которые принадлежат к их внутренним делам, в том числе относительно создания их представительных органов, которые создаются и действуют в рамках Конституции и законов Украины»⁵⁸. Это положение вызывает определенные ожидания относительно институционального статуса таких органов. В частности, меджлис крымско-татарского народа формально так и остаётся представительной общественной структурой без соответствующих полномочий в политической системе Украины. Собственно, поэтому глава Демократической партии венгров Украины (ДПВУ) Ласло Зубанич справедливо замечает, что «принятие закона вписывается в серию символических жестов украинской государственной власти в адрес крымско-татарского народа. Хотя реализация содержания документа в повседневной практике вызывает большие сомнения, поскольку Крымский полуостров как сфера его действия теперь находится вне юрисдикции Украины. (...) Несмотря на то что закон признаёт и предлагает закрепить законодательно правосубъектность только определённой этнической группы и на отдельной территории страны, а также внутреннее право этнической группы на самоопределение и средства его реализации – уполномоченный этой группой представительский орган, принятие этого закона может стать важным этапом в правовом развитии Украины по отношению к национальным меньшинствам»⁵⁹. Очевидно, что в случае принятия нового законодатель-

<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1616-20#Text> (дата обращения 25.11.2021).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Зубанич Л. Як має працювати Закон України «Про корінні народи Украї-

ства о национальных общностях Украины к нормам Закона «О коренных народах Украины», кроме крымских татар, могут апеллировать и этнические общины, компактно проживающие в полиэтнических регионах (гагаузы, болгары, молдаване, румыны, венгры и др.).

Этнополитический менеджмент

В структуре Администрации Президента Петра Порошенко выделялось пять учреждений, которые могли регулировать вопросы, связанные с этнополитическими процессами: 1) Уполномоченный Президента Украины по делам крымско-татарского народа (Мустафа Джемилев); 2) Отдел обеспечения деятельности Уполномоченного Президента Украины по делам крымско-татарского народа (Лимара Таирова); 3) Департамент по гражданству (Максим Моисеев); 4) Главный департамент по вопросам гуманитарной политики (Юрий Рубан); 5) Главный департамент по вопросам внутренней политики (Александр Гончарук)⁶⁰. В офисе президента Владимира Зеленского нет подобной структуры и не выделено специального отдела, который был бы причастен к функциональным вопросам этнонациональной политики. Эти функции в интегральном плане выполняет Директорат по вопросам внутренней и гуманитарной политики⁶¹.

Необходимо обратить внимание на то, что с увольнением М. Джемилева с должности (май 2019 г.) новый Уполномоченный так и не был назначен, и должность была упразднена, хотя М. Джемилев представил на эту должность кандидатуру главы меджлиса крымско-татарского народа Рефата Чубарова ещё в августе 2019 г. Главным консультантом Отдела обеспечения деятельности Уполномоченного Президента Украины по делам крымско-татарского народа теперь является Ельзара Шукуджиева⁶². Основные задачи Уполномоченного состоят в обеспече-

ни». URL: <https://infopost.media/yak-maye-praczuivaty-zakon-ukrayiny-pro-korinni-narody-ukrayiny/> (дата обращения 16.11.2021).

⁶⁰ Структура Адміністрації Президента. URL: <https://www.president.gov.ua/administration/aru-structure> (дата обращения 13.11.2018).

⁶¹ Зан М.П. Структурно-функціональні особливості етнополітичного менеджменту в Україні та Румунії: компаративний вимір // Політичне життя. 2019. Вип. 4. С. 23.

⁶² Головний консультант Відділу забезпечення діяльності Уповноваженого

нии: 1) мониторинга соблюдения на Украине конституционных прав крымско-татарского народа и внесения в установленном порядке президенту Украины предложений по прекращению нарушений таких прав, предотвращение попыток их ограничения; 2) участия в подготовке проектов законов, актов президента Украины по вопросам защиты прав крымско-татарского народа, сохранения и развития его этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности; 3) подготовки и организации мероприятий по участию президента Украины, в т.ч. международного характера, по вопросам обеспечения прав крымско-татарского народа; 4) информирования общественности об осуществлении президентом Украины полномочий по обеспечению соблюдения конституционных прав крымских татар как коренного народа Украины и др.

Длительный период в структуре Кабинета министров Украины действовал специальный орган исполнительной власти, который реализовал этнонациональную политику на тактическом уровне этнополитического менеджмента. Он часто менял своё название и подчинение: Комитет по делам национальностей (февраль 1992 – апрель 1993 г.); Министерство Украины по делам национальностей и миграции (апрель 1993 – июль 1994 г.; декабрь 1995 – сентябрь 1996 г.); Министерство Украины по делам национальностей, миграции и культов (июль 1994 – декабрь 1995 г.); Государственный комитет Украины по делам национальностей и миграции (сентябрь 1996 – апрель 2000 г.; декабрь 2001 – ноябрь 2006 г.); Государственный департамент по делам национальностей и миграции в составе Министерства юстиции (апрель 2000 – декабрь 2001 г.); Государственный комитет Украины по делам национальностей и религии (ноябрь 2006 – декабрь 2010 г.).

С конца 2010 г. вопросы этнонациональной политики на правительственном уровне регулировал Департамент по делам религий и национальностей при Министерстве культуры Укра-

Президента України у справах кримськотатарського народу Адміністрації Президента України. URL: <https://www.president.gov.ua/lustration/golovnij-konsultant-viddiluzabezpechennya-diyalnosti-upovno-941> (дата обращения 24.11.2021).

ины. Структура Департамента по делам религий и национальностей (директор Андрей Юраш) состояла из отделов: 1) религиозно-аналитической работы; 2) мониторинга деятельности и регистрации уставов религиозных организаций; 3) коммуникации и содействия религиозным организациям; 4) информационно-аналитической работы по вопросам этнополитики; 5) международного сотрудничества по вопросам национальных меньшинств; 6) взаимодействия с национальными сообществами Украины и зарубежными украинцами⁶³.

В процессе реформирования органов исполнительной власти, начиная с 2019 г. Департамент по делам религий и национальностей при Министерстве культуры Украины постепенно трансформировался в Государственную службу Украины по этнополитике и свободе совести. В 2020 г. главой этого учреждения назначена Елена Богдан. Основными задачами Службы в первую очередь являются: 1) реализация государственной политики в сфере межнациональных отношений, религии и защиты прав национальных меньшинств на Украине; 2) внесение на рассмотрение Министерства культуры и информационной политики предложений по формированию государственной политики в сфере межнациональных отношений, религии и защиты прав национальных меньшинств на Украине. С осени 2020 г. Службе переданы её профессиональные функции от Министерства культуры и информационной политики Украины⁶⁴. При Министерстве образования и науки Украины в структуре Директората дошкольного и школьного образования Главного управления общего среднего и дошкольного образования функционирует Отдел содержания образования, языковой политики и образования национальных меньшинств⁶⁵.

С февраля 2017 г. при Министерстве культуры Украины действует Экспертный совет по вопросам этнополитики (руководи-

⁶³ Департамент у справах релігій та національностей. URL: http://mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245168495 (дата обращения 16.11.2018).

⁶⁴ Про Державну службу України з етнополітики та свободи совісті. URL: <https://dcss.gov.ua/about/> (дата обращения 20.09.2021).

⁶⁵ Зан М.П. Порівняльний аналіз етнополітичного менеджменту в Словачкій Республіці та Україні (за результатами експертного опитування) // Політикус. Науковий журнал. 2020. Випуск 2. С. 179.

тель Владимир Евтух) как консультативно-совещательный орган. Он создан с целью «проведения анализа общественных процессов, подготовки экспертной оценки, предоставления рекомендаций и предложений по вопросам этнополитики, а также обеспечения формирования и реализации государственной политики в сфере межнациональных отношений и защиты прав национальных меньшинств»⁶⁶. Важным является то, что представители этого органа проводят выездные заседания, имея возможность на местах констатировать всю сложность и контроверсионность точек зрения официального Киева и регионов. Это показали, в частности, горячие дискуссии о содержании Концепции государственной этнонациональной политики Украины в г. Берегово 19 декабря 2017 г.

В структуре Верховной рады Украины (ВРУ) предыдущего VIII созыва наряду с другими комитетами был представлен профильный комитет, занимающийся непосредственно вопросами этнонациональной политики – Комитет по вопросам прав человека, национальных меньшинств и межнациональных отношений (глава Григорий Немыря). В его состав привлечены известные специалисты и эксперты, представители интересов этнических меньшинств Украины: Василий Брензович, Вадим Рабинович, Александр Фельдман, М. Джемилев, Р. Чубаров. Кроме деятельности парламентского комитета, немаловажную роль в сфере защиты прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, выполняет институт Уполномоченного Верховной рады Украины по правам человека (Людмила Денисова). Примечательно, что впервые со времён независимости Украины, в 2012 г. состоялись парламентские слушания в ВРУ относительно этнонациональной ситуации в стране и эффективности этнонациональной политики. Активное участие в слушаниях приняли представители органов государственной власти, общественных организаций этнических меньшинств, ведущих научных учреждений Украины.

В структуре ВРУ нынешнего IX созыва среди 23 комитетов выделяется Комитет по вопросам прав человека, который воз-

⁶⁶ Про Експертну раду Міністерства культури України з питань етнополітики. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0246-17> (дата обращения 16.11.2018).

главляет этнический грек Дмитрий Лубинец (депутатская группа «За будущее»). В состав Комитета включены представители крымско-татарской общественности Рустем Умеров («Голос») и Ахтем Чийгоз («Европейская солидарность») а также представитель еврейской общины Украины В. Рабинович («Оппозиционная платформа – За жизнь»)⁶⁷.

Управление этнополитическими процессами на уровне местного самоуправления представлено одной из депутатских комиссий областных советов. К примеру, при Закарпатском областном совете действует Постоянная комиссия по вопросам образования, науки, культуры, духовности, молодёжной политики, физкультуры и спорта, национальных меньшинств и информационной политики. Её возглавляет Ильдико Орос, представительница Закарпатской областной организации политической партии «КМКС»⁶⁸ Партии венгров Украины («КМКС» ПВУ, создана на базе Общества венгерской культуры Закарпатья, которое действует с 1989 г.) и председатель Закарпатского венгерскоязычного педагогического общества⁶⁹.

Этнополитический менеджмент в структуре Закарпатской областной государственной администрации представлен Департаментом культуры, национальностей и религий. Он занимается мониторингом этнополитической ситуации в регионе, сотрудничает с общественными организациями этнических меньшинств, реализует региональные программы защиты этнокультурных потребностей этнических меньшинств. Управление национальностей и религий (последний руководитель – Иосиф Ре-

⁶⁷ Комітет з питань прав людини, деокупації та реінтеграції тимчасово окупованих територій у Донецькій, Луганській областях та Автономної Республіки Крим, міста Севастополя, національних меншин і міжнаціональних відносин. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_komity?pidid=3016 (дата обращения 06.11.2021).

⁶⁸ Используется транслитерация венгерской аббревиатуры KMKSZ – *Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség* (Товарищество венгерской культуры Закарпатья).

⁶⁹ Постійна комісія з питань освіти, науки, культури, духовності, молодіжної політики, фізкультури і спорту, національних меншин та інформаційної політики. URL: <http://zakarpat-rada.gov.ua/oblasna-rada/postijni-komisiji/z-pytan-osvity-nauky-kultury-duhovnosti-molodizhnoji-polityky-fizkultury-i-sportu-natsionalnyh-menshyn-ta-informatsijnoji-polityky/> (дата обращения 06.11.2021).

зеш, этнический венгр, представитель «КМКС» ПВУ) до объединения с Департаментом культуры реализовало, например, следующие программы: 1) «Центр культур национальных меньшинств Закарпатья на 2016–2020 годы»; 2) «Программа обеспечения развития образования, культуры, традиций национальных меньшинств области на 2016–2020 годы»; 3) «Цыганское население Закарпатья» на 2016–2020 гг.; 4) «План мероприятий по реализации в области Стратегии защиты и интеграции в украинское общество цыганского национального меньшинства на период до 2020 года»⁷⁰.

Отметим, что с 1999 г., единственный на Украине, в Закарпатье начал функционировать Центр культур национальных меньшинств Закарпатья. Он выступает своеобразной дискуссионной площадкой для взаимодействия представителей общественных организаций этнических меньшинств, с одной стороны, с властью и широкой общественностью, с другой стороны. Его деятельность направлена на «реализацию государственной политики в сфере удовлетворения этнокультурных потребностей национальных меньшинств, возрождения, сохранения и развития в области их культуры, языков, обычаев и традиций»⁷¹.

Парламентская репрезентация миноритарных этнических групп

В законодательстве Украины не предусмотрен институт позитивной дискриминации и кооптирования в национальный парламент представителей этнических общественных организаций или политических партий. В то же время в контексте освещения этнополитических процессов на Украине нам представляется важным обозначить проблематику присутствия представителей отдельных этнических общин в составе высшего зако-

⁷⁰ Інформація про управління національностей та релігій. URL: <https://carpathia.gov.ua/storinka/informaciya-pro-upravlinnya-nacionalnostey-ta-relihiy> (дата обращения 04.11.2019).

⁷¹ Положення про Центр культур національних меншин Закарпаття у м. Ужгороді. URL: <http://centerkylytyr.pp.ua/2017/01/26/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%BE-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80-%D0%BD%D0%B0%D1%86%D1%96%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB/#more-858> (дата обращения 04.11.2019).

нодательного органа страны.

Следует отметить, что уже во время президентской избирательной кампании 2019 г. общественно-политические лидеры крымско-татарской этнической общины активно поддерживали экс-президента Украины П. Порошенко. Закономерным стало то, что этнополитический лидер крымских татар М. Джемилев (№6) и заместитель главы меджлиса крымско-татарского народа А. Чийгоз (№9) были включены в списки политической партии «Европейская солидарность» и стали народными депутатами ВРУ IX созыва. Бывший советник Уполномоченного президента Украины по делам крымско-татарского народа Р. Умеров прошёл в парламент по спискам партии «Голос» (№18). В то же время не прошли в ВРУ глава меджлиса Р. Чубаров («Сила и честь», №3) и бывшая первая заместитель министра информационной политики Эмине Джеппар («Украинская стратегия Гройсмана», №4).

На выборах в ВРУ в 2019 г. в качестве беспартийного самовыдвиженца в одномандатном избирательном округе (ОИО) №60 (Донецкая область) избран член Совета Федерации греческих обществ Украины Д. Лубинец. В рамках ОИО №142 в Одесской области с центром в г. Арциз третий раз (после парламентских выборов 2012 и 2014 гг.) победу среди 12 кандидатов одержал президент Ассоциации болгар Украины Антон Киссе. Как самовыдвиженец, он получил относительное большинство (28,58% (17 855 голосов), обойдя представителя партии «Слуга народа» Руслана Плохого (23,37% (14 601 голос)⁷². А. Киссе вошёл в депутатскую группу партии «За будущее». Этнической болгаркой в парламенте IX созыва является также уроженка с. Кринично Болградского района в Одесской области Татьяна Плачкова⁷³. Она прошла в парламент по спискам «Оппозиционной платформы – За жизнь» (№31) и выступает сопредседателем группы по межпарламентским связям Республикой Болгария. В отличие от этнополитического лидера А. Киссе, Т. Плач-

⁷² Відомості про підрахунок голосів виборців в одномандатному виборчому окрузі №142 (Одеська область). Позачергові вибори народних депутатів України 2019. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2019/wp040pt001f01=919pf7331=142.html> (дата обращения 08.09.2019).

⁷³ Кучерява О. У Верховній Раді відбувся День Болгарії. URL: <http://www.golos.com.ua/article/328639> (дата обращения 11.07.2020).

кова непосредственно не представляет болгарскую общину Одесской области. Занимаясь адвокатской деятельностью, в украинский политикум она включилась довольно недавно, в частности, в 2020 г. активно проявила себя в публичной сфере, пропагандируя лозунги политической силы «Оппозиционная платформа – За жизнь».

В одномандатном избирательном округе №203 на парламентских выборах 21 июля 2019 г. среди 17 кандидатов-мажоритарщиков соревновались 10 румыноязычных представителей общественности буковинского края⁷⁴, в частности: лидер межрегионального объединения «Румынское сообщество Украины», самовыдвиженец Ион Попеску, самовыдвиженец Григорий Тимиш, депутат Черновицкого городского совета, представитель партии «Батьківщина» Артур Мунтян, директор Черновицкого областного центра физического здоровья населения «Спорт для всех», представитель политической партии «Слуга народа» Георгий Мазурашу, предприниматель, самовыдвиженец Мирча Беженар, шеф-редактор газеты *Libertatea cuvântului* (рум. «Свобода слова»), самовыдвиженец Михаил Гросу и др. На фоне «всенародной экзальтации» по поводу личности В. Зеленского победу ситуативно одержал представитель партии «Слуга народа» Г. Мазурашу (27,04%, 18 425 голосов избирателей). Другие кандидаты практически «распылили» голоса избирателей «румынского» округа. В подобной ситуации интересы румынского этнического ареала Черновицкой области не представлены в нынешнем парламенте, так как победитель выборов Г. Мазурашу в своей предвыборной программе даже не упоминал о защите прав румынского меньшинства этого региона. Большинство избирателей здесь, как и в других регионах Украины, голосовали за обновление политического класса страны и за привлекательные лозунги борьбы с коррупцией, которые использовала в своей политической рекламе партия «Слуга народа»⁷⁵.

⁷⁴ Româniile din Cernăuți merg la vot pentru a obține în Rada de la Kiev un loc pentru un vorbitor de limba română. URL: <https://radiochisinau.md/romanii-din-cernauti-merg-la-vot-pentru-a-obtine-in-rada-de-la-kiev-un-loc-pentru-un-vorbitor-de-limba-romana---91799.html> (дата обращения 07.09.2019).

⁷⁵ Popescu D. Alegerile parlamentare din Ucraina – rezultate parțiale și prime evaluări. URL: <https://www.casamariinegre.ro/studii/geopolitica/88/alegerile-parlamente>

Примечательно, что председатель «КМКС» ПВУ, народный депутат ВРУ VIII созыва В. Брензович имел наибольшие шансы на победу в ОИО №73 с центром в г. Виноградов. По результатам голосования он занял 2-е место после депутата Закарпатского областного совета Владислава Поляка, получив 16 644 голоса (26,21%) избирателей. Председатель Закарпатской областной организации и первый заместитель председателя «КМКС» ПВУ Иосиф Борто получил 8 939 голосов (12,37%) избирателей ОИО №68 с центром в г. Ужгород и занял 4-е место. Член правления Демократического союза венгров Украины, депутат Закарпатского областного совета (фракция «КМКС» ПВУ) Миклош Товт занял 3-е место в ОИО №69 с центром в Мукачево, получив при этом 6 949 голосов (11,7%) избирателей⁷⁶. Главной причиной непрохождения венгров, в частности В. Брензовича, стали многочисленные нарушения во время выборов, в первую очередь путём подкупа избирателей со стороны кандидатов-конкурентов⁷⁷. Информация, которая во время выборов оперативно размещалась в социальных сетях, касалась организованного подвоза на участки избирателей из среды этнических цыган, проживающих в компактных поселениях (таборах) в Виноградовской, Береговской, Мукачевской городских общинах и в Ужгородском районе⁷⁸.

Глава Еврейского фонда Украины, Украинского еврейского комитета и Ассоциации национально-культурных объединений Украины А. Фельдман в очередной раз прошёл в ВРУ в Харьковской области (ОИО №174) и вошёл во фракцию «Оппозиционная платформа – За жизнь». По спискам этой же политической силы в парламент прошли президент Всеукраинского еврейского конгресса В. Рабинович (№2), политики еврейского этнического происхождения Григорий Суркис (№17), Юлий Иоффе (№12) и Вадим Столар (№11). Еврейские этнические корни имеют также представители партии «Слуга народа» Александр

tare-din-ucraina-rezultate-partiale-si-prime-evaluari (дата обращения 07.09.2019).

⁷⁶ Поляк В. Як пройшли вибори на Закарпатті і кого ми обрали до парламенту // РІО. 2019. №30 (1111) від 27 липня. С. 2-3.

⁷⁷ Durva kampány – brutális választás // Kárpáti Igaz Szó. 2019. július 25. О. 4.

⁷⁸ Фатула Р. Ознаки підкупу та найнижча явка або Як пройшли вибори на Закарпатті // Карпатський об'єктив. 2019. №29 (311) від 25 липня. С. 4.

Дубинский (Киевская область; ОИО №94) и Александр Куницкий (Харьковская область; ОИО №169).

В интернет-издании Объединённой еврейской общины Украины *Jewish News* констатируется, что в украинском парламенте нынешнего созыва есть ряд депутатов, еврейское происхождение которых установлено недостоверно. В частности речь идёт о представителе партии «Слуга народа» Игоре Фрисе (Ивано-Франковская область; ОИО №84), представителях Днепропетровской области Анне Личман (ОИО №30) и Денисе Германе (ОИО №35), Виктории Вагнер (Херсонская область, ОИО №183), «списочниках» партии власти Сергее Ионушасе (№38), Нелли Яковлевой (№113) и Маргарите Шол (№107); представителях «Европейской солидарности» Ирине Фриз (№13) и Яне Зинкевич (№7); депутатах Игоре Абрамовиче («Оппозиционная платформа – За жизнь», №14) и Романе Лозинском («Голос», №15)⁷⁹. Следует отметить, что в отдельном интервью нотариуса И. Фриса ещё в октябре 2016 г. отчётливо говорилось об иудейских традициях его семьи. Поэтому принадлежность его к еврейской общине бесспорна⁸⁰. К тому же очевидна в этом контексте реакция депутатов еврейской этничности И. Фриса и А. Дубинского на резонансное обращение руководителя Департамента стратегических расследований Ивано-Франковской областной полиции Михаила Банка к главе еврейской общины Коломьи о предоставлении данных относительно студентов-евреев Коломьи и Ивано-Франковска. Через несколько дней после вмешательства в дело депутатов полковник полиции был уволен с занимаемой должности министром внутренних дел Арсеном Аваковым⁸¹.

Объективности ради отметим, что делать выводы об этниче-

⁷⁹ Сколько евреев в новой Верховной Раде? URL: <https://jewishnews.com.ua/politics/skolko-evreev-v-novoj-verhovnoj-rade> (дата обращения 08.07.2020).

⁸⁰ Дейчаківська С. Останні галиціанери міста: як і чим живе сучасна єврейська громада в Івано-Франківську. URL: <https://report.if.ua/socium/ostanni-galicyanery-mista-yak-i-chym-zhyve-suchasna-yevrejska-gromada-v-ivano-frankivsku/> (дата обращения 08.07.2020).

⁸¹ Нардепи Дубинський та Фріс пообіцяли домогтися звільнення скандального прикарпатського поліцейського. URL: <https://pravda.if.ua/nardepy-dubynskij-ta-fris-poobiczjali-domogtysya-zvilnennya-skandalnogoprykarpatskogo-policejskogo/> (дата обращения 09.07.2020).

ском происхождении индивида исключительно по маркеру фамилии бесполезно⁸². Показателен следующий пример: в парламенте Украины II созыва были представлены трое депутатов с фамилией Степанов: украинец Михаил (Луганская область, ОИО №257; СПУ), русский Александр (Черниговская область, ОИО №439; беспартийный) и чуваш Пётр (Луганская область, №236; КПУ). Народный депутат IX созыва от партии «Слуга народа» Ирина Аллахвердиева (№116) имеет только азербайджанскую фамилию своего мужа. Спорным остаётся вопрос об этноидентификации спортсмена, народного депутата от «Слуги народа» Жана Беленюка (№10), который по матери является украинцем, а по отцу, выходцу из Руанды – хуту. С точки зрения гетеростереотипности очевидно, что Ж. Беленюк – темнокожий мулат, в то же время он имеет чёткую украинскую как этническую, так и национальную идентичность и считает себя искренним патриотом Украины⁸³.

В ВРУ IX созыва представлены также этнические армяне Суто Мамоян («Оппозиционная платформа – За жизнь»; №33) и Гео Лерос (он же Георг Курехян; «Слуга народа»; №23), грузин Давид Арахамия («Слуга народа»; №4), татарин Александр Абдуллин (Всеукраинское объединение «Батьківщина»; №11), аварец Муса Магомедов (Донецкая область; ОИО №45; внефракционный).

Этнические партии. *Case study* политизации венгров Закарпатья

По сравнению с соседними унитарными странами Центрально-Восточной Европы, украинское законодательство не предусматривает нормативно-правовых оснований для создания региональных и политических партий этнических меньшинств. В то же время, акцентируя внимание только на списке зарегистрированных в установленном законом порядке партий по состоя-

⁸² Опять же, в русле конструктивистской парадигмы в принципе недопустимо любое аскриптивное понимание этнической принадлежности как индивидов, так и групп. Однако на государственном уровне во многих странах мира по-прежнему преобладает примордиальное понимание членства в этнической группе как данного с рождения, фиксированного и неизменного (*прим. отв. ред.*).

⁸³ Штогрін І. Чи пройшла Україна «тест Чепурного», реагуючи на першого темношкірого кандидата у депутати Жана Беленюка. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/beleniuk-cepurnyj/29991845.html> (дата обращения 08.07.2020).

нию на 1 января 2021 г., среди 365 политических партий можно выделить значительное число таких, которые апеллируют к собственно групповым интересам этнических групп⁸⁴. По нашему мнению, среди них можно выделить следующие типы:

1) этнические партии, отстаивающие идеологию украинского этнонационализма / интегрального национализма (Конгресс украинских националистов (26.01.1993)); политические партии «Организация украинских националистов» (17.11.1993 г.), Всеукраинское объединение «Свобода» (16.10.1995 г.); политическая партия УНА–УНСО (20.08.2015 г.);

2) этнорегиональные партии украинской этничности (Украинская Галицкая партия (18.08.2014 г.);

3) этнические партии русской общины / пророссийские партии (Славянская партия (10.06.1993 г.), Прогрессивная социалистическая партия Украины (09.07.1996 г.), партия «Союз» (11.06.1997 г.), партия «Русь» (30.09.1998 г.), политическая партия Украины «Русь единая» (05.06.2003 г.), политическая партия «Социал-патриотическая ассамблея славян» (14.02.2006 г.);

4) этнорегиональные партии венгров Украины («КМКС» Партия венгров Украины (17.02.2005 г.) и Демократическая партия венгров Украины (24.03.2005 г.);

5) этнобрендовые политические партии миноритарных групп Украины (Партия поляков Украины (06.10.2014 г.); Цыганская партия Украины (22.01.2016 г.); Грузинская партия Украины (22.01.2016 г.), в мае 2017 г. переименована в «Блок Михаила Саакашвили», но не имеет отношения к самой личности упомянутого политика)⁸⁵. Отметим, что под этнобрендовой политической партией мы рассматриваем такое юридически оформленное объединение граждан, которое использует этноним миноритарной этнической группы в качестве политической технологии, декларативно представляя её интересы. В то же время взаимодействия с представителями этнических меньшинств Укра-

⁸⁴ Відомості щодо зареєстрованих у встановленому законом порядку політичних партій станом на 01.01.2021. URL: <https://minjust.gov.ua/m/4561> (дата обращения 10.12.2021).

⁸⁵ Зан М.П. Репрезентація етнополітичних партій меноритарних груп України у форматі парламентських електоральних циклів 1998–2019 років // Політикус. Науковий журнал. 2020. Випуск 4. С. 147-148.

ины, от которых заимствован этнобренд партии, не происходит. Таким образом, на практике осуществляется своеобразный симулякр этнополитической реальности.

Необходимо заметить, что в случае Цыганской партии Украины этнобренд заимствован даже без учёта эндотнотима «рома», который на Украине используется на официальном уровне, а экзотнотим «цыгане» приобрёл в последнее время негативный контекст. Это априори делает невозможным сотрудничество с представителями ромской/цыганской элиты Украины. В то же время на внеочередном съезде Цыганской партии Украины 7 июня 2019 г. кандидатом в ВРУ по ОИО №136 (часть Малиновского и Суворовского районов г. Одессы) был выдвинут Денис Гончаренко. Он получил всего 388 голосов (8-е место среди 11 кандидатов по округу)⁸⁶. До этого Цыганская партия Украины не проявляла никакой публичной активности. Следовательно, в проекте исследования рейтинга активности и эффективности политических партий, который осуществил Международный центр перспективных исследований в 2019 г., эта политическая сила закономерно оказалась на 334-м месте в списке из 352 позиций⁸⁷.

Как уже говорилось, представительным органом крымскотатарского народа с 1991 г. является меджлис, который не зарегистрирован как политическая или общественная организация. В 2016 г. он признан экстремистской организацией в Российской Федерации. Оппозиционная меджлису, политическая сила «Милли Фирка» ещё в мае 2010 г. в Симферополе приняла программу «Крымские татары. Стратегия XXI века», в которой была поставлена цель создать собственную государственность. В 2000-х гг. в АР Крым также фиксировались проявления деятельности международной исламской партии «Хизб-ут Тахрир аль Ислами» (Исламская партия освобождения)⁸⁸. По сегодня-

⁸⁶ Відомості про підрахунок голосів виборців в одномандатному виборчому окрузі №136 (Одеська область). URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2019/wp04Opt001f01=919pf7331=136.html> (дата обращения 24.07.2020).

⁸⁷ Top 20. Рейтинг активності та ефективності політичних партій України. 42 с. URL: http://icps.com.ua/assets/uploads/images/files/rejting_efektivnost_pol_tic_hnih_part_u.pdf (дата обращения 24.07.2020).

⁸⁸ Зан М., Остапеч Ю. Парламентське представництво національних мен-

шний день функціонує двязичний (український і російський мови) веб-сайт цієї організації (визнана терористическою і заборонена во багатьох країнах світа, включаючи РФ).

Найбільше стабільною і успішною етніческою общиною в плані політико-партійної структуризації і відповідуючого лоббування своїх етногрупових інтересів являються венгри України. В період березня 1998 – квітня 2002 рр. головою Общества венгерської культури Закарпаття був закарпатський лідер-радикал, екс-депутат ВРУ Миклош Ковач. Іменно з його діяльністю пов'язується ідея лоббування так званого «Притисянського району», де компактно проживають венгри. В парламенті VIII скликання венгров представляв уже більш поміркований В. Брензович, який в своїй передвиборній програмі також просував ідею адміністративно-територіального реформування Закарпатської області з виділенням Притисянського району⁸⁹.

Накануне місцевих виборів в 2015 р. лідери «КМКС» ПВУ В. Брензович і ДПВУ Л. Зубанич підписали угоду про співпрацю з визначенням 50%-ної квоти від кожної організації в Закарпатській обласній раді і міські ради, а також виділенням найбільш авторитетних кандидатів на місця⁹⁰. В результаті обидві політическі сили отримали оптимальне представництво в Закарпатській обласній раді, районних, міських, сільських і сільських радах, де компактно проживають венгри. І. Борто після виборів став першим заступником голови Закарпатської обласної ради, а Віктор Микулін – заступником голови Закарпатської обласної державної адміністрації (обидва – «КМКС» ПВУ).

Акцентуючи увагу на останніх виборах в органи місцевого самоуправління 25 жовтня 2020 р., відзначимо, що «КМКС»

шин Румунії: політична практика та досвід для України // Україна – Румунія – Молдова: історичні, політичні та культурні аспекти взаємин у контексті сучасних європейських процесів. Чернівці: Букрек. 2011. Т. IV. С. 111.

⁸⁹ Передвиборна програма кандидата у народні депутати України Брензович Василя Івановича від «КМКС» Партії угорців України. На 2 стор.

⁹⁰ Остапеч Ю.О. Електоральна поведінка та представництво в органах влади угорської громади Закарпаття // Гілея: науковий вісник. 2016. Вип. 113. С. 395-396.

ПВУ делегировала 130 своих представителей, ДПВУ – 23 депутата. Закарпатские венгры-демократы по сравнению с предыдущей избирательной кампанией значительно ослабили своё влияние на уровне местной власти. Это связано как с более лояльной риторикой партии по отношению к украинской власти, так и с непосредственной поддержкой «КМКС» ПВУ со стороны официального Будапешта.

Следует отметить, что этническое представительство венгров Закарпатья в целом необходимо отграничить от политико-партийного представительства «КМКС» ПВУ и ДПВУ. В первую очередь речь идёт об уровне поселковых и сельских советов, где значительное количество венгероязычных депутатов баллотировались как самовыдвиженцы.

На выборах в Закарпатский областной совет за список «КМКС» ПВУ проголосовали 39 049 избирателей, что по сравнению с 2015 г. почти на 2,5 тыс. (41 517 чел.) меньше; однако в процентном отношении этот показатель увеличился с 9,5% до 11,5%. В то же время количество депутатов в областном совете (8 чел., 12,5%) осталось стабильным и чётко отражает представительство венгров в этнонациональной структуре Закарпатской области по данным переписи 2001 г. Электоральные успехи «КМКС» ПВУ на фоне депопуляции, массовой трудовой эмиграции и невысокой явки избирателей, по всей видимости, следует связывать с политикой «мягкой силы» со стороны Венгрии (инфраструктурные и гуманитарные проекты), а также распространением политической рекламы в украиноязычном информационном пространстве области. В связи с этим многие оппозиционно настроенные избиратели голосовали за «КМКС» ПВУ.

В результате административной реформы, приведшей к укрупнению районов, где компактно проживает венгерская этническая община, представители венгерского политикума имеют в процентном отношении значительно меньшее представительство, чем по результатам выборов 2015 г. Если в рамках бывшего состава Береговского районного совета «КМКС» ПВУ и ДПВУ имели 55,88%, то сейчас – 42,85%. Соответственно в Ужгородском районном совете «КМКС» ПВУ имела 22,22%, сейчас – 14,29%. В Мукачевском районном совете по результа-

там выборов 2015 г. партия имела 10,26%, а сейчас вообще нет своих представителей. В Виноградовском районном совете обе партии имели 30,55%. На данном этапе как района, так и соответствующего совета вследствие административной реформы не существует⁹¹.

Определённой потерей для венгерского политикума является отсутствие политико-партийного представительства в городских советах Ужгорода и Хуста, где по результатам выборов 2015 г. были соответственно 2 и 3 депутата от «КМКС» ПВУ. Наиболее успешный результат на уровне поселковых советов – в Вилоцкой территориальной общине, где обе партии венгров обладают большинством (57,69%). В то же время в других поселковых советах политико-партийное представительство венгров (в первую очередь «КМКС» ПВУ) незначительно: Вышковский – 4 депутата, Королёвский – 3 депутата, Батьевский и Солотвинский – по 2 депутата. Впрочем, отсутствие политико-партийной представительности компенсируется наличием депутатов-этнофоров венгерской идентичности, которое на уровне общины обычно согласуется с её корпоративными интересами. Следовательно, местный партикуляризм, по нашему убеждению, имеет большие перспективы отождествляться именно с позицией «КМКС» ПВУ. Особенно это уместно и взаимовыгодно в контексте планомерного продолжения политики «мягкой силы» со стороны Венгрии.

В результате административной реформы и образования объединённых территориальных общин относительно меньшим стало представительство венгерских политических сил на уровне сельских советов. Политико-партийное большинство «КМКС» ПВУ представлено лишь в Пийтерфолловском (65,38%) и Сюртовском (54,55%) сельских советах, которые стали объектом антивенгерской информационной кампании в ноябре – декабре 2020 г. Несмотря на отсутствие партийного выдвижения кандидатов, за исключением одной представительницы от «Слуги народа», своеобразным является доминирование венгерского

⁹¹ Зан М.П. Політико-партійна репрезентація угорської етнічної громади Закарпаття за результатами місцевих виборів 2020 року // Регіональні студії / Ужгородський національний університет. 2021. №24. С. 15.

этнического представительства в Великобыйганском сельского совета. Значительным является представительство «КМКС» ПВУ в нынешнем составе Великодобронского сельского совета (36,84%). С другой стороны, немногочисленно представительство «КМКС» ПВУ в Косоньском (9,09%) и Великоберезком (9,52%) сельских советах. ДПВУ здесь представлена по одному депутату. Впрочем, как уже констатировалось, это компенсируется фактором этнического представительства, ведь здесь венгры являются доминирующей этнической группой. В отличие от почти моноэтнических венгерскоязычных сообществ Береговской и Виноградовской городских общин, следует учитывать фактически биэтнический (украинско-венгерский) состав объединённых территориальных общин Мукачево и Ужгорода. Поэтому представительство «КМКС» ПВУ считаем вполне оптимальным на уровне Горондовского (13,64%), Великолучковско-го (11,54%) и Холмковского (11,54%) сельских советов⁹².

Следует также принять во внимание, что негатив в межгосударственных отношениях из-за неприятия Венгрией нормативно-правовых трансформаций в сфере языковой политики Украины отразился на избирательной кампании 2020 г. К этому прибавились действия правоохранительных органов, в частности Службы безопасности Украины, по разоблачению лидеров венгерского политикума Закарпатья, многочисленные провокации в информационной среде и пр.

Общественные организации этнических меньшинств

Сеть общественных этнических организаций на Украине является чрезвычайно мозаичной, что связано в первую очередь с нормами законодательства – признанием всех неукраинцев представителями национальных меньшинств. Этим правом в гражданском сообществе Украины воспользовались представители около 40 этнических групп. Исследователи констатируют, что с начала XXI в. для работы в национально-культурных обществах привлекались более 300 тыс. чел. Они функционируют в различных формах: союзы, ассоциации, советы, федерации, землячества и т.д. Численность общественных организаций этни-

⁹² Там же. С. 16.

ческих меньшинств динамично растёт: если на 1 января 1999 г. было зарегистрировано 306 организаций, в т.ч. 21 с общегосударственным статусом, то к началу 2012 г. – 1 458, из которых 44 – всеукраинские. Среди них более 150 организаций представляли интересы этнических евреев, около 120 – поляков, более 100 – греков, около 100 – русских, 88 – цыган, 85 – немцев, 41 – болгар, 35 – армян, 34 – азербайджанцев, 18 – белорусов, 15 – корейцев, 14 – румын, 13 – татар, 10 – молдаван, по 9 – караимов и литовцев, 5 – словаков; другие этнические группы Украины представляли по 3 и менее общественных организаций разного статуса⁹³.

В 2016 г. насчитывалось 49 общественных организаций этнических меньшинств Украины с международным и всеукраинским статусом. Контент-анализ показал, что наибольшее количество представили евреи и немцы (по 5 организаций); 4 организации цыган; по 3 – организации русских, болгар и грузин; по 2 – поляков, армян и азербайджанцев; по 1 – белорусов, молдаван, венгров, греков, крымских караимов, гагаузов, татар, чехов, литовцев, эстонцев, чеченцев, месхетинских турок, курдов и корейцев⁹⁴.

Привлекает внимание параллельное сосуществование 6-ти общеукраинских мегаорганизаций, которые объединяют различные национально-культурные общества: Совет национальных обществ Украины (председатель Илья Левитас; 1990), Ассоциация национально-культурных объединений Украины (А. Фельдман; 1999), Конгресс национальных общин Украины (Иосиф Зисельс; 2002), международная общественная организация «Интернациональный союз» (Дария Карякина; 2011), Ассамблея национальностей Украины (Ровшан Тагиев; 2013), Совет нацио-

⁹³ Овчаренко В.П., Овчаренко П.Д. Товариства національно-культурні в Україні. URL: [http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?Z21IID=&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=eiu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=TRN=&S21COLORTERM=0&S21STR=Tovarystva+natsionalno+\(data+obrazheniya+16.05.2019\)](http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?Z21IID=&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=eiu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=TRN=&S21COLORTERM=0&S21STR=Tovarystva+natsionalno+(data+obrazheniya+16.05.2019)).

⁹⁴ Четверта доповідь України про виконання Рамкової конвенції Ради Європи про захист національних меншин. URL: <https://detector.media/infospace/article/122781/2017-01-31-chetverta-dopovid-ukraini-pro-vikonannya-ramkovoї-konventsii-radi-evropi-pro-zakhist-natsionalnikh-menshin/> (дата обращения 16.05.2019).

нальных сообществ Украины (Ашот Аванесян; 2015). На наш взгляд, для создания фактически «организаций-клонов» в среде этнических лидеров мнений есть ряд причин: 1) возможность установления платформы для контактирования между многочисленными национально-культурными обществами; 2) формирование взаимоотношений с высшими органами государственной власти и политическими партиями (лоббирование интересов, участие в выборах и т.п.); 3) международное сотрудничество и участие в грантовых проектах и пр.

Лидеры национально-культурных обществ являются активными участниками локальных избирательных кампаний. Анализируя местные выборы 2020 г. в Закарпатье, среди более 80-ти общественных организаций национальных меньшинств Закарпатской области мы выявили 27 лидеров национально-культурных обществ, баллотировавшихся в качестве кандидатов в депутаты. Среди них преобладают представители цыганских общественных организаций (14 чел.); далее следуют венгры (5 чел.), русины (4 чел.), румыны (2 чел.), словаки и немцы (по 1 чел.). Народными депутатами из 27-ми кандидатов стали 12 руководителей национально-культурных обществ края: 6 лидеров цыганской этнической общины (Юрий Мандыч, Мирослав Горват, Иван Йонаш, Рудольф Пап, Эдуард Тырпак, Леонид Брежинский); 4 лидера венгерского сообщества (Василий Брензович, И. Орос, Иштван Добша, Калман Горват); по одному лидеру словацкого (Эрнест Горват) и немецкого (Юлия Тайпс) этнических меньшинств Закарпатья. Неудачной стала избирательная кампания для руководителей русинских и румынских общественных организаций, поскольку в местные органы власти не прошёл ни один из баллотировавшихся кандидатов⁹⁵.

В разрезе политико-партийной репрезентации больше всего кандидатов баллотировались от «Партии твоего города» (5 чел.), что связано с техническим выдвижением цыганских лидеров от партии в Ужгороде. Именно поэтому наибольшее количество

⁹⁵ Зан М.П. Особливості політико-партійного представництва лідерів громадських організацій меншитарних етнічних груп Закарпатської області в контексті місцевих виборів 2020 року // Актуальні проблеми філософії та соціології. 2021. Вип. 30. С. 91.

цыганских лидеров в качестве кандидатов было представлено в 1-м территориальном избирательном округе в Ужгородский городской совет. Кандидаты от «КМКС» ПВУ (4 чел.) – известные в венгерской общине лидеры национально-культурных обществ как на общерегиональном (В. Брензович, И. Орос), так и местном уровне (И. Добша, Пал Попович). Равномерно (по 3 чел.) представлены политические силы «Родное Закарпатье» (Л. Брежинский, М. Горват, Э. Горват); Всеукраинское объединение «Батькивщина» (Э. Тырпак, Светлана Адам, Ю. Тайпс); «Оппозиционная платформа – За жизнь» (Золтан Адам, Дмитрий Сидор, Юрий Шипович); партия «За будущее» (К. Горват, Юрий Продан, Николай Бобинец). Также равномерно (по 2 чел.) представлены «Команда Андрея Балоги» (И. Йонаш, Артём Леньо) и «Слуга народа» (Арсений Богар, Мария Лаврюк). ДПВУ представил на местных выборах ромский лидер г. Берегово Рудольф Пап, а политическую партию «Сила и Честь» – глава Общества румынской молодёжи «М. Эминеску» Иван Бокоч.

Наиболее фрагментированной в политико-партийном спектре на местных выборах в Закарпатье в 2020 г. оказалась цыганская община: 14 лидеров в целом баллотировались от 7-ми политических партий. Это свидетельствует об отсутствии солидарности между общественными лидерами в плане согласования собственных политических ориентаций и выработке единой общественно-политической платформы для цыган Закарпатья. Цыганские представители не смогли скоординировать усилия и мобилизовать свой этнический электорат в рамках одной или двух политических сил. Следовательно, цыганское общественное движение края является сегментированным, ориентированным на патрон-клиентские отношения и родственно-клановые связи⁹⁶.

За единственным исключением К. Горвата («За будущее») из г. Берегово, все лидеры венгерских общественных организаций были связаны с «КМКС» ПВУ. В свою очередь, руководители русинских национально-культурных обществ фактически «поделили» политическое представительство между «Оппозиционной платформой – За жизнь» и партией «За будущее». В то же время все кандидаты-русины имели довольно низкие по-

⁹⁶ Там же. С. 91-92.

зиции как в едином списке партий, так и на уровне территориальных округов. Что касается румынских общественных лидеров, необходимо констатировать их довольно слабые политико-партийные позиции. Успешное выдвижение лидера словацкого меньшинства Э. Горвата от партии «Родное Закарпатье» следует связывать с родственным фактором (один из основателей политической силы – его родной брат Роберт Горват). Активная работа лидера немецкой молодёжной общественности Закарпатья Ю. Тайпс в г. Мукачево и её выгодная позиция в едином списке партии «Батькивщина» в Мукачевском городском совете стали весомыми основаниями для прохождения в структуру местного самоуправления⁹⁷.

Политизация русинского общественного движения в Закарпатье

Прежде всего следует отметить, что русинское общественное движение зародилось ещё во времена распада СССР. Уже в феврале 1990 г. в Ужгороде было создано областное культурно-просветительное Общество карпатских русинов, которое задекларировало идею возрождения истории и культуры русинов как «коренного этноса» Закарпатья. В сентябре того же года организация распространила «Декларацию Общества карпатских русинов о возвращении Закарпатской области статуса автономной республики». Исследование политизации русинского движения в контексте геополитических приоритетов и политической клиентелы края даёт основание для выделения 4-х этапов его общественно-политической эволюции⁹⁸.

1 этап (1990–1993 гг.) – партноменклатурная, областная властная поддержка и геополитическая многовекторность. Русинское общественное движение поддерживалось элитой Закарпатской области и было представлено различными внешнеполитическими ориентациями (прочехословацкая, провенгерская, пророссийская). В марте 1992 г. заявляет о себе Подкарпатская

⁹⁷ Там же. С. 92.

⁹⁸ См.: Зан М. Неорусинство в Закарпатье: между политической клиентелой и геополитическими ориентациями // Общество и этнополитика: материалы Десятой Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (1 июня – 1 октября 2016 г.) и Десятой Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (1 июня – 1 октября 2017 г.). Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2018. С. 142-148.

республиканская партия, которая ставила целью создание автономного Закарпатья на независимой Украине. 15 мая 1993 г. в г. Мукачево было провозглашено Временное правительство Подкарпатской Руси во главе с профессором Ужгородского государственного университета Иваном Туряницей, в который вошли и граждане соседних государств – Словакии и Венгрии. Самопровозглашённое правительство начало кампанию по дискредитации украинской государственности, привлечению внимания общественности к положению русинов в Закарпатье, признанию недействительности советско-чехословацкого договора 1945 г. В этих обстоятельствах областная власть отмежевалась от сепаратизма, который пропагандировали русинские лидеры-радикалы.

2 этап (1994–2001 гг.) – поиск политических лидеров и геополитическая биполярность. В течение 1999–2001 гг. активность русинских обществ развернулась через проведение 5-14 декабря 2001 г. первой Всеукраинской переписи населения. Основные аргументы русинского общественного движения освещали газеты «Христианская семья» и «Подкарпатская Русь». Представители русинских обществ распространяли также открытки и календари на 2002 г. с призывом «Запишись русином!». На этот призыв откликнулись 10 090 закарпатцев, что составило 0,8% населения края.

3 этап (2002–2009 гг.) – региональная политическая клиентела и пророссийский геополитический приоритет. Этот период связывается с формированием группы «Барва» во главе с В. Балогой. Именно с его властной протекцией связывают признание национальности «русин» 7 марта 2007 г. широкой коалицией депутатов Закарпатского областного совета. Решение о признании русинов было внесено фракцией «Наша Украина» и поддержано Партией регионов и депутатами-венграми. За него голосовали 72 из 90 депутатов. Кроме этого, в начале 2009 г. областной совет принял решение о финансировании за счёт государственного бюджета газеты «Подкарпатский русин». С другой стороны, в русинском движении начинает доминировать пророссийский геополитический вектор. Его лидером становится священник Д. Сидор, который возглавил организацию «Сойм

подкарпатских русинов». Эксперты отмечают, что в это время русинское движение подвергается влиянию Москвы. Об этом свидетельствуют многочисленные конференции и создание организаций-землячеств в Российской Федерации, участие российских организаций в русинских акциях, проводимых в Мукачево и Ужгороде.

4 этап (после 2010 г.) – сегментация патрон-клиентских отношений и доминирование проевро-атлантического геополитического течения. Параллельно с региональной политической клиентелой под руководством В. Балогги ситуативно формируется другая группа влияния под руководством народного депутата от Парии регионов Ивана Бушко. В геополитическом контексте, особенно после событий 2014 г., преобладает проевро-атлантическая ориентация.

Следует отметить, что русинское общественное движение в Закарпатье достаточно сегментировано. Только на областном уровне функционирует 11 русинских национально-культурных обществ. Наряду с этим в многочисленных организациях в разных форматах (руководители, заместители, актив) доминируют одни и те же активисты. Это связано с амбициями отдельных лидеров и жёсткой конкуренцией за получение ожидаемых дивидендов от ситуативного этнобизнеса. Взяв за критерий методику работы русинских национально-культурных обществ, можно выделить три основных направления современного русинского общественного движения в Закарпатье.

Во-первых, *этнокультурное направление в русинском общественном движении* представлено организациями, которые ставят целью возрождение исторической памяти и культуры русинов Закарпатья. Их руководители и общественный актив работают в научной, образовательной и литературной областях. Среди них: Русинское научно-образовательное общество, Союз русинских писателей Закарпатья, Закарпатское областное научно-культурологическое общество имени А. Духновича, Русинский культурологический клуб.

Второе направление – *русинские организации локально-патриотического формата*, перманентно поддерживаемые представителями местного бизнеса и областного политикума, прово-

дят организационную работу по официальному признанию национальности «русин» и обеспечению полноценной реализации прав русинов Закарпатья на национально-территориальную автономию по результатам референдума 1 декабря 1991 г. Это – областной союз русинских организаций «Народный совет русинов Закарпатья», Закарпатское областное «Общество подкарпатских русинов», Закарпатское народное объединение «Субкарпатия», Закарпатское областное общественное объединение «Русинская семья», Закарпатская областная общественная организация «Народный Совет Подкарпатской Руси», Закарпатское областное объединение граждан «Краевое общество подкарпатских русинов», Закарпатский областной благотворительный фонд молодых русинских предпринимателей «Газда». Три последних организации 25 марта 2012 г. объединились в Ассоциацию русинских организаций Закарпатья. Именно их связывали с поддержкой Партии регионов и народного депутата И. Бушко, в то время как Народный совет русинов Закарпатья находился под влиянием «Единого центра» В. Балог (переименован под выборы 2020 г. в партию «Команда Андрея Балог», сына В. Балог).

Третье направление – *радикальные русинские лидеры*, которые пропагандируют идею широкой автономии Закарпатья. Это: лидер Подкарпатской республиканской партии Василий Заяц; профессор И. Туряница; самопровозглашённый премьер-министр Подкарпатской Руси Пётр Гецко и экс-глава Радикальной партии в Закарпатье, глава нелегитимного Конгресса коренных народов Подкарпатской Руси и «гетман подкарпаторусинского народа» Евгений Ластивка. Интересно, что последнего после проведения пресс-конференции 2 декабря 2013 г. вместе с ветераном военной разведки Сергеем Разумовским резко осудил за сепаратистские лозунги даже русинский лидер Д. Сидор.

В русинском общественном движении также происходили попытки политико-партийного структурирования. В частности, 19 марта 1992 г. в Мукачево состоялось учредительное собрание Подкарпатской республиканской партии, в деятельности которой просматривалась реанимация русофильского направления, увлечение идеями панславизма и проектирование будущего края по примеру федеративной Швейцарии. В начале 1995 г.

о себе заявляет Христианско-демократическая партия Закарпатской Автономной Республики. В конце августа 2002 г. лидеры русинского движения (Д. Сидор, Михаил Шарга, Михаил Алмаший и др.) провели в Мукачеве учредительное собрание с целью создания партии «Подкарпатская Русь Украины». Впрочем, из-за отсутствия конкретной социальной базы и финансовой поддержки, перманентной конкуренции между лидерами мнений в общественной среде Закарпатья русинские партийные проекты потеряли свой потенциал⁹⁹.

Показательны результаты участия лидеров русинских национально-культурных обществ на последних местных выборах 2020 г. В частности по спискам политической партии «Оппозиционная платформа – За жизнь» баллотировался известный общественный лидер русинов Закарпатья, священник Д. Сидор (Ужгородский городской совет), а также глава общественной организации «Русинский культурологический клуб» Ю. Шипович (Полянский сельский совет в Мукачевском районе). По спискам политической партии «За будущее» баллотировались председатель Закарпатского областного научно-культурологического общества им. Александра Духновича Ю. Продан (Виноградский районный совет; Виноградский городской совет) и глава Закарпатского областного объединения граждан «Краевое общество Подкарпатских Русинов» Н. Бобинец (Мукачевский районный совет). На должность Среднянского поселкового головы в Ужгородском районе баллотировался известный в Закарпатье русинский общественный активист и блогер Иван Данацко. Среди 6 кандидатов он занял четвертое место¹⁰⁰.

В итоге, несмотря на проведённую агитацию в офлайн и онлайн-режимах, наличие множества сторонников русинской идеи, ни один из названных общественных лидеров так и не стал представителем русинов в органах местного самоуправления. Созданная под местные выборы 2020 г. политическая партия

⁹⁹ Зан М. Неорусинство на Закарпатті як латентний фактор дезінтеграційної загрози єдності українського етнонаціонального простору // Стратегічні пріоритети. Серія «Політика». 2017. №1(42). С. 69-70.

¹⁰⁰ Зан М.П. Дилеммы этноидентификации и общественно-политического представительства русинов в Словацкой Республике и на Украине // Русин. 2021. №65. С. 322-323.

«Родное Закарпатье» (фактически бывшая партия «Киевская громада»), представляет, скорее, группу интересов региональных политиков и бизнесменов (в первую очередь лидеров партии, депутатов ВРУ IX созыва – Василия Петёвки, Валерия Лунченка, Роберта Горвата и Владислава Поляка). Несмотря на локально-патриотическую направленность этой политической силы, её лидеры остаются абсолютно чужды как к проблемам русинского этнонационализма, так и к специфике русинской этноидентификации в Закарпатье в целом¹⁰¹.

Выводы

Первое. Согласно результатам переписи населения начала 2000-х гг., Украина являлась страной с полиэтническим составом населения, почти 78% которого представляли этнические украинцы. Типичными регионами с полиэтническим составом выступали Крым, Одесская, Черновицкая и Закарпатская области. Среди компактных этнических общин в Крыму доминировали русские и крымские татары; в Одесской области – русские, болгары, молдаване и гагаузы; в Черновицкой области – румыны, молдаване и русские; в Закарпатской области – венгры, цыгане и румыны. В то же время результаты переписи населения 2001 г. не соответствуют этносоциальным реалиям. В частности, в Закарпатье данные переписи достаточно контрастируют со специальными медицинскими обследованиями мест компактного проживания (таборов) цыган. Соответственно, численность последних выявляется в четыре раза большей, чем данные переписи 20-летней давности.

Второе. Нормативно-правовая база этнонациональной политики в начале 1990-х гг. зафиксировала широкие права и свободы национальных меньшинств в формате персональной модели национально-культурной автономии. Однако в условиях политического противостояния властных элит Украины сформировались диаметрально противоположные векторы строительства украинской политической нации. Эта дихотомия полностью вписывается в геополитические координаты двух базовых направлений – пророссийского и проевро-атлантического. Несмотря на это, во время президентства Леонида Кучмы и Виктора

¹⁰¹ Там же. С. 323.

Ющенко был зафиксирован своеобразный этнополитический *modus movendi* названных направлений. Тем не менее в период нахождения в президентском кресле Виктора Януковича и П. Порошенко, а сейчас В. Зеленского законодательно закрепляются нормативно-правовые документы в сфере этнополитики, которые всё больше разграничивают, а не объединяют украинскую политическую нацию. В частности, при В. Януковиче был принят Закон Украины «Об основах государственной языковой политики», раскритикованный сторонниками евроинтеграции. Во время президентства П. Порошенко Закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» подвержен остракизму уже со стороны пророссийского политика, в первую очередь лидерами партий «Оппозиционная платформа – За жизнь», «Оппозиционный блок» и «Наши».

Третье. На Украине сформирована национальная модель этнополитического управления, которая включает законодательный, правительственный и президентский уровни. На региональном уровне (Закарпатская область) этнополитический менеджмент представлен Постоянной комиссией по вопросам образования, науки, культуры, духовности, молодёжной политики, физкультуры и спорта, национальных меньшинств и информационной политики; Департаментом культуры, национальностей и религий при Закарпатской областной государственной администрации и Центром культур национальных меньшинств Закарпатья в г. Ужгороде.

Четвёртое. Несмотря на законодательный запрет региональных и этнических партий, на Украине действуют политические акторы, представляющие интересы этнических общин. Наиболее эффективными являются «КМКС» Партия венгров Украины и Демократическая партия венгров Украины, которые представлены на уровне регионального политика в Закарпатье. Этнобрендовые политические партии (Партия поляков Украины, Цыганская партия Украины, партия «Блок Михаила Саакашвили» (бывшая Грузинская партия Украины)) не играют существенной роли в украинской политике. Пророссийские партии (Славянская партия, Прогрессивная социалистическая партия, «Союз» и др.), которые получали значительный электоральный ус-

пех на Юге и Востоке Украины, после «Евромайдана» конца 2013 – начала 2014 г., практически исчезают с политико-партийного пространства Украины. Электоральное внимание бывших их сторонников в восточных областях и на Юге Украины вместо названных пророссийских сил, а также Партии регионов и КПУ, на данном этапе концентрируется вокруг трёх политических сил – «Оппозиционной платформы – За жизнь», «Оппозиционного блока» и партии «Наши».

Пятое. Учитывая опыт институциональных и деятельностных векторов этнополитики соседних стран Центрально-Восточной Европы, можно предположить, что в ближайшей перспективе на Украине необходимо обеспечить адекватную этносоциальным реалиям нормативно-правовую основу этнополитики с соответствующей Концепцией государственной этнонациональной политики, обновлённым Законом «О национальных меньшинствах», отредактированным языковым и образовательным законодательством. Украинский законодатель должен пересмотреть норму целесообразности партийно-политической структуризации этнических меньшинств на региональном уровне. В совершенствовании нуждается также стратегический и тактический формат этнополитического менеджмента Украины. Речь идёт о создании специального министерства, которое регулировало бы исключительно этнополитические проблемы страны и соответствующего ведомства, которое занималось бы проблематикой украинцев диаспоры.

ГЛАВА 5. КОЕ-ЧТО ОБ УКРАИНСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКЕ: О ЧЁМ ГОВОРIT ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Если рассматривать предмет этнополитики по Майклу Паренти как анализ взаимосвязи этнической самоидентификации и политического выбора¹⁰², трудно в современном мире найти другую страну, для которой такой анализ был бы более политически актуален, чем Украина. Отдел этнополитологии украин-

¹⁰² Parenti M. *Ethnic and Political Attitudes: A Depth Study of Italian Americans*. North Stratford: Ayer Co Pub., 1975.

ского Института политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса избрал для себя приоритетным направлением этнополитический контекст социокультурных трансформаций. «То, что Украина неожиданно не только пополнила список “горячих точек” на планете, но и удерживает сомнительное первенство на европейском континенте по длительности и остроте вооружённого противостояния [...], невозможно объяснить без анализа бифуркационных состояний и социопатий, являющихся следствием идентификационных кризисов ...»¹⁰³.

Тезис 1. В силу некоторых особенностей политической истории и внешнеполитического контекста, в котором оказалась Украина, этнополитические процессы в ней уникальны и представляют особый интерес для этнополитологии как науки и для политической практики. Попытки реализовать в современных условиях государственное строительство на принципах и с использованием практики «весны народов» чем-то напоминают спиритический сеанс. Вызываемые таким образом духи национального возрождения позапрошлого века материализуются фуриями агрессивного и бесплодного национализма века прошлого.

Тезис 2. Причины такого грустного и опасного положения вещей в Европе многочисленны и разнообразны. Они заслуживают специального рассмотрения. Представляется вполне обоснованным вывод, сделанный учёными упоминавшегося института НАН Украины в выпущенной четыре года тому назад коллективной монографии «Этнополитический контекст социокультурных трансформаций в современной Украине» о том, что внутренние причины важнее внешних. А также о том, что «историки политической драмы украинского социума просматриваются прежде всего в том, что в течение четверти века независимости [...] политическому классу не удалось создать согласованный “украинский проект”»¹⁰⁴.

И пять лет спустя 30-летие провозглашения независимости прошло без ожидавшегося многими объективного и глубокого анализа пройденного пути, фиксации точки, в которой находит-

¹⁰³ Етнополітичний контекст соціокультурних трансформацій у сучасній Україні. К.: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2017. С. 19.

¹⁰⁴ Указ соч. С. 20.

ся процесс переустройства украинского государства и ясного обозначения его новых векторов и очередных целей.

Тезис 3. Вследствие сказанного, несмотря на произошедшую смену политических поколений, ужесточение политической риторики и продвижение на отдельных направлениях внутренней и внешней политики, фактическое признание Украины членом европейской семьи и помощь с её стороны и со стороны «дальних родственников» в Северной Америке и Австралии, сохраняется ощущение некоторой неопределённости, нерешительности и выжидания.

Вместо упоминавшегося национального политического проекта, отвечающего времени, на Украине появились «два по-разному ориентированных – один [...] был выстроен на принципах согражданства с приоритетом политических и экономических лояльностей и украинско-русского бикультурализма. Другой, имеющий галицкое происхождение, но получивший поддержку значительной части интеллектуальной элиты столицы, основывался на постулатах этноцентризма с жёсткой корреляцией этнической (культурной) и политической лояльности и предполагавший полный разрыв с советским прошлым (и не только с ним, а и с частью своей новейшей истории – В.М.), а также последовательную дерусификацию. Два этих проекта взаимно исключают друг друга, что крайне усложняет задачу выработки стратегических приоритетов государства и делает граждан заложниками политической конъюнктуры и амбиций несговорчивых политиков»¹⁰⁵.

Выводы и рекомендации

Вследствие ряда причин, в том числе использования устаревших этнополитических практик, режим Третьей украинской республики оказался эклектичным и недолговечным.

Он выполнил объективно стоявшую перед ним задачу – превращение неожиданно и легко обрётённых государственного суверенитета и политической независимости из потенции в данность. Но он свой ресурс исчерпал и нуждается в полной перезагрузке.

Для того чтобы новый национальный проект отвечал объ-

¹⁰⁵ Там же.

ективным императивами развития украинских общества и государства, потребуется очень тонкая настройка, новый политический инструментарий, одним из элементов которого должна стать этнополитика нового времени, времени глобализации и объективного уменьшения роли института национального государства в мироустройстве и формирующемся новом миропорядке. Это не только политическая, но очень сложная и актуальная научная задача.

ГЛАВА 6. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ПОЛИТИКА «БАЛКАНСКОГО СТИЛЯ»

Трудно в Европе найти более подходящий полигон для проверки этнологических концепций. Все избирательные кампании последних примерно пяти лет здесь сопровождаются активной националистической риторикой, от которой не обнаружилось иммунитета даже в государствах региона, уже принятых в ЕС: Болгарии, Румынии, Хорватии. Сила националистических настроений на Балканах в целом и особенно в новых государствах, возникших на руинах СФРЮ по большей части в результате вооружённых межэтнических конфликтов, не удивительна. Национализм там – едва ли не единственно возможная идеология государственного строительства, тем более в государственных образованиях достаточно хрупких и отнюдь не преуспевающих в социально-экономическом развитии. Строго говоря, они следуют рецепту, сформулированному ещё во второй половине XIX в. небезызвестным Массимо д'Адзельо: «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев!». (Стоит заметить, что и там эта задача по сию пору вряд ли может считаться вполне решённой.) Отсюда конструирование языков в Хорватии, Боснии и Герцеговине (БиГ) и Черногории, дабы подчеркнуть их отличия от сербскохорватского, «удревненнее» национальной истории, попытки создать автокефальную церковь в Черногории и Северной Македонии. Поэтому каждым выбором предшествуют медийно-политические кампании против внешних врагов, призванные создать впечатление чуть ли не предвоенной ситуации.

Не нужно быть провидцем, чтобы предсказать достаточно очевидное и с завидной регулярностью повторяемое вплоть до деталей. Ведь и авторы сценариев не утруждают себя поиском разнообразия, ограничиваясь лишь сменой поводов, как правило, мелких и явно рукотворных. При этом широкий замах всегда оказывается много сильнее реального действия – очевидный признак имитации.

Накануне выборов в Сербии или в Косово нужно ожидать очередного обострения их отношений и показного проявления лидерами своей «крутизны» в отстаивании «национальных интересов»; в БиГ – очередных шагов М. Додика против властей Сараево, подстрекательских заявлений от лидеров босняков и очередного муссирования вопроса о несправедливости избирательного закона от руководителей хорватской общины; в Румынии – разыгрывания темы объединения с Молдовой; в Болгарии – македонского сюжета; в Македонии – вербальных доказательств собственной самобытности, в Албании и Косово – новых мер, демонстрирующих стремление к албанскому единству вне зависимости от нынешних границ, в Черногории – антисербских и антироссийских деклараций М. Джукановича. При этом в Сербии и Республике Сербской БиГ столь же рутинной предвыборной процедурой является очередной выплеск показного «руссофильства» со стороны А. Вучича и М. Додика, который неизменно увенчивается визитом в Москву и «селфи» с В.В. Путиным.

Подобные тенденции на Балканах легко посчитать сугубо региональной особенностью – неизжитым наследием минувших войн. Но они обнаруживаются на фоне заметного усиления националистических настроений и популистских политических практик и в Европе, и в США. Балканская специфика здесь всё же есть. Пока местные политики ощущали жёсткий контроль со стороны США и ЕС, они были вынуждены подстраивать своё поведение и фразеологию под предписываемые стандарты политической корректности. Но после брекзита, волны мигрантов, кризиса в ЕС и прихода к власти Д. Трампа Вашингтону и Брюсселю стало не до них.

Внешне, казалось, ничего не изменилось. Все балканские лидеры подтвердили, что их цель – вступление в ЕС. Брюссель

продолжил свою прежнюю политико-дипломатическую практику в регионе. Но тектонические сдвиги не могли не дать о себе знать: опросы зафиксировали уменьшение притягательности ЕС и рост симпатий к России. Снижение авторитета «внешних кураторов» подтвердили и перемены в поведении местных политиков. После очередных наставлений Брюсселя или Вашингтона они не только не спешили «брать под козырёк», но всё чаще осмеливались ослушиваться, перечить и даже откровенно шантажировать представителей ЕС и США. Долгое время тщетные попытки разрешить кризисные ситуации в Македонии и БиГ, замерший по вине косовских властей диалог с Сербией, затяжной бойкот оппозицией парламентов в Черногории и Албании демонстрировали: бывшие инструменты влияния Брюсселя на политическое развитие региона начинают отказывать.

Националистическая риторика в этих условиях – классический пример функционального, или, если угодно, рационального использования национализма для достижения двояких целей: получения электоральных выгод и решения актуальных внешнеполитических задач. Но вовне есть и то, что правомерно называть «запросом от противного». И в Брюсселе, и в Вашингтоне опасаются возобновления вооружённых конфликтов на Балканах. Логичен вывод: если они так этого боятся, то для давления на внешних игроков надо искусственно нагнетать подобные угрозы, чтобы сделать их более сговорчивыми и побудить хотя бы выполнять данные ранее обещания. Приштина подобным образом добивается давно обещанного безвизового режима, который в регионе имеют все, кроме Косово, и усиления давления на Белград. Там, напротив, стараются ослабить внешний нажим и открыть очередные «главы» в предвступительных переговорах, в Скопье и Тиране – хотя бы начать таковые. Немаловажным мотивом для большинства балканских лидеров является необходимость получить очередное внешнее подтверждение их демократической легитимности. Напомним, практически все нынешние режимы в регионе европейская и американская политология справедливо квалифицирует как «гибридные».

Результаты голосования в таких системах, где правящая партия быстро превращается в патрон-клиентскую структуру,

сросшуюся с государством, подлинные настроения избирателей передают, конечно, с искажением. Но всё же выборы носят остро конкурентный характер и доминирующие тенденции отражают. Между тем при всей укоренённости местного национализма подобная риторика, хоть очевидно небезвыгодна, сама по себе уже не гарантирует электорального успеха, а радикально националистические партии и организации, как правило, не получают более 10-15% голосов. Во многих странах главными темами повестки дня стали борьба с коррупцией и обновление (как организационное, так и персональное) политической сцены. Примечательным симптомом перемен стало появление и в Хорватии, и в Болгарии, и в БиГ (причём и в Федерации, и в РС) новых протестных движений и партий, которые позиционируют себя как надэтнические, гражданские и антинационалистические. На последних выборах они показали заметные успехи, особенно в регионах и муниципалитетах. Но на общегосударственном уровне потеснить партии истеблишмента, явно или подспудно грешащие этническим национализмом, им удалось пока лишь в Болгарии.

Свежие примеры таких случаев можно множить бесконечно. Так, на президентских выборах в Хорватии (22.12.2019–05.01.2020 гг.), наряду с двумя основными конкурентами – К. Грабар-Китарович от Хорватского демократического содружества и Б. Милановича от Социал-демократической партии – в борьбу вступили и кандидаты, не принадлежащие к партийно-политическому истеблишменту и против него выступавшие. Они были способны помешать главным соперникам разрешить их спор уже в первом туре и серьёзно повлиять на итоги второго. Среди них выделялся популярный певец и музыкант Мирослав Шкоро. Он и сам некогда побывал в ХДС, но на этот раз решил действовать самостоятельно, понося «власть предрержащих» и отнимая у них крайне правый националистический электорат – исторический заповедник «хадеэсовцев». В 1-м туре З. Миланович получил 29,55%, К. Грабар-Китарович – 26,65%, М. Шкоро – 24,4 % голосов. Стремясь завоевать симпатии националистических избирателей, К. Грабар-Китарович провела кампанию, которую аналитики расценили как более правую, чем даже ли-

ния её партии, которая и сама никогда не скупилась на националистические акценты. Один из наблюдателей заметил: «...страна глубоко расколота. Левый и правый блок находятся в непримиримом противостоянии, в котором прошлое играет ключевую роль. Зачастую кажется, что в стране ещё не окончились ни Вторая мировая война, ни война 1990-х гг. Создаётся впечатление, что антифашистские партизаны и фашистские “ушасты”, так же как хорваты и сербы, и сегодня ведут свои прежние бои. И эти тона были слышны в ходе предвыборной кампании, причём с обеих сторон»¹⁰⁶. Президент действительно активно использовала националистическую риторику, вдохновлялась памятью о минувшей сербо-хорватской войне, каковую в Хорватии именуют «Отечественной», и взывала к её ветеранам – влиятельной когорте правого электората. Но М. Шкоро не пожелал делиться своим успехом и призвал сторонников испортить бюллетени. Поступок нелогичный для человека, представлявшегося ярким сторонником правых, но сделанный с дальним прицелом. Вскоре он объявил о создании собственной партии и намерении участвовать в выборах парламентских. Они состоялись 05.07.2020 г. Прямо проецируя на них тенденции, обнаружившиеся при избрании президента, многие ожидали серьёзного усиления крайне правонационалистического крена на политической сцене, живым воплощением которого стал М. Шкоро. На парламентских выборах он уже выступал как лидер новой партии с характерным названием «Отечественное движение»¹⁰⁷, вновь пытаясь обойти ХДС справа, чтобы потом навязать себя как неизбежного партнёра при формировании кабинета и резко сместить правительственную политику в желательном направлении. Жизнь перечеркнула эти расчёты. Премьер А. Пленкович повёл ХДС подчёркнуто центристским курсом, и результаты выборов подтвердили его правоту. Из 151 мандата депутатов сабора ХДС завоевало 66 (61 на прошлых выборах), главный соперник – Социал-демократическая партия потерпела сокрушительное пора-

¹⁰⁶ Novi predsjednik – stare podele u Hrvatskoj. URL: <https://www.dw.com/sr/novi-predsjednik-stare-podele-u-hrvatskoj/a-51897865> (дата обращения 31.01.2019).

¹⁰⁷ «Отечественной войной» именуются в Хорватии боевые действия против самопровозглашённых, но пользовавшихся поддержкой Белграда сербских государственных образований на её территории.

жение – 41 мандат (вместо 54). А радикально-националистическая коалиция М. Шкоро получила много меньше голосов, чем он сам на президентских выборах, и довольствовалась 16 местами, что позволило А. Пленковичу обойтись без столь навязчивого и одиозного союзника.

На парламентских выборах в Румынии 6 декабря 2020 г. радикально националистические партии, не стеснявшиеся ксенофобии и активно ратовавшие за объединение с Молдовой – идеал поборников «Великой Румынии», выступили с разным успехом. «Партия народного движения» экс-президента Т. Бээску, сделавшая «объединение» главной темой, 5%-ный барьер преодолеть не смогла и в парламент не попала. Но возникший лишь в 2019 г. «Альянс за единство румын» (АЕР), который значительное внимание уделял вопросам защиты румынской диаспоры, получил порядка 9% голосов, заняв на заграничных избирательных участках первое место (26,51% голосов)¹⁰⁸.

В Болгарии правящая партия ГЕРБ (Граждане за европейское развитие Болгарии) с 2017 г. сохраняла власть благодаря коалиции с националистическим альянсом Объединённых патриотов (ВМРО – Внутренняя македонская революционная организация, НФСБ – Национальный фронт спасения Болгарии, «Атака»). Но на очередных парламентских выборах 4 апреля 2021 г. рассорившиеся националисты выступили порознь и потерпели полный провал, не сумев осилить 4%-ный порог и вообще лишившись парламентского представительства. Их не спасла ожесточённая кампания «великоболгарского» толка, развязанная против властей соседней Северной Македонии, где активно использовался болезненный для массового сознания вопрос о её истории и языке. Немало болгар считают македонский диалектом болгарского, а наделение его статусом самостоятельного языка – искусственным изобретением, призванным узаконить присвоение этой территории сначала Сербией, а затем Югославией. Соответственно, историю Македонии с её национальными героями они склонны считать частью своей. Подобные мнения лингвистически и исторически нельзя назвать абсо-

¹⁰⁸ Romania Chamber of Deputies 2020. URL: https://parlamentare2020.bec.ro/wp-content/uploads/2020/12/com_1423.pdf (дата обращения 17.12.2020).

лютно безосновательными, но в сегодняшней Северной Македонии они воспринимаются с законным раздражением как покушение на национальную идентичность. В безрассудной попытке превратить все эти темы в предмет актуальной политики София даже наложила вето на обещанное Евросоюзом начало предвступительных переговоров со Скопье. Это вызвало ожидаемо негативную реакцию и Брюсселя, и Берлина, и Вашингтона. Но, казалось бы, беспронимчивый способ сохранения во власти при помощи националистической риторики на этот раз не сработал. Правящая партия впервые за 13 лет не смогла добиться большинства в Народном собрании, а союзников у неё не оказалось. Характерно, что и противники лидера ГЕРБ экс-премьера Б. Борисова, 13 лет бывшего вершителем судеб в стране, в преддверии новых выборов главы государства и парламента не рискнули занять более разумную позицию в споре с Северной Македонией, к которой внутренне склонны. На это не решились ни президент Р. Радев, ни назначенные им из-за политического кризиса служебные кабинеты, целью которых было проведение внеочередных выборов в Народное собрание (уже третьих за один год), ни триумфально дебютировавшие новые оппозиционные «партии протеста». Любопытно, что при широко распространённом в стране русофильстве считающаяся «промосковской» «Атака» показала катастрофические результаты: 0,49% голосов. Ещё три микропартии, выступавшие за нормализацию отношений с РФ, набрали в совокупности 3,32% голосов. На двух последовавших внеочередных выборах в парламент националистические партии ни вместе, ни порознь не смогли преодолеть 4%-ный порог. Такая же судьба постигла «Атаку» и ряд других условно пророссийских организаций.

Точно так же и в Сербии ни старые националисты – Сербская радикальная партия, номинальным вождём которой остаётся одиозный глашатай великосербской идеи В. Шешель, ни новые – партия «Двери» не показывали на последних нескольких выборах сколь-нибудь заметных успехов, а в нынешнем составе парламента они и вовсе не представлены. Не менее показателен и катастрофический провал «демократической» оппозиции режиму президента А. Вучича. Осознав, что самым уязви-

мым его местом является податливость в «косовском вопросе», «демократы» демагогически принялись критиковать президента за излишнюю уступчивость, разыгрывая роль последовательных защитников «национальных интересов», хотя он, собственно, реализует их внешнеполитическую программу. Но и эта «палочка-выручалочка» им не помогла. Конечно, главной причиной их поражения стала политическая раздробленность оппозиционных рядов и неспособность их лидеров договориться о единой тактике и согласованном выступлении на выборах. Однако показательный национализм А. Вучича оказался убедительнее, чем такой же – у его ниспровергателей.

Вместе с тем подспудный массовый национализм сохраняет глубокие корни, хотя зачастую противоречит рациональному выбору избирателей и их интересам: «Ум с сердцем не в ладу!». Классический пример подобного рода – массовое отношение сербов к реально существующей дилемме: непризнание независимости Косово или вступление в ЕС? Хотя большинство, судя по опросам, хотело бы видеть свою страну членом Евросоюза и осознает, что Косово фактически независимо, но то же самое подавляющее большинство категорически против вступления в ЕС ценой признания независимого косовского государства¹⁰⁹. При этом ни один из возможных и выдвигавшихся вариантов развязывания «косовского узла» не получил заметной поддержки¹¹⁰.

Наглядная иллюстрация того, что игнорирование национального не проходит безнаказанно, – недавнее поражение на местных выборах Социал-демократического союза Македонии и отставка премьера З. Заева, пожертвовавшего даже названием страны, чтобы удовлетворить требования Греции, США и ЕС.

¹⁰⁹ Istraživanje šta građani srbije misle o statusu Kosova i kako bi glasali na referendumu o nezavisnosti. URL: https://www.blic.rs/vesti/politika/istrazivanje-sta-gradani-srbije-misle-o-statusu-kosova-i-kako-bi-glasali-na/k63gnz9?fbclid=IwAR232pvoEGDRnsYGD_vg7AL2rGcwn-mzf0Zi0W2fx-3o3xJez1VthudRczU (дата обращения 07.11.2021).

¹¹⁰ Данас: Истраживање показало да су грађани и даље против независности Косова, али да су флексибилнији по питању столице за Косово у УН у замену за улазак у ЕУ. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/danas-istrazivanje-pokazalo-da-su-gradjani-i-dalje-protiv-nezavisnosti-kosova-ali-da-su-fleksibilniji-po-pitanju-stolice-za-kosovo-u-un-u-zamenu-za-ulazak-u-eu.html> (дата обращения 07.11.2021).

Ему удалось оттянуть внеочередные парламентские выборы, чего требовала победившая оппозиция националистического толка, и передать власть своему преемнику. Но и он, и его болгарский партнёр – новый проевропейский премьер К. Петков, хотя и готовы к компромиссам, ограничены в своих манёврах национальными чувствами. Ещё одним доказательством того же стала первая за 27 лет победа оппозиции на парламентских выборах в Черногории (30.08.2020 г.). Режим М. Джукановича в попытках искусственно сконструировать новую черногорскую идентичность антисербского чекана и создать автокефальную церковь самонадеянно вступил в конфликт с влиятельной Черногорско-приморской митрополией Сербской православной церкви, к которой причисляет себя подавляющее большинство черногорцев. Но национальная идентичность черногорцев, по сути своей двойственная, а тем более – идентичность религиозная, оказались неподатливыми для конструктивистов¹¹¹. В результате Демократическая партия социалистов Черногории лишилась власти.

Упорное следование настроениям вопреки интересам обычно квалифицируют как проявление иррационального. Знатокам этнологии Балкан известно, что здесь мотивом не только бытового, но и политического поведения нередко может служить желание поступить «назло» кому-то, даже в ущерб себе. Но своеобразное *ratio* здесь есть. Исторический опыт балканских народов, которым на протяжении веков приходилось противостоять многократно превосходящим силам без какой-либо надежды на успех, сделал рациональным причинение противнику урона любой ценой. Это повышало вероятность, что тот сочтёт его неприемлемым, и по крайней мере давало моральную компенсацию.

Сложившаяся в регионе ситуация вызвала в Европе большую обеспокоенность. В Брюсселе боятся, что ослабление веры в «европейскую перспективу» в странах-кандидатах создаёт вакуум, который могут заполнить Россия, Китай и Турция для наращивания своего влияния. Но и нагнетаемых страхов перед «российской и китайской угрозой» Брюсселю хватило на немногое.

¹¹¹ Подробнее см.: Кандель П.Е. Черногорское чудо: демонтаж режима М. Джукановича // Современная Европа. 2021. №1. С. 40-51.

На очередных саммитах ЕС регулярно подтверждает европейскую перспективу стран Западных Балкан, без какой-либо её конкретизации. Больному в качестве лекарства предлагают пустышку, откровенно признавая, что Евросоюз в настоящее время не готов на большее. Логична и реакция региональных лидеров: ведь выборы надо выиграть сегодня, а до приёма в ЕС когда-то дойдёт дело? Воинственные заявления и жесты националистического толка – это не признаки надвигающейся войны, но этнополитическая мобилизация для решения внешне- и внутриполитических задач. А задачи эти всё сложнее, поскольку политическую систему в странах региона явно лихорадит. Симптомы многочисленны и очевидны: участвовавшие смены кабинетов и следующие одни за другими досрочные парламентские выборы, кризис доверия к «грандам» политического процесса, резкие колебания в симпатиях избирателей, всё более сильный запрос на обновление политической сцены, повальное влечение к «антисистемным», прежде маргинальным популистским и/или националистическим силам и лидерам. Впрочем, подобные тенденции свойственны не только Юго-Восточной Европе.

Ещё одним свидетельством неблагополучия стало широкое распространение попыток смены власти «с улицы» – использование массовых протестных выступлений, где-то спонтанных, иной раз организованных оппозицией, для принуждения правящей партии к досрочным выборам, в идеальном случае – уже при переходном техническом кабинете. Порой они сопровождаются бойкотом парламента оппозицией. Подобные явления последнее время можно наблюдать в Северной Македонии, Черногории, Косово и Албании, не случайно напоминая происходившее в Словении, Болгарии и Румынии. Сила примера в соседних государствах особенно заразительна. Это и вдохновляет на повторение у себя варианта смены власти, «сработавшего» совсем рядом. Заканчивались они с разной степенью успешности для их инициаторов, но активное включение в политику «площадных» аргументов говорит: существующая политическая система со всё большим трудом справляется с возрастающими перегрузками.

На Балканах хватает невыдуманных проблем. Экономиче-

ская стагнация или недостаточные темпы роста; экстремально высокая безработица, особенно среди молодёжи, вынужденной в массовом порядке отправляться в поисках работы за границу; надоевшее чередование у власти одних и тех же партий и персон, от смены которых жизнь не становится сноснее; угроза возобновления миграционного потока – всё это способствует усилению социальной и политической напряжённости, которую проще всего превратить в межнациональную. Стоит ли удивляться сохранению массового запроса на националистическую риторику и готовности лидеров использовать его?

ГЛАВА 7. МИРОТВОРЧЕСКАЯ РОЛЬ ЕС В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ: ВОПРОС НАГОРНОГО КАРАБАХА

Несмотря на то что вторая карабахская война 2020 г. завершилась заявлением Армении, Азербайджана и России о полном прекращении огня и всех военных действий¹¹², между сторонами сохраняется напряжённость и по сей день. Азербайджан возвратил ранее занятые Арменией территории, включая Агдамский, Кельбаджарский, Лачинский районы. Стороны договорились о том, что все экономические и транспортные связи в регионе будут разблокированы, а Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой. Вдоль линии соприкосновения развернут миротворческий контингент Российской Федерации, срок пребывания которого автоматически продлевается каждые пять лет при условии, что ни одна из сторон не заявит о намерении прекратить следовать данной договорённости.

Казалось бы, нагорнокарабахский вопрос решён при непосредственном участии РФ в качестве главного посредника между сторонами этого конфликта. Так, президент Азербайджана

¹¹² Заявление Президента Азербайджанской Республики И.Г. Алиева, премьер-министра Республики Армения Н.В. Пашиняна и Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения 28.02.2022).

Ильхам Алиев неоднократно заявлял об этом на различных пресс-конференциях, отмечая, что на данный момент стороны находятся в постконфликтной ситуации. Несмотря на это, переговоры по мирному соглашению между странами до сих пор не начаты.

Можно отметить, что общий дискурс вокруг конфликта не изменился, наоборот, проблема межэтнической ненависти наблюдается в ещё большей степени. В официальных заявлениях президента Азербайджана И. Алиева Вторая карабахская война называется «отечественной», а победа в ней – «победой над армянским фашизмом»¹¹³, одной из задач Азербайджана её политический лидер видит в том, чтобы «не дать поднять голову армянскому фашизму» и не позволить, чтобы Армения превратилась вновь в угрозу для Азербайджана.

Министерство иностранных дел Азербайджана в 2022 г. представило доклад в ООН, утверждающий, что правительство Армении, воспользовавшись многочисленной сетью организаций армянской диаспоры, под предлогом гуманитарной помощи нелегально организовало сбор средств на финансирование террористической активности на территории Азербайджана¹¹⁴.

Армянская же сторона, наоборот, утверждает, что существует высокая вероятность, что Азербайджан вопреки своим миролюбивым заявлениям на международной арене сделает всё, чтобы показать, что Армения или Арцах (Нагорный Карабах) якобы против мира, против процессов демаркации и делимитации, и создать на этом фоне ложные основания для построения агрессивной политики¹¹⁵. Премьер-министр Армении Никол Пашинян заявил, что действия Азербайджана по разблокировке транспортных коммуникаций в регионе не имеют ничего общего с

¹¹³ Ильхам Алиев дал интервью АЗЕРТАДЖ. URL: <https://president.az/ru/articles/view/55326> (дата обращения 28.02.2022).

¹¹⁴ Information of the Press Service Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan on the UN report on misuse by Armenia of non-profit organizations and charities for corruption, money laundering and financing of terrorism. URL: <https://mfa.gov.az/en/news/no05022> (дата обращения 28.02.2022).

¹¹⁵ Армения будет защищать свой суверенитет и территориальную целостность всеми возможными и невозможными средствами: Никол Пашинян. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2021/07/15/Cabinet-meeting-Speech/> (дата обращения 28.02.2022).

деятельностью рабочей группы по урегулированию конфликта и ставят своей целью продолжить 30-летний процесс и политике блокады Армении¹¹⁶.

Несомненно, развитие ситуации демонстрирует, что миротворческие инициативы должны включать в себя не только инфраструктурные и иные проекты, а в том числе дипломатические и иные инструменты, призванные не допустить нарастания напряжённости между двумя народами. После того, как нагорнокарабахский конфликт перешёл из статуса «замороженного» в полномасштабное военное противостояние сторон, такое перемирие потребовало значительно больших усилий, чем физическое присутствие миротворцев.

Несмотря на то что ЕС не задействован напрямую в конфликтном урегулировании, европейские политики активно участвовали в формировании дискурса вокруг конфликта. Формально ЕС всегда поддерживал усилия Минской группы ОБСЕ, но на практике представители ЕС неоднократно высказывали собственные мнения по поводу нагорнокарабахского вопроса. Стороны обращались к ЕС по поводу различных правонарушений, апеллировали к европейским странам в надежде получить от них политическую поддержку, а также встречались на публичных площадках и представляли позиции государств. Всё это сформировало определённые ожидания Азербайджана и Армении от ЕС, а именно: политическая элита и общество предполагали, что ЕС сможет послужить источником независимой оценки событий, тем самым форсировав признание той или иной позиции со стороны международного сообщества. Этому способствовало и то, что мирное разрешение конфликтов всегда было одним из пунктов соглашений ЕС со странами-партнёрами.

Вместе с тем нагорнокарабахский конфликт явно показал, что ЕС в разных ситуациях различным образом трактует основополагающие принципы партнёрства со странами. Конкретно в случае отношений Армении и Азербайджана европейские политики выступали с противоречивыми заявлениями, касающимися принципов уважения прав человека и государственного суверенитета. С одной стороны, Армения всегда на международ-

¹¹⁶ Там же.

ной арене представляла вопрос Нагорного Карабаха как проблеме защиты прав армянского населения. Этот нарратив поддерживал и пришедший к власти в результате бархатной революции 2018 г. премьер-министр Армении Н. Пашинян, говоря о том, что шаги Армении направлены на «защиту прав армян Арцаха, международное признание этих прав»¹¹⁷.

На сайте правительства Республики Арцах (армянское название Нагорно-Карабахской Республики) приведена историческая справка, согласно которой карабахское движение описано как история демократического волеизъявления народа¹¹⁸. Именно таким образом выстраивалась и армянская дипломатическая позиция, в которой Арцах был представлен как демократическое государство, борющееся за свои права. При этом идея объединения с Арменией не была особо популярна, учитывая, что в Нагорном Карабахе сформировались свои органы власти, своя политическая элита, своя идентичность. Армянская дипломатия основывалась на том, что мир должен признать за Нагорным Карабахом право на самоопределение как главную гарантию того, что население этого де-факто государства будет защищено в своих правах и свободах. Этот аспект Армении не удалось прояснить международному сообществу во время войны в 2020 г., которая многими внешними наблюдателями была воспринята как война между Азербайджаном и Арменией, в которой Нагорный Карабах не играл никакой самостоятельной роли.

Азербайджанская позиция неуклонно следовала принципу уважения государственного суверенитета страны, согласно которому территориальные границы государства должны быть признаны в тех географических границах, в которых Азербайджан и Армения находились в рамках Советского Союза. Соответственно, действия армянских властей в азербайджанских официальных источниках описываются как содействие терроризму и подрыв международного права.

Изначально ЕС надеялся на то, что перспектива подписа-

¹¹⁷ Сегодня Арцах хоть и ранен, но стоит – Пашинян. URL: <https://infoteka24.ru/2022/02/20/92876/> (дата обращения 28.02.2022).

¹¹⁸ О Республике Арцах. URL: <http://gov.nkr.am/ru/movement-history/> (дата обращения 28.02.2022).

ния Соглашений об ассоциации мотивирует Армению и Азербайджан решить конфликт мирным путём. Тем не менее уже в 2012 г. во время обсуждения в Европейском парламенте было отмечено, что обе страны ищут альтернативу рекомендациям Минской группы ОБСЕ, видя возможное решение в наращивании военной силы¹¹⁹. Так как открытое военное противостояние несёт риски для экспорта энергоносителей в европейские страны, депутаты Европарламента подчёркивали важность проактивной позиции ЕС, в особенности учитывая, что вторая война между Арменией и Азербайджаном принесла бы ощутимо больше кровопролития и разрушений, чем первая. Таким образом, нельзя сказать, что ЕС не мог предугадать развития событий в 2020 г., наоборот, о высоком риске ещё одной войны в регионе было известно задолго до её начала. Вместе с тем уже тогда влияние ЕС было ограничено, т.к. усиления его роли должны были бы потребовать обе стороны конфликта, чего не происходило.

С другой стороны, надежда на то, что страны начнут вкладывать средства в развитие демократии и защиту прав человека, таким образом снизив риск конфликта, также не оправдалась. Наоборот, ни Армения, ни Азербайджан не подписали Соглашение об ассоциации с ЕС, а риск войны с каждым годом увеличивался. ЕС не предпринял никаких попыток существенно повлиять на ситуацию, полагаясь на то, что страны сами признают свою ответственность за мирное сосуществование и предпримут меры для нормализации отношений.

Ещё одной проблемой стало и то, что страны – члены ЕС и европейские политики не смогли сформулировать консолидированную позицию по поводу вопроса Нагорного Карабаха. Именно в этом ЕС мог повлиять на конфликт, однозначно определив, в чём должно состоять мирное решение. Опасность разночтений основных принципов урегулирования подчёркивали как армянская, так и азербайджанская стороны. Например, в 2018 г. министр иностранных дел Армении Эдвард Налбандян выступил в комитете по иностранным делам Европейского парламен-

¹¹⁹ Nagorno Karabakh: Security situation. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/workshop/join/2012/433836/EXPO-JOIN_AT\(2012\)433836_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/workshop/join/2012/433836/EXPO-JOIN_AT(2012)433836_EN.pdf) (дата обращения 28.02.2022).

та, заявив, что любое отклонение от языка компромиссов, предложенного непредвзятыми посредниками, повредит согласованным усилиям международного сообщества, подорвёт работу стран-сопредседателей, направит ложный сигнал о разобщённости, который может быть использован противниками мира¹²⁰.

Резолюции, которые в различное время принимал Европейский парламент и Парламентская ассамблея Совета Европы относительно Нагорного Карабаха, позволили президенту Азербайджана заявить, что Азербайджан сам решил конфликт, превратив в жизнь то, что десятилетиями оставалось на бумаге¹²¹. В конечном итоге Азербайджан обвинил Армению в том, что та использовала формат переговоров лишь как инструмент замораживания конфликта. При этом со стороны лидера Азербайджана звучало и заявление о том, что Минская группа препятствовала более активному вовлечению ЕС, хотя со стороны Азербайджана такой запрос был¹²².

За несколько месяцев до начала войны в 2020 г., парламент Армении выступил с осуждением заявления трёх членов Европарламента – сопредседателя Комитета парламентского партнёрства ЕС – Армения Марины Кальюранд, постоянного докладчика по Армении Траяна Бэеску и постоянного докладчика по Азербайджану Зеляны Зовко¹²³. Армянская сторона резко раскритиковала содержащиеся в заявлении обозначения Нагорного Карабаха в качестве оккупированной Арменией территорией, что не соответствует принципам урегулирования конфликта и позиции Минской группы ОБСЕ. Противоречия были заметны и внутри стран: например, во время войны 2020 г. французский се-

¹²⁰ Выступление министра иностранных дел Армении Эдварда Налбандяна в комитете по иностранным делам Европейского парламента. URL: <https://www.mfa.am/ru/speeches/2018/02/21/fm-afet-speech/7958> (дата обращения 28.02.2022).

¹²¹ Речь Ильхама Алиева на открытии VIII Глобального Бакинского форума. URL: <https://president.az/ru/articles/view/54230> (дата обращения 28.02.2022).

¹²² Алиев предостерег Минскую группу ОБСЕ от попыток заниматься Карабахом. URL: <https://www.interfax.ru/world/815087> (дата обращения 28.02.2022).

¹²³ Заявление членов Комитета парламентского партнёрства Армения – ЕС в связи с заявлением трёх членов Европарламента. URL: http://www.parliament.am/news.php?do=view&cat_id=2&day=12&month=06&year=2020&NewsID=13083&lang=rus (дата обращения 28.02.2022).

нат принял резолюцию, призывающую правительство признать Нагорный Карабах, но МИД Франции отказался это сделать¹²⁴.

Подобные разночтения в причинах конфликта, в принципах его регулирования вызывали недоумение сторон, каждая из которых больше не надеялась на то, что ЕС или другие международные институты смогут так или иначе предложить решение, альтернативное военным действиям. При этом стоит отметить, что стороны не скрывали своих намерений перевести конфликт в военную фазу, а внешние наблюдатели совершенно точно могли это предугадать.

После войны 2020 г. в Нагорном Карабахе ЕС сыграл позитивную роль в продвижении и налаживании атмосферы доверия, установлении прямой связи между министрами обороны стран, обмене военнопленными. Представляется, что на данный момент в зоне конфликта особенно важен мониторинг линии соприкосновения со стороны внешних наблюдателей, любые усилия по налаживанию диалога между государствами, а также отслеживание процессов разблокировки транспортных коммуникаций и строительства новой инфраструктуры. В самой ближайшей перспективе стороны должны инициировать переговоры по подписанию мирного соглашения, и в этом может иметь большую значимость участие ЕС в качестве медиатора процесса переговоров.

ГЛАВА 8. ВЛИЯНИЕ БРЕКЗИТА НА МЕЖОБЩИННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

В Северной Ирландии сложилась специфическая этно-конфессиональная ситуация. В регионе нет доминирующего этноса и национальных меньшинств, но есть две общины, разделение между которыми проходит сразу по нескольким линиям – этнической, конфессиональной и политической. Одну общину составляют «ирландцы/католики/националисты/республиканцы»,

¹²⁴ Сенат Франции принял резолюцию о признании Нагорного Карабаха. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2020/5f94bb9a794747c49c3128><https://www.rbc.ru/politics/25/11/2020/5f94bb9a794747c49c3128> (дата обращения 28.02.2022).

вторую – «англичане и шотландцы/протестанты/юнионисты/лоялисты». Необходимо отметить, что при высокой поляризации общества, безусловно, не все протестанты – юнионисты и не все католики – националисты.

Острая фаза межобщинного конфликта в Северной Ирландии, которая длилась около 30 лет, была завершена в 1998 г. подписанием Белфастского соглашения¹²⁵ (или Соглашения Страстной пятницы). Оно вступило в силу 2 декабря 1999 г. Были созданы структуры управления, которые регулируют взаимодействие на разных уровнях. Во-первых, была учреждена Ассамблея и исполнительные органы Северной Ирландии, которые принимают законы и решения по большинству вопросов, влияющих на повседневную жизнь региона. Во-вторых, были созданы Министерский совет Север – Юг и Исполнительные органы Север – Юг, которые поддерживают сотрудничество между Северной Ирландией и Ирландией. В-третьих, были учреждены институты Восток – Запад: Британско-ирландская межправительственная конференция и Британско-ирландский совет, которые поддерживают сотрудничество между Соединённым Королевством и Республикой Ирландией. Соглашение Страстной пятницы содержало также ряд очень важных положений, связанных с определением суверенитета в регионе. Во-первых, жители Северной Ирландии могли выбрать гражданство – британское, ирландское или оба сразу, что во много было равноценно выбору идентичности. Кроме того, положения Соглашения допускали возможность объединения острова, если будет проведён референдум и большинство населения выскажется за это.

Соглашение Страстной пятницы установило в Северной Ирландии систему разделения власти на основе консоциативной модели демократии. Аренд Лейпхарт разработал эту модель для обществ, выходящих из состояния конфликта, или для обществ, потенциально способных к конфликту¹²⁶. В мире не так много

¹²⁵ The Belfast Agreement. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1034123/The_Belfast_Agreement_An_Agreement_Reached_at_the_Multi-Party_Talks_on_Northern_Ireland.pdf (дата обращения 17.02.2022).

¹²⁶ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

стран имеют консоциативные системы, а именно Швейцария, Бельгия, Ливан и Руанда.

Согласно положениям Белфастского соглашения, существует разделение власти между общинами на исполнительном уровне. Региональное правительство возглавляют первый министр и его заместитель, которые представляют обязательно разные общины и имеют одинаковые полномочия. Отставка одного из них автоматически влечёт отставку другого. Такое устройство часто называют «правительством согласия», хотя на практике это придаёт неустойчивость системе, поскольку часто отставки связаны не только с межобщинными противоречиями, но и со сложной внутрипартийной ситуацией. Кабинет министров Северной Ирландии также состоит из представителей двух общин, пропорция министров юнионистов и националистов определяется исходя из количества мест, которое партии получают на выборах.

В политическом плане большинство каждой из общин соотносит себя с определёнными политическими партиями и голосует за них. Республиканцы голосуют за Социал-демократическую лейбористскую партию (СДЛП) Северной Ирландии или за Шинн Фейн (ШФ), которая работает по обе стороны ирландской границы. Юнионисты традиционно поддерживают Демократическую юнионистскую партию (ДЮП) и Ольстерскую юнионистскую партию (ОЮП). Нужно отметить, что этническая принадлежность не всегда определяет взгляды электората. Согласно проведённым в 2013 г. исследованиям, 17% сторонников СДЛП и Шинн Фейн имеют неирландское (то есть негэльское) происхождение, а примерно 10% юнионистов относятся к этническим ирландцам¹²⁷. Кроме того, юнионистские и республиканские партии находятся на разных полюсах политического спектра. СДЛП и Шинн Фейн придерживаются левой идеологии, либеральных взглядов в социальном, экономическом и политическом планах, поддерживают однополые браки. Юнионистские партии, напротив, выступают носителями консерватив-

¹²⁷ Byrne K., O'Malley E. The Two Types of Ulster Unionism: Testing an Ethnic Explanation for the Unionist/Loyalist Divide // Irish Political Studies. 2013. Vol. 28. №1. P. 130-139.

ных взглядов, традиционалистами и противниками однополых браков. Важно также отметить изменения в предпочтениях североирландских избирателей. На момент заключения Белфастского соглашения наиболее крупными партиями, его поддержавшими, были СДЛП и ОЮП. Шинн Фейн до 1998 г. официально не была представлена в Северной Ирландии, а ДЮП стала единственной значимой политической силой, не подписавшей Соглашение. В последние годы наибольшей поддержкой избирателей Северной Ирландии пользовались как раз ДЮП и ШФ, что может свидетельствовать о росте поляризации общественного мнения в регионе.

После вступления в силу Соглашения Страстной пятницы были отменены дискриминационные законы в отношении ирландского населения, активно развивалось межирландское взаимодействие, что особенно заметно стало на хозяйственном уровне, а националистическая Шинн Фейн стала работать по обе стороны границы. Сама граница, которая была символом Смуты, фактически перестала существовать. Были не только убраны военные блокпосты, но исчезли физические проверки, таким образом граница стала «прозрачной». Постепенно наметилось общее улучшение социально-экономического положения ирландской общины, а также рост ирландского населения в регионе, в настоящее время его численность впервые превысила 50% от общего числа жителей. В то же время социально-экономическое положение юнионистской общины не улучшалось, там сохранялся высокий уровень безработицы и низкие показатели доходов населения. Показательно, что если в конце 1990-х гг. около 40% населения Северной Ирландии считали себя юнионистами, то накануне голосования о членстве Соединённого Королевства в ЕС таких было только 28%.

Референдум о членстве Соединённого Королевства в ЕС нарушил хрупкое межобщинное согласие в североирландском регионе. В целом 55,8% жителей проголосовали против выхода страны из Европейского союза¹²⁸. Однако межобщинное разделение в данном вопросе также сыграло свою роль. Ирландские

¹²⁸ BBC.com UE Referendum Results. URL: https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения 17.02.2022).

националисты (и ШФ, и СДЛП) после 2005 г.¹²⁹ транслировали абсолютно проевропейскую позицию, что в целом не удивительно. Именно членство в ЕС, Едином внутреннем рынке и Таможенном союзе создавали условия для развития межирландского взаимодействия, а сам Евросоюз выступал гарантом Соглашения Страстной пятницы и осуществлял значительные финансовые вливания в регион через программы *PEACE*, *INTERREG* и в рамках сельскохозяйственной политики. В то же время ДЮП заняла жёстко негативную позицию в отношении членства в ЕС в период подготовки референдума 2016 г. и после него, хотя до этого признавала пользу для региона от членства в ЕС¹³⁰. За выход из ЕС большинство голосовало в тех избирательных округах (за исключением Восточного Лондондерри), в которых на общенациональных выборах 2017 и 2019 гг. одерживали победы представители Демократической юнионистской партии СИ. Суммарно за ДЮП и ОЮП на выборах 2017 г. проголосовали 46,3%, в 2019 г. – 42,3%¹³¹. Цифры близкие к результату референдума, когда за выход из ЕС проголосовало 44,2%.

Однако ещё более острым стал для общин и всех участников брекзита вопрос об ирландской границе. Возрождение физической границы на острове Ирландия противоречило Соглашению Страстной пятницы и автоматически вызывало воспоминания о временах Смуты. Поэтому и Европейский союз, и Соединённое Королевство согласились, что сохранение «прозрачной» границы между двумя Ирландиями должно стать обязательной составляющей соглашения о выходе страны из ЕС.

Тем не менее опасения, связанные с разрывом межирландских связей, восстановлением физической границы и, как следствие, возобновлением насилия в регионе имели под собой основания. На фоне сложных переговоров о выходе Соединённого Королевства из ЕС в 2018 г. диссидентские группы активизировали свою террористическую деятельность и стали актив-

¹²⁹ Дата полного разоружения ИРА.

¹³⁰ Murphy M., Evershed J. Between the devil and the DUP: the Democratic Unionist Party and the politics of Brexit // *British Politics*. 2020. №15. P. 456-477.

¹³¹ Сравнить результаты можно по данным BBC.com. URL: https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results; https://www.bbc.com/news/election/2019/results/northern_ireland (дата обращения 17.02.2022).

нее проводить агитацию, в первую очередь среди молодёжи¹³². По данным Европола¹³³, за 2018 г. было совершено 88 попыток нападений, взрывов и других террористических действий на территории Северной Ирландии. За большую часть инцидентов ответственность взяла Новая ИРА, которая никогда не признавала Соглашение Страстной пятницы и практически не прекращала террористическую деятельность, но её активность была заметно ниже. Группировка выступает за объединение Ирландии, но признаёт только насильственные методы, полагая, что рост насилия заставит власти согласиться на проведение референдума. Необходимо отметить, что террористическую деятельность Новой ИРА осудили политические лидеры националистов, включая представителей Шинн Фейн и бывших лидеров ИРА, и не поддержала подавляющая часть ирландской общины. В 2019 г. число терактов значительно снизилось, в том числе потому что британское правительство фактически согласилось учесть интересы ирландской общины и предотвратить восстание на острове.

В то же время брекзит актуализировал вопрос об объединении двух Ирландий. Практически сразу после объявления результатов референдума об этом заявила партия Шинн Фейн, которая никогда не убирала пункт об объединении Ирландии из своих программ. В определённом смысле масла в огонь подлил и Европейский союз, который, формулируя основные принципы и цели переговоров о выходе Великобритании, отметил, что в случае демократически принятого решения о воссоединении Республики Ирландия с Северной Ирландией последняя сможет войти в состав Союза по аналогии с ГДР¹³⁴. До проведения референдума 2016 г. за объединение Ирландии выступали немно-

¹³² UNESCO. Northern Ireland Returning to Violence as a Result of a Hard Border due to Brexit or a Rushed Border Poll: Risks for Youth. P. 8-10, 50. URL: <https://senatormarkdaly.files.wordpress.com/2019/02/unesco-chairs-report-brexit-return-to-violence.pdf> (дата обращения 17.02.2022).

¹³³ Europol. EU Terrorism Situation and Trend Report 2018. P. 45. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018> (дата обращения 17.02.2022).

¹³⁴ European Council (Art. 50) guidelines following the United Kingdom's notification under Article 50 TEU. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/29-euco-brexit-guidelines/> (дата обращения 17.02.2022).

гим более 20% населения Северной Ирландии. С учётом изменения демографической ситуации в регионе в пользу населения ирландского происхождения, значительную часть которого составляет молодёжь до 25 лет, которая не жила в условиях разделённого острова и перманентного насилия, вопрос о проведении референдума об объединении острова в среднесрочной перспективе не кажется фантастическим.

Внутрибританские политические коллизии, связанные с переговорами о выходе страны из ЕС и сложностями ратификации подписанных соглашений, подробно разбирались аналитиками. После выборов 2017 г. Демократическая юнионистская партия Северной Ирландии на пару лет стала одним из ключевых игроков на общенациональном уровне, так как обеспечивала большинство в палате общин правительству Терезы Мэй. Однако это не помогло достичь желаемого ДЮП соглашения. Итоговое Соглашение о выходе страны из ЕС 2019 г. содержит пересмотренный вариант Протокола об Ирландии / Северной Ирландии¹³⁵, который сохраняет для производителей из Северной Ирландии тарифы и правила ЕС, а также некоторые другие регуляторные нормы Единого внутреннего рынка, а неизбежную таможенную границу переносит в североирландские порты. Фактически Северная Ирландия по большей части остаётся в поле нормативного регулирования ЕС, там действует юрисдикция Суда ЕС для сохранившихся норм Единого внутреннего рынка, в итоге регион находится в отличном от остальной страны регуляторном режиме.

Североирландский Протокол фактически решил проблему в пользу националистов и стал катастрофой для юнионистов, особенно для сторонников ДЮП, поскольку его полномасштабное применение ослабляет связь региона с остальными частями государства, а перспектива референдума об объединении острова остаётся актуальной. Закономерным итогом попыток реализации Протокола стало откровенное недовольство юнионистов,

¹³⁵ Revised Withdrawal Agreement Including Protocol on Ireland and Northern Ireland. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/revised_withdrawal_agreement_including_protocol_on_ireland_and_nothern_ireland.pdf (дата обращения 17.02.2022).

которое вылилось на улицы Белфаста весной 2021 г.¹³⁶ Реакцией на политические, хозяйственные и социальные проблемы региона, возникшие после окончания переходного периода в 2021 г. стали попытки британского правительства пересмотреть Протокол. Однако этому категорически воспротивился Евросоюз, поскольку Протокол об Ирландии / Северной Ирландии выступает частью международного договора. ЕС предлагает «гибкие» решения для применения Протокола, а Британия хотела бы его отмены или по меньшей мере отмены юрисдикции Суда ЕС в отношении СИ. С позиций права ЕС это невозможно. Поэтому в настоящее время стороны пытаются найти взаимоприемлемое решение.

ГЛАВА 9. СЕПАРАТИЗМ В ЕВРОПЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИИ И БОРЬБА ЗА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ

В XXI в., несмотря на интенсивные процессы глобализации и региональной интеграции, в ряде стран мира усиливается стремление к самоопределению компактно проживающих этнических меньшинств и приобретают всё больший размах сепаратистские движения. Проблема дальнейшей политической фрагментации государств становится особо острой из-за сохраняющихся территориальных споров и претензий. В одних случаях у этнического сообщества проявляется недовольство своим статусом в составе государства и возникает требование расширения региональной автономии. В других – этническое сообщество начинает борьбу за выход из состава государства. С 1945 г. в среднем возникало 52 сепаратистских движения в год, а по состоянию на 2011 г. насчитывалось около 55 активных движений¹³⁷. По данным других научных работ¹³⁸, в 1945–2012 гг. в

¹³⁶ Подробное изложение событий можно посмотреть в: Полякова Е.Ю. Североирландский протокол и политический кризис в регионе // Британия после брекзита. М.: ИЕ РАН, 2021. С. 97-107.

¹³⁷ Griffiths R. Between Dissolution and Blood: How Administrative Lines and Categories Shape Secessionist Outcomes // International Organization. 2015. Vol. 69. №3. P. 731-751.

¹³⁸ Sambanis N., Germann M., Schädel A. SDM: A New Data Set on Self-Deter-

120 странах было выявлено 464 сепаратистские группировки. Счёт же движениям, выступающим за обретение какой-либо степени автономии, и вовсе идёт на тысячи, как на то указывает «Энциклопедия сепаратизма» К. Рота¹³⁹.

Отделение – крайне редкое явление для европейских демократий, тем не менее в данном макрорегионе фиксируют максимальную концентрацию сепаратистских движений. В ряде случаев движения за самоопределение институционализируются в форме политических партий, действующих в основном в политико-правовом поле государства, на территории которого находится проблемная территория и/или этнокультурная общность. В большинстве европейских регионов степень фактического контроля¹⁴⁰ сепаратистских движений минимальна, даже в регионах с широкой поддержкой партий с сепаратистской программой. Исключения могут составлять лишь редкие государства де-факто (со средним уровнем контроля над территорией) и некоторые исторические периоды действия радикальных группировок (самые известные – ИРА и ЭТА)¹⁴¹. Но в современной Европе европейские сепаратисты всё чаще прибегают к ненасильственным методам ведения борьбы и представлены в политическом поле. Подсчитано, что по всей Европе существует 100 движений в 29 странах, стремящихся к независимости или расширению автономии¹⁴². Другие оценки¹⁴³ показывают, что сепаратистскими движениями охвачено 40% территории Европы.

В общественном сознании населения стран ЕС укореняется

mination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 62. Iss. 3. P. 656-686.

¹³⁹ Roth H. Let's split! A Complete Guide to Separatist Movements and Aspirant Nations, from Abkhazia to Zanzibar. Sacramento: Litwin Books, 2015. 636 p.

¹⁴⁰ Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.

¹⁴¹ Осколков П.В. Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? // Международная аналитика. 2021. №3. С. 59-71.

¹⁴² Campanella E. Why secessionism is on the rise in Europe. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2014/08/secession-scotland-cataloniareferendum-europe/> (дата обращения 15.01.2022).

¹⁴³ Туров Н.Л. «Дайте нам независимость, или дайте нам денег»: усиление влияния региональных партий в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №6. С. 33-41.

представление, что возможность влиять на политику утрачена¹⁴⁴. Подобные трансформации общественного мнения приводят к поиску новых сил – для альтернативного решения каждодневных вопросов, остающихся без системных решений. Эти силы выступают носителями новых политических установок, не затрагиваемых традиционными партиями. Наряду с популистами, евроскептиками и зелёными движениями широкую общественную поддержку получают местные и региональные партии. Под региональными партиями (РП) мы будем понимать самостоятельные политические образования, опирающиеся в своей деятельности на специфику региона, его индивидуальность, черпающие в этом свою легитимность через электоральную поддержку местного населения¹⁴⁵. Избирательность процессов глобализации углубляет межрегиональные контрасты, что серьёзно воздействует на идентичность: 1) граждане слабее ассоциируют себя с общегосударственной общностью; 2) региональная идентичность, наоборот, укрепляется, особенно в регионах, населённых этническими меньшинствами.

Используя созданные в ходе многолетней децентрализации и европейской интеграции институты, региональные элиты всё более активно отстаивают свои интересы на общегосударственной и европейской политической сцене, стремясь увеличить свою долю в консолидированном бюджете, добиваясь ещё большей самостоятельности, а иногда и выхода из состава государства. В новейшей истории европейских стран и раньше бывали периоды усиления региональных политических движений, но нынешний их рост особенно значителен и имеет новые важные черты. Он наблюдается в большинстве европейских стран и далеко не ограничивается регионами с выраженными этнокультурными отличиями. Современные региональные и локальные движения всё чаще не связаны со старыми региональными политическими культурами и не могут быть отнесены к какой-либо части привычного идеологического спектра. Они весомо представлены в региональных и национальных парламентах. Наци-

¹⁴⁴ Вайнштейн Г.И. Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №3. С. 29-38.

¹⁴⁵ Strmiska M. Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology // Central European Political Studies Review. 2003. Vol. 5. P. 2-5.

ональные политические лидеры и партии вынуждены учитывать их позиции и нередко ищут коалиций с ними.

Регионалистская риторика – рычаг давления на центральное правительство. При распределении центром полномочий и средств региональные власти нередко используют в качестве аргумента в свою пользу «местные условия», «особый путь развития» региона и т.д. У региона в таком случае есть шанс получить больше межбюджетных трансфертов, чем предполагает его значимость. При игнорировании центром ультимативной модели региона местная элита апеллирует к несправедливости политики центра и проч. Формируется концепция «ущемлённого региона», жители которого видят бездействие центральных властей в решении местных проблем, ощущают отчуждение от остальной части страны и поэтому сражаются за право влиять на принятие решений по вопросам, касающимся региона. Именно при игнорировании центром проблем регионального развития увеличивается поддержка РП.

РП не всегда базируется на этнической идентичности. Например, Лига социал-демократов Воеводины относится к РП, но не к этническим, поскольку стремится представлять интересы населения всей Воеводины, независимо от этнической принадлежности. А вот Альянс воеводинских венгров представляет интересы исключительно венгерского меньшинства Воеводины, что позволяет его отнести к этнорегиональным. Кроме того, этническая партия не может быть региональной, если её этническая группа проживает дисперсно по всей территории страны¹⁴⁶. Большое количество этнических партий характерно для стран Центральной и Восточной Европы, в то время как сугубо территориальные РП доминируют в Западной Европе. Однако есть много исключений. Например, регионалистские партии в Северной Ирландии политизируют этнический раскол¹⁴⁷, функционируют и сугубо этнические партии, такие как Шведская народная партия в Финляндии. В некоторых регионах Центральной и

¹⁴⁶ Панов П.В. Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектория развития // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. №3. С. 20-34.

¹⁴⁷ См. также в данном коллективном труде главу, посвящённую североирландскому конфликту (прим. отв. редактора).

Восточной Европы, таких как Истрия и Славония в Хорватии, Воеводина в Сербии и Силезия в Польше, функционируют слабо территориальные РП.

Современные РП большей частью возникают на территориях, которые по уровню социально-экономического развития отличаются от среднего по стране. Тенденции к их образованию возникают в «полярных» регионах: богатейших и беднейших. Центробежные тенденции чаще всего исходят от РП «благополучных» регионов (Каталония, Бавария, Падания). Их лозунг «Хватит кормить...!» (Белфаст, Андалусию, Неаполь) прежде всего нацелен на сохранение большей доли налогов на местах. РП в беднейших регионах (Славония, Корсика, Валлония) ссылаются на неспособность государства улучшить их положение ввиду слабости центральной власти или/и несправедливого перераспределения ресурсов. Отсутствие очевидных перспектив развития сообщества в рамках существующего государства способно привести к сепаратистским тенденциям. Неравномерность социально-экономического развития регионов может послужить катализатором сепаратизма, но самостоятельно, без какого-то этнокультурного своеобразия региона, обычно не приводит к отделению¹⁴⁸.

Под воздействием инструментов региональной политики или из-за иссякания локальных экономических ресурсов некоторые благополучные регионы могут стать депрессивными. Одни региональные движения продолжают позиционировать регион как «богатый», другие перемещают акцент на его культурную или политическую инаковость. Возможно и обратное: Шотландия в составе Великобритании долгое время представляла собой

¹⁴⁸ Наибольшему риску притеснений подвержены территориально локализованные этнокультурные меньшинства – часть исследований [Wimmer, Cederman, Min. 2009. p. 327] показывает: подавляющее большинство (57 из 60) сепаратистских конфликтов носили этнокультурный характер. Авторы предполагают, что сепаратистские конфликты с большей вероятностью возникнут там, где этнические группы не участвуют в процессе принятия политических решений и живут в крупных и крупнейших странах с высоким уровнем этнического разнообразия. Насилие со стороны центрального правительства способствует развитию процесса этнизации общества. Большинство исследователей (напр., классические работы Б. Андерсона и Э. Геллнера) фиксируют рост национального самосознания среди жителей регионов, стремящихся к отделению.

глубокую периферию, и шотландские регионалисты использовали образ отсталого региона для получения большего числа субсидий. Многое поменялось в 1970-е гг., когда началось освоение нефтяных месторождений Северного моря у шотландского побережья. В результате изменилась и стратегия регионалистов, которые стали требовать не увеличения объёма субсидий, а большую долю доходов от добычи нефти на шельфе. Шотландцы шутят по поводу своего положения: «Прежде англичане твердили нам, что для независимости мы слишком бедны. Теперь же оказалось, что мы для этого слишком богаты»¹⁴⁹.

Диффузия сепаратизма

Отделение побуждает к отделению, референдумы побуждают к референдумам, электоральные успехи партий с сепаратистской повесткой побуждают создавать аналогичные партии. Освободительное движение в Ирландии послужило моделью для сепаратистов Каталонии и Страны Басков. Процесс деколонизации, в особенности в Африке, стал источником вдохновения для многих европейских движений. Распад многосоставных обществ (СССР, Югославии и Чехословакии) на стыке 1980-х и 1990-х гг. продемонстрировал, что сепаратизм в одном государстве провоцирует усиление сепаратизма в других странах. Так, в Испании в начале 1990-х гг. были популярны граффити, проецирующие успех стран Балтии на местные автономии («Эускади = Литва»; «Каталония и Литва: такая же борьба»). Выход Великобритании из состава Европейского союза (*Brexit*) активизировал евроскептические настроения в ЕС. К примеру, усилились движения по выходу из ЕС Венгрии (*Hunexit*) и Франции (*Frexit*). Более того, сепаратистские движения за пределами Европы стали использовать ярлыки *Exit* (напр. *Texit* в Техасе, *Calexit* в Калифорнии).

Отдельные исследования демонстрируют, что значение диффузии сепаратизма преувеличено. На основе количественных данных Эрика Форсберг¹⁵⁰ показала, что попытки отделения по-

¹⁴⁹ Овчинников В.В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах. М.: АСТ, 2005. 290 с.

¹⁵⁰ Forsberg E. Do Ethnic Dominoes Fall? Evaluating Domino Effects of Granting Territorial Concessions to Separatist Groups // *International Studies Quarterly*. 2013. Vol. 57. №2. P. 329-340.

сле Второй мировой войны и особенно в период с 1989 по 2004 г. не спровоцировали эффект домино. По оценке К. Де Гройтер¹⁵¹, брекзит не стал примером для подражания, а запустил среди других стран – участников ЕС идею сплочённости. Тем не менее опыт движений, добившихся отделения, экстраполируется на другие движения. Диффузия не выступает причиной сепаратизма, а скорее выступает эпифеноменом.

Стоит учитывать и «близость» импульса: успешные движения с большей вероятностью приведут к диффузии, если подобные движения территориально близки и имеют связи с другими. Вероятность развития диффузии на внутристрановом уровне выше. Поскольку сепаратистские регионы сталкиваются с одним и тем же противником – правительством этой страны, – то они могут перенять практики взаимодействия других с материнским государством. Так, предоставление испанским правительством дополнительных прав четырём автономиям побудило другие автономии добиваться прав, которые получили «привилегированные» (эффект «кофе для всех»). Э. Форсберг¹⁵² предположила, что развитие эффекта домино для этнического сепаратизма внутри страны прежде всего зависит от двух факторов. Во-первых, удовлетворение сепаратистских требований этнической группы способно вдохновить другие группы. Во-вторых, уступая требованиям одной этнической группы, правительство сигнализирует, что оно может уступить требованиям других групп. Государства с несколькими потенциальными сепаратистскими регионами с большей вероятностью будут бороться с первым из них, чтобы воспрепятствовать возможным попыткам других движений к отделению¹⁵³. Но если у него есть только один сепаратистский регион, оно, скорее всего, мирно отреагирует на требования отделения.

Региональные партии в электоральном ландшафте Европы

В странах с глубокой сегментацией политического прост-

¹⁵¹ Де Гройтер К. Что изменится в ЕС с уходом Великобритании. URL: <https://carnegie.ru/2018/05/14/ru-pub-76339> (дата обращения 15.01.2022).

¹⁵² Forsberg E. Op. cit.

¹⁵³ Griffiths R. Age of Secession. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 284 p.

ранства возможны три варианта районирования: 1) вся партийно-политическая система строится на этнолингвистическом размежевании (Бельгия, Босния и Герцеговина); 2) в составе страны есть регион с историко-культурным своеобразием и поэтому получающий бóльшую поддержку (Воеводина в Сербии, Истрийская жупания в Хорватии); 3) повышенная активность и электоральные успехи РП и движений на микроуровне (Латвия, Литва, Сан-Марино, Андорра). Но в большинстве европейских стран РП получают поддержку в одном или нескольких регионах страны (немецкая Бавария, французская Корсика).

Наиболее значительных успехов РП добились в Западной Европе, где регионализм становится политическим мейнстримом. Они нередко выступают преемниками старых этнорегиональных движений с гипертрофированной ролью языкового группообразующего фактора, однако в современных движениях региональный компонент начинает преобладать над этническим. Такой идентитарный переход стал возможен благодаря процессу «конструирования» регионов – политики Европейской комиссии и национальных правительств по передаче всё более широких компетенций на региональный уровень – децентрализации, опирающейся на использование символического капитала и потенциала территории. Через Комитет регионов, Конференцию европейских регионов и городов (*KERS*) и другие институты ЕС поощряет развитие региональной идентичности и расширяет межрегиональные связи¹⁵⁴. Граждане охотнее доверяют решение локальных проблем региональным институтам власти, чем общегосударственным. В Западной Европе это влечёт дерадикализацию большинства старых региональных движений и высокую институционализацию их политической деятельности.

В восточноевропейских странах партийные ландшафты более изменчивы. В течение прошлого столетия административные границы неоднократно перекраивались, а некоторые группы населения были перемещены (к примеру, обмен населением между Болгарией и Румынией, депортации немецкого населения по итогам Второй мировой войны, перемещение сербского на-

¹⁵⁴ Холодковский К.Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI в. // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. №2. С. 27-37.

селения из очагов напряжённости в Косово и Боснии и Герцеговине и т.д.). Сохранились сообщества, которых не устроили результаты трансформации. Этническая чересполосица повлияла на популярность партий меньшинств, которые получают наибольшую поддержку в регионах их компактного проживания, примыкающих к границе с государствами, в которых эти группы являются титульными (этнические партии венгров в Словакии, Румынии, Сербии, на Украине, партии турок в Болгарии и т.д.)¹⁵⁵.

На Балканах отношения центра с периферией, в которой возрождаются специфические идентичности, до сих пор не устоялись и нередко остаются резко конфликтными. Большинство РП добиваются отделения, что может вызвать дальнейшее дробление политического пространства. В Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) этнорегиональных партий меньше, и они добиваются, скорее, расширения культурной автономии, нежели отделения. Но результаты последних выборов фиксируют стремительный рост регионалов нового типа именно в ЦВЕ.

В связи с увеличением роли городов набирают популярность партии, выступающие за решение локальных городских проблем (латвийская «Тебе, Юрмала!») или даже проблем отдельных районов городов (лондонский «Народный альянс Тауэр-Хамлетс»). Город как инновационный центр аккумулирует новые тенденции, поэтому появление РП нового типа происходит именно через него. Этот процесс отчётливо виден в Литве, где РП получают серьёзную поддержку в крупных городах у молодого активного электората и не получают в более консервативной окружающей сельской местности (например, на выборах в самоуправлении 2019 г. РП в Шяуляйском городском самоуправлении получили 55% голосов, тогда как в Шяуляйском районном – 0%).

Несмотря на рост популярности РП, в Европе всё ещё остаётся достаточно «белых пятен», где такие партии не представлены в политическом поле. Если в Испании, Бельгии, Италии в большинстве регионов действуют РП, то, к примеру, в Исландии

¹⁵⁵ Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского Союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №4. С. 125-147.

дии и Албании они вовсе отсутствуют. Не всегда число и популярность РП отражают региональные противоречия. Например, Румыния имеет слабые РП, но сильные региональные противоречия. В то же время Азорские острова и остров Мадейра обладают политической автономией, не имея РП. В ряде европейских стран действия РП ограничены (Греция, Украина) или даже запрещены (Россия). В некоторых странах (Сербия), наоборот, зафиксирована норма представительства в парламенте и региональных органах власти регионов и/или этнических сообществ вне зависимости от электоральных результатов.

Стратегии РП различаются и конечными целями, которые сильно варьируются – от независимости до децентрализации. А. Павкович и Ж.-П. Кабестан¹⁵⁶ утверждают, что нет препятствий для перехода движения от преследования регионалистских целей к идее отделения и наоборот. Наиболее распространённые требования РП в современной европейской политике – независимость, автономия и федерализм¹⁵⁷. Спектр требований региональных акторов крайне широк, их можно ранжировать по степени увеличения полномочий от самых мягких форм автономии до независимости. Такие требования влекут за собой смещение политической власти от государства в регион. Наиболее частыми требованиями остаются независимость и увеличение самоуправления, они указаны в 32% и 19% программ партий соответственно¹⁵⁸. Всё больше РП добивается не отделения, а деволюции, предполагающей передачу максимально возможного объёма полномочий региону. Получается интересный парадокс: деволюция должна приводить к идеологической смерти партии. РП действительно теряют поддержку на национальных выборах после децентрализации¹⁵⁹. Тем не менее предоставление регио-

¹⁵⁶ Cabestan J.-P., Pavković A. *Secessionism and Separatism in Europe and Asia. To Have a State of One's Own*. London: Routledge, 2017. 264 p.

¹⁵⁷ De Winter L., Gómez-Reino M., Lynch P. *Autonomist Parties in Europe: Identity Politics and the Revival of the Territorial Cleavage*. Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials, 2006.

¹⁵⁸ Elias A. et al. *The Framing Territorial Demands (FraTerr) dataset: A novel approach to conceptualizing and measuring regionalist actors' territorial strategies* // *Regional & Federal Studies*. 13.08.2021. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13597566.2021.1964481>.

¹⁵⁹ Massetti E., Schakel A. *Ideology Matters: Why Decentralization Has a Different*

нам большей автономии не оказывает существенного влияния на стратегию РП, которые требуют всё больших полномочий независимо от уровня принятой децентрализации в конкретном регионе.

* * *

Политическая неудовлетворённость многолетним статус-кво традиционных партий выражается на местном уровне в поддержке локальных электоральных альтернатив, не представленных на национальных выборах. Кроме того, не ограниченные идеологией общенациональных политических партий местные политические силы могут лучше представлять особые потребности локального сообщества. Таким образом, они привлекают избирателей, противопоставляя локальные и национальные интересы.

Сегодня РП находятся на стадии подъёма. Несмотря на то что РП получают места в национальном парламенте, они практически не формируют государственную политику. Их подъём связан не с электоральными результатами, а с трендами европейского политического процесса. Региональный мейнстрим заставляет общенациональные партии интегрировать в собственные программы элементы повестки РП.

Считается, что социокультурные размежевания в постиндустриальном европейском обществе не имеют такого значения, как прежде. Тем не менее раскол между центром и периферией до сих пор оказывает серьёзное влияние на европейское пространство. В политическом поле он трансформировался в противостояние между сторонниками традиционных политических партий и регионалистами. Традиционно изучение раскола в научной литературе связано с сепаратизмом. Исходя из роста влияния РП, можно было бы ожидать постоянного дробления политического пространства Европы, однако на практике этого не происходит. Современный регионализм больше похож на борьбу за бюджет, чем на борьбу за отделение.

Effect of Regionalist Parties Fortunes in Western Democracies // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52. №6. P. 797-821; Meguid B. Selective contestation: The impact of decentralization on ethnoterritorial party electoral strategy // *Electoral Studies*. 2018. №52. P. 94-102.

ЧАСТЬ 3. ИНОЭТНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ И АНТИИММИГРАЦИОННЫЙ ПОПУЛИЗМ

ГЛАВА 10. ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЕС: К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ СРАВНЕНИЯ

На сегодняшний день на территории стран ЕС-27 проживает около 23 млн иммигрантов из третьих стран, что составляет 5% от общей численности населения всего Евросоюза¹⁶⁰. Большинство они представляют собой носителей иной культуры, традиций и вероисповедания. Одной из целей общей миграционной политики ЕС служит социально-политическая интеграция иммигрантов. При этом компетенция Сообщества в данной сфере ограничена лишь мягким правом, координацией и мониторингом национальных политик. Это связано с тем, что исторически на территории Евросоюза сложилось несколько различных национальных моделей интеграции иммигрантов¹⁶¹. Однако ни одна из моделей не может быть признана до конца успешной. Кроме того, подходы и законодательство государств-членов претерпевают изменения, а при всех существующих различиях исследователи отмечают общее движение в сторону гражданской интеграции¹⁶².

Обширная литература в области сравнительной социологии и политологии в период 1990–2000х гг. развивается вокруг понятия моделей, подчёркивающих резкие контрасты между историческими и философскими основаниями политики гражданства и интеграции иностранцев в принимающие сообщества¹⁶³.

¹⁶⁰ European Commission, Statistics on migration to Europe. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_en (дата обращения 17.02.2022).

¹⁶¹ Parkes R. Immigrant Integration Meets European Integration: Le silence des sours // Stiftung für Wissenschaft und Politik Working Paper. 2008. №6. P. 3.

¹⁶² Carrera S., Wiesbrock A. Civic Integration of Third-Country Nationals: Nationalism versus Europeanisation in the Common EU Immigration Policy. Brussels: CEPS, 2009.

¹⁶³ Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 270 p.; Favell A. Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain. Basingstoke, UK: Palgrave-Macmillan, 1998. 317 p.

Дискуссии о политике интеграции иммигрантов в ЕС сводились к обсуждению достоинств и недостатков трёх национальных моделей: французской республиканской или ассимиляционной; мультикультурной, представленной в определённый период Нидерландами и Великобританией; и немецкой этнонациональной модели. Подходы, ставящие в центр исследования понятие моделей как неких констант, пытаются показать, как социальная реальность структурируется уже существующими идеями о самопонимании нации, и как такие идеи определяют социальные взаимодействия, институциональные механизмы и результаты политики в том числе в сфере миграционного регулирования. Популярность использования моделей связана с тем, что они помогают объяснить, как воспроизведение нормативного дискурса влияет на особенности формирования интеграционной политики различных государств.

Рассматривая палитру подходов стран ЕС к институту гражданства, к идее сообщества и проблематике этничности, исследователи, действительно, не могут обходить стороной вопросы строительства наций-государств и тех базовых политических ценностей, на которых выросли современные политические системы западных стран. Так, республиканская Франция представляет собой политический проект, пример гражданской нации, которая «слепа» к религиозным, языковым, этническим различиям, и для которой главным инструментом интеграции является институт гражданства через принятие республиканских ценностей. В политическом и академическом дискурсе о своеобразной голландской модели чаще всего речь идёт об истории страны в период с 1920-х по 1960-е гг., когда структуру нидерландского общества определяли религиозные (протестантские, католические) или социокультурные (социалистические, либеральные) размежевания. Это привело к институционализации культурного плюрализма и групповых идентичностей и, в свою очередь, повлияло на мультикультурный характер политики интеграции мигрантов. Последняя была направлена на культурную эмансипацию иммигрантских меньшинств, рассматриваемую как ключ к их социально-экономической интеграции в нидерландское общество¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Bertossi C., Duyvendak J.W. National Models of Immigrant Integration: The

Модели оказываются полезной аналитической рамкой, не способной, однако, до конца объяснить изменения и трансформации политики в зависимости от контекста: миграционные кризисы, вызовы безопасности, межпартийная борьба и конкуренция и т.д. В 2000-е гг. исследователи стали задаваться вопросом, как могут быть объяснены отклонения практической политики по интеграции иностранцев от заданных моделей¹⁶⁵. Один из выводов научной дискуссии в этот период состоял в том, что французский универсализм или голландская толерантность, например, служат не отправной точкой, а временным результатом общественных дискуссий, подвижным когнитивным конструктом¹⁶⁶. Так, на примере Франции К. Бертосси выделил четыре этапа трансформации интеграционной политики страны с 1983 по 2010-е гг.¹⁶⁷ Отмечая, что республиканская система ценностей действительно определяет различные аспекты политической и общественной жизни Франции, в том числе отношение к языковому и религиозному разнообразию, исследователь тем не менее подчёркивает, что миграционная политика страны в большей степени формировалась под воздействием временных факторов, таких как: политизация вопросов миграции в 1980-е гг., межпартийная борьба, обострение вопросов внутренней безопасности, появление ислама как коллективного субъекта политики и т.д. Так, Бертосси отмечает, что в конце 1990-х гг. на первый план выходит борьба с дискриминацией, которая воспринималась как главный тормоз для интеграции мигрантов. Национальное законодательство в этот период развивалось в том числе под влиянием наднациональных норм (двух директив ЕС: 2000/43/ЕС и 2000/78/ЕС¹⁶⁸). В 2000-е гг. в качестве реакции и

Costs for Comparative Research // *Comparative European Politics*. 2012. Vol. 10. №3. P. 237-247.

¹⁶⁵ Joppke C. Beyond national models: civic integration policies for immigrants in Western Europe // *West European Politics*. 2007. Vol. 30. №1. P. 1-22; Wallace Goodman S. Questioning national models: Empirical change and measurement issues // *Perspectives on Europe*. 2010. Vol. 40. №2. P. 47-50.

¹⁶⁶ Bertossi C. National models of integration in Europe: A comparative and critical perspective // *American Behavioral Scientist*. 2011. Vol. 55. №12. P. 1541-1561.

¹⁶⁷ Bertossi C., Duyvendak J.W. *Op. cit.*

¹⁶⁸ Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin // *Official*

возвращения к принципу светскости последовал запрет на видимые религиозные символы в государственных школах. Таким образом, действующая политика и практика интеграции иммигрантов во Франции не статична, а служит результатом переосмысления тех или иных черт французского республиканизма: универсалистского понимания гражданства, отрицания этничности как политически значимого феномена, светскости.

Кроме того, на уровне практической политики интеграция иммигрантов оказывается гораздо более многоаспектным понятием, которое не ограничивается доступом к гражданству и предоставлением формальных прав. Наиболее детализированным, на наш взгляд, инструментом сравнения национальных подходов может служить разработанный в ЕС в 2004 г. индекс политики интеграции мигрантов (*Migrant Integration Policy Index, MIPEX*)¹⁶⁹. Индекс включает в себя более 150 показателей в восьми основных областях сравнения: 1) мобильность на рынке труда; 2) образование; 3) доступ к здравоохранению; 4) возможность семейного воссоединения; 5) доступ к получению права на постоянное проживание; 6) доступ к получению гражданства; 7) защита от дискриминации; 8) политическое участие. Не затрагивая подробно методов измерения, отметим, что призмой для сравнения служит не степень культурной включённости, а структурная интеграция, понимаемая как членство в принимающем сообществе через наделение основными правами и возможностями, а также доступом к основным институтам (образованию, здравоохранению, рынку труда, гражданству). Согласно этим показателям выделяют четыре основных подхода государств к интеграции иммигрантов:

– комплексная интеграция: всеобъемлющий подход к интеграции гарантирует равные права, возможности, безопасность статуса и перспективы для иммигрантов (воссоединение с семьёй, статус резидента, доступ к гражданству);

– равенство «на бумаге»: иммигранты пользуются равными

Journal, L 180, 19.07.2000. P. 22-26; Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // Official Journal, L 303, 02.12.2000. P. 16-22.

¹⁶⁹ Migrant Integration Policy Index 2020. URL: <https://www.mipex.eu/what-is-mipex> (дата обращения 17.02.2022).

правами и долгосрочной безопасностью, но не равными возможностями;

– временная интеграция: иммигранты пользуются основными правами и равными возможностями, но не равной безопасностью своего статуса;

– иммиграция без интеграции (интеграция запрещена): иммигрантам отказывают в основных правах и равных возможностях, даже если они могут поселиться в стране на длительное время.

По данным на 2020 г., в десятку стран мира с наиболее благоприятной и комплексной интеграционной политикой наряду с США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией вошли пять стран ЕС: Финляндия, Швеция, Бельгия, Португалия и Ирландия. Страны ЕС, где наблюдается формальное, но не практическое равенство прав и возможностей иммигрантов и граждан – Хорватия, Греция, Латвия, Литва и Польша.

Отдельного внимания заслуживают показатели интеграции мигрантов, предложенные ОЭСР¹⁷⁰. На их основе исследователи из Института миграционных и этнических исследований Загреба провели сравнительный анализ, а также классифицировали страны Евросоюза по характеру и структуре миграционных потоков и разделили на три общие группы:

– страны с длительной историей приёма иммигрантов, в основном средней и низкой квалификации, и с относительно высокой долей граждан третьих стран в общей численности населения (Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Нидерланды);

– новые принимающие страны (Греция, Италия, Португалия, Испания) и страны, где зачастую большую часть иммиграционного притока составляют прибывающие по гуманитарным причинам и в целях получения международной защиты (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция);

– страны назначения с относительно небольшим количеством иммигрантов (Болгария и Румыния) и страны с иммигрантским населением, сформировавшимся в результате изменения границ и/или присутствием национальных меньшинств (Хор-

¹⁷⁰ Settling in 2018: indicators of immigrant integration. Brussels: OECD Publishing, 2018. 306 p.

ватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Словакия и Словения)¹⁷¹.

В своём исследовании учёные обнаружили значительные расхождения между показателями благоприятной интеграционной политики (измеряемой с помощью *MIPEX*) и ожидаемыми результатами интеграции (выявленными в данных ОЭСР). Так, формально свободный доступ к рынку труда для иммигрантов не всегда сказывается на высоком уровне их занятости. Такая ситуация наблюдается в Швеции, Бельгии, Финляндии, Франции. А упрощённый доступ к гражданству не всегда свидетельствует о высоких показателях натурализации иностранцев. Таким образом, исследователи заключают, что при сравнении и анализе необходимо учитывать контекстуальные переменные для каждой страны, такие как, например, особенности национальных экономик, рынков труда, систем социальной защиты. Они также ставят под сомнение то, что интеграции иммигрантов в странах ЕС может способствовать гармонизация законодательства в этой сфере на уровне Евросоюза, отмечая, что страны с колониальным прошлым, а также страны традиционной иммиграции сталкиваются с проблемами, отличными от проблем государств с недавней историей приёма иммигрантов и беженцев.

Для ряда учёных гармонизация политики в отношении прав и статуса граждан третьих стран на уровне Европейского союза также ставит под вопрос релевантность национальных моделей в качестве инструмента для анализа¹⁷². Создание Европейского союза как нового типа политического сообщества породило вопросы об основаниях существования наднациональной идентичности. Общемировые миграционные процессы, затронувшие и страны Европы, обострили проблематику социального и политического сплочения, выходящего за рамки традиционных понятий этничности. Одной из целей иммиграционной политики Евросоюза стала социально-политическая интеграция легально проживающих в странах ЕС граждан третьих стран, основанная

¹⁷¹ Gregurović S., Župarić-Iljić D. Comparing the Incomparable? Migrant Integration Policies and Perplexities of Comparison // *International Migration*. 2018. №56. P. 111.

¹⁷² Carrera S. A Comparison of Integration Programmes in the EU: Trends and Weaknesses. CEPS Challenge Papers. 2006. №1; Joppke C. Op. cit.

на постепенном сближении прав и обязанностей граждан Евросоюза и всех резидентов, проживающих в ЕС на долгосрочной основе без предоставления последним гражданства. На данном принципе основывается концепция *civic citizenship*¹⁷³, понимаемая как фактическое равенство в правах без предоставления гражданства. Действующие в ЕС инструменты мягкого права (Европейская повестка дня по интеграции граждан третьих стран 2011 г., План действий по интеграции граждан третьих стран 2016 и 2020 гг., Основные базовые принципы интеграции и др.) и законодательство (директива 2003/86/ЕС о праве на семейное воссоединение и директива 2003/109/ЕС о статусе и правах граждан третьих стран, легально проживающих на территории ЕС более 5 лет) закрепляют права и статус граждан третьих стран, максимально приближённые к правам и статусу граждан Союза. Однако, несмотря на достижения в законодательстве на наднациональном уровне, на практике оказывается, что при имплементации государства-члены добавляют ряд обязательных для исполнения условий (прохождение теста на знание языка и пр.) для доступа, например, к праву на воссоединение с семьёй (Нидерланды, Германия, Бельгия, Австрия), тем самым ограничивая изначальные цели и эффективность директив.

С. Каррера, соглашаясь с тезисом, что подходы к интеграции иммигрантов стран-членов во многом зависят от миграционной истории, не только численности, но и состава миграционных потоков (пол, возраст, уровень образования и т.п.), социальных систем, всё же отмечает, что в 2000-е гг. в них наблюдаются общие элементы так называемой гражданской интеграции¹⁷⁴. Действительно, в законодательстве стран ЕС-15 появились положения об обязательном прохождении курсов по изучению национального языка, истории и культуры принимающей страны. В Германии, Франции, Австрии, Бельгии и Нидерландах прохождение обязательных интеграционных курсов становится условием предоставления социальных льгот. Р. Брубейкер назвал это возвращением к политике «ассимиляции», понимаемой по-но-

¹⁷³ Jesse M. *The Civic Citizens of Europe*. Leiden: Brill, 2016. 408 p.

¹⁷⁴ Carrera S. *Integration of Immigrants Versus Social Inclusion: A Typology of Integration Programmes in the EU / Security Versus Freedom? A Challenge for Europe's Future*. London: Routledge. 2006.

вому, уже не в категориях культурной гомогенности общества. Как отмечает учёный, ассимиляция как создаваемая норма стала средством против сегрегации, неравенства и маргинализации иммигрантов в социально-экономической сфере¹⁷⁵. Гражданская интеграция, таким образом, предполагает обусловленность легального статуса степенью интеграции.

Подводя итог, можно констатировать, что сравнительный анализ подходов государств – членов ЕС к вопросам интеграции граждан третьих стран требует комплексного подхода, поскольку национальные политики обусловлены целым рядом факторов. С одной стороны, историей строительства наций-государств, уровнем светскости, с другой – спецификой миграционных потоков, их составом и численностью, с третьей – особенностями рынков труда и систем социального обеспечения. Кроме того, политика в области интеграции мигрантов государств – членов Евросоюза время от времени претерпевает изменения в зависимости от внешнего и внутривнутриполитического контекста. При этом можно отметить, что с 2000-х гг. в странах ЕС наблюдается общий вектор к выработке базового подхода, основанного на концепции *civic citizenship*.

ГЛАВА 11. ПОЛИТИКА ЕС ПО ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ НА МЕСТАХ: ВЕРТИКАЛЬНОЕ И ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Одной из важнейших проблем современной Европы является интеграция иммигрантов в принимающее сообщество. Политика интеграции затрагивает ищущих убежища и беженцев, которые имеют право претендовать на международную защиту. Крупнейший миграционный кризис позади, однако желающих оказаться в Европе меньше не становится: ситуация в Афганистане и новый поток ищущих убежища тому подтверждение. Неоднозначно выглядит и ситуация у границ Польши – ищущие убежища попадают в ЕС через границу с Беларусью. Несмотря

¹⁷⁵ Brubaker R. The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States // *Ethnic and Racial Studies*. 2001. №24(4). P. 531-548.

на снижение миграционного потока в период распространения коронавируса в 2020 г. ввиду общего закрытия границ, намечается тенденция к восстановлению потоков из стран Африки и Азии: в первые пять месяцев 2021 г. число нелегальных пересечений европейской границы выросло на 47% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составило 47 тыс.¹⁷⁶ Всех этих людей государства – члены Евросоюза будут вынуждены не только принять, но и интегрировать, а основную роль в этом будут играть региональные и местные органы власти.

Принимая за базис исследования теорию многоуровневого управления миграционными потоками, рассмотрим механизмы интеграции иммигрантов в государствах – членах ЕС, которая происходит по двум направлениям: вертикально (наднациональный – национальный – субнациональный уровни) и горизонтально (через сети акторов в рамках одного уровня).

В случае взаимодействия по вертикали наднациональные органы власти в ЕС не обладают полномочиями по изданию обязательных законов в области интеграции иммигрантов. То есть общая иммиграционная политика ЕС не предполагает наличия единого свода правил, идентичных для всех стран, а лишь следование общим установкам, целям и принципам на основе субсидиарности.

ЕС может только оказывать содействие государствам-членам в принятии мер по облегчению интеграции иммигрантов путём издания регламентов и директив, а также благодаря финансированию конкретных проектов из европейских фондов (например, Фонда убежища, миграции и интеграции). Примечательно, что большая часть финансирования выделяется на национальные проекты (управляемые совместно ЕС и государствами-членами), а только затем распределяется местным властям на осуществление программ по интеграции, содержание центров приёма и интеграции, разработку лингвистических курсов и другие мероприятия. Однако местные власти также могут получать

¹⁷⁶ Situation at EU external borders – Detections rise from record lows a year ago // Frontex. URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/situation-at-eu-external-borders-detections-rise-from-record-lows-a-year-ago-AvxIbX> (дата обращения 27.12.2021).

средства напрямую из фондов на программы поддержки интеграции иммигрантов наравне с международными организациями, НКО и коммерческими организациями (включая негосударственные агентства, промышленные или консалтинговые компании, компании в сфере услуг)¹⁷⁷.

Основную роль в вертикальном взаимодействии в области интеграции в ЕС играет Комитет регионов¹⁷⁸, который является консультативным органом при Еврокомиссии, Европарламенте и Евросовете. Комитет регионов, созданный для того, чтобы приблизить Европу к своим гражданам, и будучи максимально репрезентативным органом, может оказывать влияние посредством экспертного заключения относительно законов, затрагивающих деятельность региональных и местных органов власти, в частности касающихся интеграции (около 70% принимаемых в ЕС законов касаются развития регионов и городов)¹⁷⁹. И хотя ЕС не обязан принимать во внимание мнение Комитета регионов, а его полномочия ограничены региональной повесткой, на практике они учитываются в большей или меньшей степени.

В 2019 г. Комитетом регионов совместно с *Eurocities*, Советом европейских муниципалитетов и регионов и другими партнёрами была запущена инициатива «Города и регионы для интеграции мигрантов» (в 2021 г. включала 158 территориальных образований), которая направлена на представление интересов небольших муниципалитетов, городов и регионов на уровне ЕС, а также обмен позитивными примерами интеграции иммигрантов и беженцев на местном уровне¹⁸⁰. Важным элементом инициативы является также объединение организаций для отстаивания идеи расширенного финансирования для программ по

¹⁷⁷ Commission implementing decision of 25.11.2021 on the financing of components of the Thematic Facility under the Asylum, Migration and Integration Fund and adoption of the Work Programme for 2021 and 2022 // C(2021) 8458 final. Brussels, 25.11.2021. P. 6.

¹⁷⁸ Италия наравне с Германией и Францией имеет наибольшее число представителей в Комитете регионов – 24.

¹⁷⁹ European Committee of the Regions. Official site. URL: <https://cor.europa.eu/en/about/Pages/default.aspx> (дата обращения 24.12.2021).

¹⁸⁰ Cities and regions that have joined. URL: <https://cor.europa.eu/en/our-work/Documents/Integration-initiative/integration-member-status.pdf> (дата обращения 28.12.2021).

интеграции на местах, а также увеличение роли субнационального уровня (как органов государственной власти, так и организаций) в формировании повестки дня ЕС в области миграции¹⁸¹.

В 2020 г. Еврокомиссия приняла обновлённый План действий по интеграции и вовлечённости до 2027 г., одной из задач которого является поддержка участия местных и региональных властей и Комитета регионов в выработке политики по интеграции мигрантов, межкультурном диалоге, противодействии радикализации мигрантов через предоставление им финансирования, выработку рекомендаций, проведение семинаров для заинтересованных акторов. В самом плане чётко прописано три основных момента: признание ключевой роли городов в приёме и интеграции мигрантов; вовлечение городов в многоуровневое партнёрство; стремление облегчить доступ местным властям к финансированию ЕС посредством вовлечения их в национальные программы и создания специальных национальных фондов для городов¹⁸².

В отличие от предыдущего Плана действий ЕС по интеграции граждан третьих стран (2016 г.), в Плане действий по интеграции и вовлечённости делается акцент именно на наращивании потенциала местных и региональных органов власти по привлечению местных сообществ к разработке и реализации интеграционных мер и программ, финансирования проектов по интеграции мигрантов в принимающее сообщество, то есть подчёркивается важность многоуровневого подхода к управлению миграцией и необходимость учёта действий местного и регионального уровней, которые и занимаются реализацией политики интеграции¹⁸³. Таким образом, принятие Плана действий подтверждает, что Еврокомиссия играет ключевую роль в поддерж-

¹⁸¹ EU cities and regions in migrant integration initiative. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/16314/eu-cities-and-regions-in-migrant-integration-initiative> (дата обращения 29.12.2021).

¹⁸² The EU Action Plan on Integration and Inclusion 2021–2027 – Policy Brief 2020. P. 1. URL: <https://eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/11/Policy-Brief-EU-Action-Plan-on-Integration-and-Inclusion-2021-2027.pdf> (дата обращения 27.12.2021).

¹⁸³ Action plan on Integration and Inclusion 2021–2027. Questions and Answers. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_2179 (дата обращения 28.12.2021).

ке разработки и реализации государствами-членами политики интеграции и делает акцент на роли регионов и городов в этом процессе.

Более того, в последние годы роль Комитета растёт: в 2021 году его члены приняли активное участие в обсуждениях предложенного Еврокомиссией проекта Пакта о миграции и убежище, призванного заменить частично устаревшее европейское законодательство в сфере миграции, приема и убежища¹⁸⁴. В рамках встречи депутаты Европарламента признали, что учет местных и региональных аспектов имеет первостепенное значение для функционирования политики в области миграции и убежища, так как они находятся в авангарде интеграционных усилий и управляют центрами приёма мигрантов. Комитету регионов было предложено сформировать идеи по институционализации обязательств городов и регионов по участию в разработке национальных стратегий миграции и интеграции и в планировании квот по приему мигрантов.

Таким образом, полномочия в вертикали наднациональный-национальный уровень распределены следующим образом: ЕС отвечает за выработку общих принципов в области интеграции (носят рекомендательный характер), а государства-члены принимают обязательные для местного уровня законодательные нормы. Далее реализация политики по интеграции иммигрантов в принимающее сообщество происходит уже на субнациональном уровне.

Переходя к взаимодействию по линии национальный – региональный уровни, приведём в пример Италию – страну, имеющую большой опыт как в приёме мигрантов, так и в применении многоуровневого подхода к выстраиванию миграционной политики. Например, в 2020 г. в Италии был принят закон №130/2020, которым определяются рамки политики интеграции иммигрантов. Он предусматривает, что по окончании прохождения процесса приёма иммигранты должны быть интегрированы в принимающее сообщество. Согласно закону, ответственность за интеграцию иммигрантов несут местные органы власти (коммуны)¹⁸⁵.

¹⁸⁴ Bulletin Quotidien Europe 12783. 04.09.21.

¹⁸⁵ Decreto-legge 21 ottobre 2020, n. 130. Presidenza del consiglio dei ministri. Of-

Основной упор делается на социальной интеграции, содействию самостоятельности иностранцев, пользующихся международной защитой. Особое внимание уделяется языковой подготовке; информировании прибывших о правах и обязанностях, а также о возможностях осуществления трудовой деятельности; трудоустройстве. Фактически, новый закон определяет границы и формализует систему приёма и интеграции, складывавшуюся в Италии на протяжении 20 лет.

При этом в некоторых странах ЕС правом законодательной инициативы в данной области обладает не только национальное правительство, но и регионы (в зависимости от степени автономии в конкретной стране).

В Италии был принят Национальный план интеграции для лиц, имеющих право на международную защиту (реализован в 2017–2019 гг.). План предполагал многоуровневый подход к интеграции: правительство, регионы, местные органы координируют свои усилия для проведения более эффективной политики интеграции иммигрантов. При этом, согласно Национальному плану, регионы (области) являются ключевыми участниками планирования политики интеграции, учитывая их законодательную и нормативную компетенцию в области социальной политики, образования, рынка труда, профессиональной подготовки, здравоохранения и жилищного строительства. В рамках политики, установленной региональными правительствами, муниципалитеты (коммуны) несут основную ответственность за определение конкретных интеграционных мер и реализацию политики¹⁸⁶.

Согласно Конституции Италии, законы принимаются не только на национальном, но и на областном уровне региональными советами или парламентами автономных провинций. Законодательные органы регионов могут издавать законы в сферах, относящихся к исключительной компетенции региона, а также проявлять законодательную инициативу в отношении вопросов, не находящихся в их компетенции, но влияющих на раз-

ficial site. 2020. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legge:2020-10-21;130> (дата обращения 29.12.2021).

¹⁸⁶ EMN Bulletin: July to September 2017 Issue 20. European Migration Network. 2017. P. 8. URL: <https://emn.ie/publications/emn-bulletin-july-to-september-2017-issue-20/> (дата обращения 26.12.2021).

вите региона. Принятие законов в области иммиграции относится к исключительной компетенции национального парламента, но регионы могут принимать законы в смежных областях, являющихся частью совместной компетенции государства и регионов (например, в вопросах образования, трудоустройства)¹⁸⁷. Стоит отметить, что к 2017 г. 18 из 20 регионов Италии уже имели свои собственные законы об интеграции иммигрантов, за исключением областей Молизе и Сицилия, в которых доля мигрантов невысока¹⁸⁸.

При этом в Италии существует система взаимного оспаривания законов, принятых на национальном и региональном уровне, в Конституционном суде. Так, региональный закон об иммиграции №29, принятый в Тоскане в 2009 г.¹⁸⁹, был частично оспорен правительством из-за его проиммигрантской направленности. В этом случае суд признал правомерным мнение правительства, что, предусматривая конкретные меры по защите мигрантов, не имеющих постоянного вида на жительство, закон повлияет на увеличение числа прибывающих, что регулируется, в свою очередь, исключительно национальным законодательством¹⁹⁰. Такие же требования были предъявлены и области Марке в связи с законом об интеграции №13, что привело к принятию нового регионального закона, который отменил оспариваемые в суде положения¹⁹¹ и привёл к завершению судебного процесса¹⁹². Также правительство оспаривало законы об интеграции

¹⁸⁷ Costituzione della Repubblica Italiana Art. 117 // *Gazzetta Ufficiale*. 1947. P. 33-35.

¹⁸⁸ Zuber C. Explaining the immigrant integration laws of German, Italian and Spanish regions: Sub-state nationalism and multi-level party politics // *Regional Studies*. 2019. Vol. 54. №11. P. 1490.

¹⁸⁹ Passaglia P. La legge regionale toscana sull'immigrazione: verso la costruzione di una società plurale. Commento alla legge regionale №29/2009 // *La governance dell'immigrazione. Diritti, politiche e competenze*. Bologna: Il Mulino, 2013. P. 437-470.

¹⁹⁰ Sentenza 269/2010 – Pres. amirante, rel. tesauero. giudizio di legittimità costituzionale in via principale. Corte Costituzionale. 2010. URL: <https://www.cortecostituzionale.it/actionPronuncia.do> (дата обращения 28.12.2021).

¹⁹¹ Legge regionale 26 maggio 2009, №13 // Consiglio regionale della Marche. 2009. URL: https://www.consiglio.marche.it/banche_dati_e_documentazione/leggi/dettaglio.php?idl=1613 (дата обращения 28.12.2021).

¹⁹² Ord. 275/2010 – Pres. Amirante, rel. tesauero. Giudizio di legittimità costituzionale in via principale // *Giurcost*. URL: <https://www.giurcost.org/decisioni/>

мигрантов, принятые в Эмилии-Романье (2005 г.), Тоскане, Апулии, Лигурии и Марке (2010 г.), Кампании (2011 г.) и Калабрии (2013 г.), в автономной провинции Больцано (2012 г.)¹⁹³.

Итальянское правительство также обладает полномочиями по контролю за интеграцией иммигрантов посредством сети префектур (офисов Министерства внутренних дел на местах), которые управляют центрами приёма программы *SAI* (системы приёма и интеграции). Фактически такие центры создаются на добровольной основе коммунами, которые участвуют в конкурсе, инициированном Министерством внутренних дел, покрывающем до 95% расходов коммун.

В Италии между правительством и субнациональными акторами налажено взаимодействие по линии Объединённой конференции регионов, городов и местных автономий – специального органа координации, задачей которого является проведение постоянных консультаций в целях содействия распространению передового опыта во всех сферах, представляющих региональный интерес, особенно в вопросах интеграции¹⁹⁴.

Следующий уровень в вертикальном управлении миграцией – местный – предполагает, что более низкие территориальные единицы, чем регионы (провинции, города и коммуны), могут участвовать в реализации политики в области интеграции как посредством вертикального, так и горизонтального взаимодействия.

Одной из тенденций современного управления миграцией является стремление местного уровня играть большую роль в принятии и интеграции мигрантов на фоне нежелания национальных правительств полностью признавать региональное и городское измерения как часть многоуровневой системы управления. Как отмечает О.Ю. Потемкина, например, в «Европейской повестке дня по миграции» (2015 г.) не было конкретного упоминания регионов в качестве ключевых игроков миграцион-

2010/0275o-10.html (дата обращения 25.12.2021).

¹⁹³ Medda-Windischer R. Migration and Old Minorities in South Tyrol: Beyond a «Nimby» Approach? // Migration and Autonomous Territories. The Case of South Tyrol and Catalonia. Leiden: Brill. 2015. P. 108.

¹⁹⁴ Pizzetti F. Il sistema delle conferenze e la forma di governo italiana // Le Regioni. 2000. №3-4. P. 480.

ной политики. Также на европейском уровне ни в одной из программ в сфере внутренних дел и юстиции не обозначалась роль местного уровня в управлении миграционными процессами¹⁹⁵.

С 2015 г. меры контроля, принятые на национальном уровне, привели к сокращению числа лиц, ищущих убежища, и мигрантов во многих городах. Например, в 2018 г. правительство Италии усилило ограничительную политику, исключив несколько категорий мигрантов из системы международной защиты (закон отменён в 2019 г.). Ещё одно важное изменение касается отмены вида на жительство по гуманитарным соображениям, что чревато значительными изменениями в будущих перспективах приёма и интеграции. В Австрии федеральное правительство аналогичным образом придерживалось ограничительного подхода к миграции и ввело несколько бюджетных сокращений для мер по интеграции (включая языковые курсы). Позже этот закон был отменён конституционным судом. В Германии приняты различные ограничительные меры в отношении возвращения лиц, которым было отказано в предоставлении убежища¹⁹⁶.

На фоне ужесточения национальной политики государств – членов Евросоюза власти городов проявляют большую солидарность по отношению к мигрантам и подчёркивают свою приверженность основополагающему праву на убежище, даже не обладая полномочиями по предоставлению международной защиты. Поток мигрантов из Афганистана в 2021 г. и реакция на него властей европейских крупных и малых городов (Милан, Мюнхен, Вена, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Лилль) подтвердили готовность принять у себя ищущих убежища. Мэр Лондона призвал правительство оказать финансовую помощь районам города, необходимую для переселения афганских семей¹⁹⁷.

В последние годы города взяли на себя ведущую роль в разработке эффективных стратегий интеграции на местном уровне,

¹⁹⁵ Потемкина О.Ю. Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе // Современная Европа. 2020. №2. С. 106.

¹⁹⁶ Cities and migrants №4. Implementing the Integrating Cities Charter. 2021. P. 7. URL: <https://eurocities.eu/wp-content/uploads/2020/12/4th-Integrating-Cities-Report.pdf> (дата обращения 28.12.2021).

¹⁹⁷ Cities say yes to Afghan refugees. URL: <https://eurocities.eu/latest/cities-say-yes-to-afghan-refugees/> (дата обращения 28.12.2021).

что свидетельствует о желании городов играть большую роль в формировании политики предоставления убежища, миграции и интеграции на европейском уровне. Несколько городов сообщили о своей заинтересованности и участии в разработке политики на уровне ЕС, прежде всего в переговорах по Многолетним финансовым рамкам на 2021–2027 гг. и формировании заявок на финансирование регионального развития¹⁹⁸. Фактически активное участие местного и регионального уровней в процессе осуществления интеграции мигрантов приводит к растущей заинтересованности в этом процессе наднациональных органов. Например, в Европарламенте высказываются предложения как о предоставлении финансирования от ЕС регионам в обход национальных правительств, так и об увеличении финансирования тех регионов, которые желают принимать большее участие в приёме мигрантов¹⁹⁹.

Однако в случае с интеграцией на местах наиболее эффективно работает горизонтальное сотрудничество, ведь именно власти городов напрямую сталкиваются с ситуацией приёма иммигрантов, а также с возможными трудностями при интеграции в принимающее сообщество. Местные образования участвуют как в транснациональных сетях городов (объединения городов из разных стран), так и во внутринациональных сетях (в рамках одного государства).

Наиболее известна сеть городов *Eurocities*, которая объединяет 190 городов из 39 стран. *Eurocities* была запущена в 1986 г. с целью структурировать отношения «снизу вверх». Одновременно это движение привело к усилению мобилизации и институционализации в горизонтальном измерении. Так, в рамках Рабочей группы по миграции и интеграции *Eurocities* реализованы две основных инициативы: Процесс интеграции городов (*Integrating Cities Process, IC*)²⁰⁰ и «Города солидарности» (*Solidarity Cities*).

Процесс интеграции городов был запущен в Роттердаме в

¹⁹⁸ *Cities and migrants* №4... P. 31.

¹⁹⁹ *Bulletin Quotidien Europe* 12783. 04.09.2021.

²⁰⁰ *Migration and Integration Working Group // Integrating Cities. Official site.* URL: <http://integratingcities.eu/> (дата обращения 31.05.2021).

2006 г. и представляет собой партнёрство между *Eurocities* и Европейской комиссией в целях содействия реализации общих принципов интеграции на местном уровне. Приверженность этому процессу была подтверждена в Миланской декларации 2007 г. и получила дальнейшее развитие в рамках проектов *INTI-CITIES* и *DIVE*. Этот процесс был дополнительно поддержан принятием в 2010 г. Хартии европейских городов по интеграции городов, в которой излагается приверженность городов интеграции мигрантов²⁰¹.

В рамках Процесса интеграции городов с 2007 г. реализуется 7 проектов, направленных на повышение компетенций местных властей по совершенствованию и ускорению интеграции прибывающих мигрантов. Проекты финансируются напрямую из фондов Европейского союза. В четвёртом отчёте Процесса интеграции городов (2021 г.) указано, что представители многих городов – членов *Eurocities* упомянули о необходимости иметь прямой доступ к финансированию в соответствии с предстоящими программами финансирования ЕС, что облегчило бы разработку будущих интеграционных стратегий. Например, Милан интенсивно работает над повышением осведомлённости о добровольном возвращении путём проведения информационных кампаний и обмена лучшими практиками с другими городами ЕС²⁰².

Инициатива «Города солидарности», основанная в 2016 г. в рамках *Eurocities*, также играет большую роль в налаживании связей между европейскими странами и городами с целью успешной интеграции вновь прибывших. Например, присоединение Мюнхена к сети в 2019 г. повысило эффективность проводимой городом политики интеграции мигрантов и стало результатом интенсивного внутреннего развития политики интеграции мигрантов на местном уровне (в городе принят Мюнхенский генеральный план интеграции беженцев)²⁰³.

Города участвуют и в других транснациональных сетях для

²⁰¹ What is Integrating Cities? URL: <https://integratingcities.eu> (дата обращения 29.12.2021).

²⁰² Cities and migrants №4... P. 19.

²⁰³ Ibid. P. 32.

продвижения горизонтального подхода к управлению миграцией. Например, в деятельности Европейской коалиции городов против расизма (*ECCAR*) активно участвуют Болонья, Нанси, Барселона, Льеж. Власти бельгийского Гента, также являющегося членом *ECCAR*, воспользовались примером взаимодействия в рамках данной сети и стали инициаторами создания сети фламандских городов по борьбе с расизмом²⁰⁴.

В этом контексте инициатива «Городская повестка дня», запущенная по инициативе Амстердама в 2016 г., является ещё одним эффективным связующим звеном городов с наднациональным уровнем, которое позволяет городам напрямую отстаивать свои интересы в процессе принятия решений²⁰⁵. В период пика миграционного кризиса в 2015–2016 гг. в рамках Повестки было создано Партнёрство городской повестки дня по интеграции мигрантов и беженцев с целью повышения качества интеграции в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Партнёрство представляет собой платформу для сотрудничества между городами, государствами-членами, институтами ЕС и другими заинтересованными сторонами, такими как представители гражданского общества, международные ассоциации, аналитические центры, а также сами мигранты и беженцы. В рамках Партнёрства акторы выявляют проблемы, связанные с интеграцией, разрабатывают концепцию действий по решению этих проблем и предоставляют ресурсы для реализации этих программ²⁰⁶.

Аналогичные сети существуют и внутри стран: в Италии – на уровне провинций, городов и коммун. Союз итальянских провинций (СИП) и Национальная ассоциация итальянских коммун (НАИК) являются членами Объединённой конференции регионов, городов и местных автономий. СИП объединяет все итальянские провинции, однако существуют также и локальные союзы в рамках одной области (например, Союз провинций Пьемонта). Аналогичным образом осуществляется горизонтальное сотрудничество на местном уровне в рамках НАИК²⁰⁷. Обе ор-

²⁰⁴ Ibid. P. 32.

²⁰⁵ Ibid. P. 31.

²⁰⁶ Inclusion Partnership. URL: <https://www.inclusionpartnership.com/about> (дата обращения 28.12.2021).

²⁰⁷ Национальная ассоциация итальянских коммун включает 7107 муниципалитетов.

ганизации координируют деятельность, соответственно, провинций и коммун и представляют их интересы перед национальным правительством.

Выводы

Таким образом, на примере Италии мы видим, что все уровни управления активно задействованы в создании и реализации политики по интеграции иммигрантов. Несмотря на существование устоявшейся многоуровневой системы управления, очевиден запрос на пересмотр в сторону расширения полномочий региональных и местных органов власти в области политики по интеграции мигрантов.

Наднациональный уровень принимает участие в реализации политики по интеграции иммигрантов с точки зрения выработки общих принципов и рекомендаций для государств – членов ЕС. Основная же инициатива исходит «снизу вверх» и формируется по цепочке от местного уровня до национального и наднационального. Поэтому основная «нагрузка» по интеграции ложится на местный уровень власти (в Италии провинции и коммуны), чьи интересы представлены в рамках ЕС Комитетом регионов, и который играет основную роль в принятии и интеграции мигрантов.

Главная проблема в вертикальном взаимодействии состоит в ограниченных национальными рамками ресурсах регионов и городов, как политических, так и финансовых. Деятельность региональных и местных органов власти ограничена в основном с точки зрения распределения законодательных полномочий и инициативы в государстве, где приоритет в сфере разработки политики по интеграции мигрантов отдаётся национальному уровню (как это происходит в Италии).

Кроме того, существует объективная зависимость субнациональных акторов от распределения бюджета на национальном уровне; главным образом, их стремление к получению финансирования на проекты и программы интеграции связано именно с наднациональным уровнем и структурными фондами ЕС. Поэтому в последнее время возникает запрос со стороны Комитета регионов на прямое финансирование из Фондов ЕС программ

местных органов власти по приёму и интеграции иммигрантов²⁰⁸. Прямое финансирование поддерживается на наднациональном уровне (Европарламентом), так как позволяет местному уровню иметь большее право голоса при принятии решений о переселении и интеграции мигрантов, даже если на национальном уровне власти отказываются это делать²⁰⁹.

Горизонтальное взаимодействие осуществляется наиболее интенсивно на уровне городов, причём в приоритете находятся транснациональные европейские сети, как *Eurocities*, Европейская коалиция городов против расизма, Партнёрство городской повестки дня по интеграции мигрантов и беженцев. Такое сотрудничество в рамках сетей городов сосредоточено на выявлении общих проблем интеграции мигрантов, разработке концепций и планов действий по решению этих проблем и обмену лучшими практиками по интеграции. Во многих городах это участие в транснациональных сетях способствует эволюции внутренних стратегий по интеграции мигрантов, позитивный опыт других городов перенимается для повышения эффективности конкретных направлений интеграции (образования, трудоустройства, борьбы с дискриминацией, культурных и лингвистических аспектов).

ГЛАВА 12. ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЕЙ В ЕС

Предупреждение радикализации и программы дерадикализации как в тюрьмах, так и в обществе в целом стали предметом широких обсуждений в политических и экспертных кругах Евросоюза. В 2019 г. Европол доложил, что антиисламские и антимигрантские настроения привели во многих странах ЕС к росту правого экстремизма, главная угроза исходила от насиль-

²⁰⁸ Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees. OECD, 2018. P. 190.

²⁰⁹ European Committee of the Regions critical of New Pact on Migration and asylum at a European Parliament hearing. URL: <https://cor.europa.eu/en/news/Pages/european-committee-of-the-regions-critical-of-new-pact-on-migration-and-asylum-european-parliament-hearing.aspx> (дата обращения 29.12.2021).

ственных экстремистских движений и правого, и левого толка; большинство террористических актов были связаны не с исламистским, а с этнонационалистическим и сепаратистским терроризмом, тогда как джихадистский терроризм в количественном исчислении оставался на третьем месте²¹⁰. Однако уже через год полицейское агентство ЕС признало, что ситуация изменилась: количество джихадистских атак удвоилось за год, джихадистская среда в странах – членах ЕС включает большое число радикально настроенных людей, принадлежащих к различным сетям или действующих в одиночку, сети джихадистов прямо или косвенно поддерживают терроризм посредством финансирования, вербовки и радикализации²¹¹.

Свою обеспокоенность проблемой внутренней безопасности выразила и Франция, заступившая на пост председателя Совета ЕС в первом полугодии 2022 г. В предложениях Совета по противодействию радикализации подчёркивалось, что «джихадистский терроризм остаётся наиболее распространённым и смертоносным явлением в государствах – членах Европейского союза»²¹², а противодействие ему остаётся одной из важнейших задач ЕС.

Программы дерадикализации в тюрьмах

Программы дерадикализации впервые появились в странах арабского мира в конце XX в., в частности, в Египте и Алжире, и впоследствии получили распространение в Европе и Азии. В 2005–2007 гг. соответствующее направление политики начали разрабатывать Великобритания, Дания и Нидерланды. После начала сирийского конфликта к практике дерадикализации обратились Германия и Дания, опасавшиеся влияния иностранных боевиков-террористов (ИБТ), вернувшихся из «горячих точек». В 2011 г. в Берлине начала действовать служба «Хайят», спе-

²¹⁰ Europol. European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2020. P. 16.

²¹¹ Europol. European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2021. P. 7.

²¹² Council of the European Union Countering radicalisation: fighting the influence of ideologies spread by extremist individuals and entities. 01.02.2022. URL: <https://media.euobserver.com/596553f893624a6dd6deccc3e519a3bb.pdf> (дата обращения 21.02.2022).

циализирующаяся на взаимодействии с молодыми мусульманами, в это же время активно применялась датская «Орхусская модель» для предотвращения радикализации и дискриминации мигрантов.

Усиление внимания к дерадикализации стало частью масштабных действий государств – членов Евросоюза по противодействию терроризму и экстремизму, выявлению потенциальных вербовщиков-боевиков. Велики были опасения, что тюрьмы, где отбывали наказание вернувшиеся в Европу ИБТ, постепенно превращались в «университеты терроризма» или «университеты джихада». Таким образом, изначально дерадикализация представляла собой комплекс мер, направленных на реабилитацию заключённых, чтобы облегчить их реинтеграцию в общество.

В научной литературе, как и в практике, различают два типа программ дерадикализации: когнитивную (направлена на изменение идеологии – основной причины радикализации) и поведенческую (имеет целью отвратить от насильственных действий, разорвать отношения с террористической группой, иногда определяется как «разрыв», *disengagement*)²¹³. Поведенческие программы варьируются от оказания психологической поддержки до помощи в профессиональной подготовке и образовании, семейной реабилитации, занятиях спортом и искусством после освобождения, всё это – для реинтеграции отбывших свой срок боевиков. Программы включают и дополнительный набор стимулов: финансовая поддержка, медицинское страхование, содействие в поиске работы. Некоторые даже предусматривают помощь вышедшим из тюрем для вступления в брак. Вопрос о том, должна ли дерадикализация ограничиваться лишь поведенческой или включать когнитивную составляющую – изменение отношения к религии, остаётся спорным и нерешённым.

Тем не менее ЕС и государства-члены склоняются к когнитивной дерадикализации. После терактов в Испании, Франции, Германии и Бельгии и миграционного кризиса 2015 г. ислам и

²¹³ The Return of Foreign Fighters to EU Soil: Ex-post Evaluation. European Parliamentary Research Service, 2018. P. 56; Новикова О.Н. Иностранцы боевики-террористы: новый формат угрозы // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 218-219. В официальных документах ЕС предпочитает употреблять термин *disengagement* вместо *deradicalization*.

мигранты-мусульмане стали восприниматься как главная угроза во многих европейских государствах. Наиболее важным и распространённым компонентом большинства европейских стратегий дерадикализации считается религиозная и идеологическая реабилитация, основанная на понимании радикализации как процесса регулярной обработки религиозной идеологией, кульминацией которой становится сочувствие или активная поддержка «насилованного джихада»²¹⁴. Наглядным примером служит «Контртеррористическая повестка дня» – стратегия ЕС, которая провозглашает целью предотвращение терактов «посредством противодействия радикализации и экстремистским идеологиям до того, как они укоренятся в обществе»²¹⁵.

Компетенции в сфере интеграции мигрантов принадлежат государствам-членам, Комиссия ЕС играет лишь координирующую роль и поощряет национальные программы реабилитации и реинтеграции, включая вернувшихся в Европу ИБТ. Поддержка действий стран-членов осуществляется в нескольких направлениях: оценка риска со стороны радикально настроенных заключённых; помощь в подготовке специалистов и издание Руководства по реабилитации и реинтеграции находящихся в тюрьмах, в том числе после их освобождения; разработка методологии с едиными стандартами и оценки эффективности программы реинтеграции, создание интернет-форума и Сети информирования о радикализации (*RAN*)²¹⁶.

В последние годы растёт количество программ, разработанных как для заключённых, так и освободившихся бывших ИБТ. В государствах – членах ЕС регулярно разворачиваются новые инициативы, охватывающие целый ряд направлений: религиоз-

²¹⁴ Kundnani A., Hayes B. The Globalization of Countering Violent Extremism Policies Undermining Human Rights, Instrumentalising Civil Society. Amsterdam: Transnational Institute, 2018. P. 5.

²¹⁵ European Commission. Communication on a Counter-Terrorism Agenda for the EU: Anticipate, Prevent, Protect, Respond. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/pdf/09122020_communication_commission_european_parliament_the_council_eu_afendacounterterrorism-po-2020-9031com-2020795en.pdf (дата обращения 22.01.2022).

²¹⁶ Léonard S., Kaunert Ch., Yakubov I. Preventing Radicalisation and Enhancing Disengagement in the European Union // Routledge Handbook of Deradicalisation and Disengagement. L. – N.-Y.: Routledge, 2020. P. 187.

ное и психологическое консультирование, ориентированное на дерадикализацию, профессиональная подготовка, образование и рекреационная деятельность, нацеленные на разрыв с экстремистской активностью. Большинство из них осуществляется в северо-западной Европе: программы «выхода» в Норвегии, Швеции и Германии; «Орхусский подход» в Дании, основанный на максимальном вовлечении бывших боевиков в общественную жизнь; инициатива по реинтеграции, возглавляемая Службой пробации Нидерландов. В Германии целому ряду организаций поручено содействовать реабилитации и реинтеграции ИБТ, и каждая из этих организаций имеет свою собственную философию в отношении дерадикализации и разрыва с прежней деятельностью. Через Сеть RAN Комиссия ЕС в сотрудничестве с местными властями оказывает поддержку практикующим специалистам в разработке передовых практик и обучении их навыкам, необходимым для борьбы с насильственным экстремизмом. Реинтеграция становится необходимым компонентом всеобъемлющей стратегии борьбы с экстремизмом, хотя для оценки долгосрочного эффекта программ прошло слишком мало времени, и на данном этапе исследователи часто заявляют или об их недостаточной эффективности²¹⁷, или о невозможности оценить результаты вследствие неопределённости критериев успеха – можно ли напрямую связывать эффект дерадикализации и динамику терактов²¹⁸.

Интеграция мигрантов как инструмент дерадикализации и борьбы с терроризмом

После программ дерадикализации в тюрьмах Евросоюз и государства-члены продвинулись в следующем направлении – перенесении принципов противодействия терроризму в сферу интеграции мигрантов, особенно молодёжи. Несколько факторов объясняют уязвимость молодых мусульман для влияния экстремистских организаций: социальная среда, проблемы идентичности, дискриминация, экономические условия, культурная мар-

²¹⁷ Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 78.

²¹⁸ El-Said H. Deradicalization: Experiences in Europe and the Arab World. URL: <https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/01/DeradicalizationExperiences-in-Europe-and-the-Arab-World.pdf> (дата обращения 24.02.2022).

гинализация, влияние страны происхождения и т.д.

Среди молодёжи из «группы риска» не только недавно прибывшие беженцы и мигранты, но и граждане европейских стран мигрантского происхождения и представители диаспор, которые чувствуют дискриминацию и маргинализацию со стороны принимающего общества и, таким образом, становятся уязвимыми для экстремистской пропаганды. Так, большинство исполнителей террористических актов последнего десятилетия в Европе были гражданами Европейского союза («с мигрантским прошлым»), представители второго и третьего поколений мигрантов, которые не приняли ни западный светский образ жизни, ни мусульманскую идентичность своих родителей. Они стремятся обрести свои религиозные корни и могут попасть под влияние джихадистов, которые с помощью экстремистской идеологии создают у них впечатление обретения новой идентичности.

С другой стороны, вопреки распространённому мнению о том, что большинство радикально настроенных людей – религиозные фанатики, различные европейские опросы показывают, что это не так²¹⁹. Многие из новоиспечённых террористов никогда не читали Коран и не посещают постоянно мечети, зато это активные пользователи социальных сетей и любители видеоигр, которые часто используются вербовщиками для подбора новых членов террористических организаций. Интернет, как общедоступный, так и даркнет, играет ведущую роль в процессе радикализации мусульманской молодёжи. Простота доступа и относительная анонимность социальных сетей делают их источником информации и взаимоотношений между людьми, а также важнейшим оружием вербовщиков, действующих в ЕС и за его пределами. Быстрое распространение новых технологий изменило задачи и содержание политики противодействия терроризму. В Италии было создано специальное подразделение почтовой полиции для борьбы со всеми онлайн-преступлениями, включая выявление вербовщиков и тех, кто распространяет пропаганду джихада. Соединённое Королевство и Франция со-

²¹⁹ См., например: Survey report «European youth and radicalisation leading to violence». 29.10.2018. URL: <https://efus-network.eu/efus/files/2020/03/D2.3-Survey-PRACTICES-PdLIGHT1.pdf> (дата обращения 25.02.2022).

трудничали в организации кампании по борьбе с радикализацией в Интернете, накладывая штрафы на ИТ-фирм, которые отказывались удалять террористический контент. Наконец, на национальном уровне в июне 2022 г. вступает в силу Регламент ЕС о борьбе с распространением террористического контента в Интернете²²⁰.

В ноябре 2020 г. практически одновременно с «Контртеррористической повесткой дня» был представлен очередной План действий ЕС по интеграции мигрантов на 2021–2027 гг.²²¹, который, по существу, стал инструментом социального противодействия радикализации. «Школы играют важную роль в предотвращении вовлечения молодёжи в насильственные экстремистские идеологии, организации и движения», – подчёркивается в Плане действий, а Сеть по повышению осведомленности о радикализации (RAN) выпустила ряд вспомогательных документов, чтобы лучше подготовить учителей к выявлению ранних признаков радикализации²²². Еврокомиссия впервые предложила обширную программу (ре)интеграции не только мигрантов, но и граждан ЕС «с миграционным прошлым». Данное нововведение несомненно было продиктовано опасениями влияния экстремизма на молодых людей, которые становятся потенциальными участниками террористических сетей, даже не совершая при этом «подозрительных поездок» за пределы Евросоюза, подразумевающих участие в военных действиях за границей.

Против «постоянного подчёркивания связи между интеграцией мигрантов и предотвращением радикализации» немедленно выступил Европейский совет по делам беженцев и изгнанников (*European Council on Refugees and Exiles, ECRE*), уловив

²²⁰ Regulation (EU) 2021/784 of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal, L 172, 17.05.2021. P. 79.

²²¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Action plan on Integration and Inclusion 2021–2027. Brussels, 24.11.2020. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files_en?file=2020-11/action_plan_on_integration_and_inclusion_2021-2027.pdf (дата обращения 24.02.2022).

²²² Youth and Education Working Group (RAN Y&E). URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/networks/radicalisation-awareness-network-ran/topics-and-working-groups/youth-and-education-working-group-ran-ye_en (дата обращения 24.02.2022).

тенденцию секьюритизации политики миграции и убежища²²³. Таким образом, тема интеграции переключалась из сферы миграционной политики в стратегии и программы обеспечения безопасности ЕС, между понятиями «интеграция» и «терроризм» установилась тесная связь. «Контртеррористическая повестка дня» в вопросах интеграции молодых людей «из группы риска» делает прямую отсылку к Плану действий по интеграции²²⁴. Методы поддержки и координации действий государств-членов в рамках программ дерадикализации в тюрьмах очень схожи с теми, что предлагает План действий по интеграции мигрантов и их натурализовавшихся потомков.

«Европейские имамы»

Одним из инструментов дерадикализации европейские страны и организации считают религиозное образование и отношения с мусульманскими диаспорами, что в реальности оказывается сложным и противоречивым процессом. Так, Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в качестве эффективного способа ослабить влияние экстремизма рекомендует диалог между правительствами, учёными и мусульманской общиной внутри и за пределами Европы, сотрудничество с мусульманскими организациями, которые, как правило, придерживаются классической версии ислама. Радикально настроенные молодые люди плохо знают ислам, вербовщики преподносят им искажённую интерпретацию Корана, и в отсутствие разъяснительной работы молодые мусульмане склонны им верить. Поэтому Совет Европы выступает в поддержку обучения «европейских имамов», организации курсов, в т.ч. языковых, для имамов из-за пределов Европы, а также для того, чтобы помочь заключённым в тюрьмах «найти свой истинный путь через религиозное самовыражение и противостоять фундаменталистским теориям»²²⁵.

²²³ The new Action Plan on Integration and Inclusion: Promising Elements, Rising Expectations. ECRE news. URL: <https://www.ecre.org/op-ed-the-new-action-plan-on-integration-and-inclusion-promising-elements-rising-expectations/> (дата обращения 22.02.2022).

²²⁴ European Commission. Communication on a Counter-Terrorism Agenda for the EU... P. 8.

²²⁵ Radicalisation of migrants and diaspora communities in Europe. Draft Resolution, 25.09.2018. URL: [https://assembly.coe.int/nw/xml/](https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-)

Однако не все государства – члены ЕС предоставляют религиозным представителям доступ в места содержания под стражей, и в Европе наблюдается значительная нехватка имамов для выполнения этой роли. Некоторые европейские страны запускают специальные проекты, поощряющие вовлечение религиозных представителей в деятельность по предотвращению радикализации. Так, во Франции управление префектуры региона Нижний Рейн в сотрудничестве с факультетом протестантской теологии Страсбургского университета разработало учебную программу для представителей мусульманских религиозных объединений по предотвращению радикализации молодёжи.

На саммите в декабре 2020 г. лидеры государств и правительств ЕС вновь подняли вопрос о религиозном образовании в Европе, вызвавший ажиотаж в ноябре 2020 г. после того, как председатель Евросовета Ш. Мишель предложил обсудить на «европейском уровне идею создания европейского института подготовки имамов»²²⁶. В «Заключениях» саммита «европейские имамы» уже не упоминались, участники встречи сошлись на политкорректной формулировке – «соответствие религиозного образования и профессиональной подготовки основополагающим принципам и ценностям ЕС»²²⁷. Таким образом, разговора «на европейском уровне» не получилось, но в Германии и Франции идея обсуждалась гораздо подробнее. Так, основные политические партии и большинство исламских ассоциаций Германии обеспокоены тем, что иностранные имамы препятствуют интеграции и позволяют таким странам, как Турция, оказывать влияние почти на 5 млн мусульман Германии. Кроме того, имамы, которые не говорят по-немецки, не могут общаться с молодыми поколениями. Однако при этом возникает пробле-

en.asp?fileid=25054&lang=en (дата обращения 05.02.2022).

²²⁶ Remarks by President Charles Michel after his meeting with the Chancellor of Austria Sebastian Kurz in Vienna. 09.11.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/11/09/intervention-du-president-charles-michel-apres-sa-rencontre-avec-le-chancelier-autrichien-sebastian-kurz-a-vienne/> (дата обращения 05.02.2022).

²²⁷ European Council Conclusions 10-11 December 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/12/11/european-council-conclusions-10-11-december-2020/> (дата обращения 04.02.2022).

ма: как практически решить вопросы подготовки «европейских имамов», например, может ли светское государство в целях интеграции мусульман и предотвращения их радикализации финансировать религиозное образование²²⁸.

Французские власти также пытаются вмешаться во внутренние дела мусульманской общины в рамках политики формирования «просвещённого ислама». Так, в соответствии с соглашениями, заключёнными с Турцией и Алжиром, под контроль был поставлен отбор имамов, направляющихся во Францию, «консульских» или «хороших имамов». Государство контролировало и подписание договоров с двумя университетами о подготовке имамов (по нерелигиозным/теологическим вопросам), впрочем, эта мера принесла мало результатов, поскольку программы обучения либо бойкотировались, либо не пользовались доверием мусульманской общины и мусульманских представительных органов; некоторые из таких программ вскоре были закрыты, предположительно из-за нехватки финансирования²²⁹.

Заключение

В сфере дерадикализации Евросоюз действует в нескольких направлениях: противодействие экстремистской идеологии в Интернете; программы реабилитации заключённых и интеграции мусульманской молодёжи в школах и университетах; содействие функционированию Сети по повышению осведомлённости о радикализации (*RAN*), тесные контакты со странами происхождения мигрантов. Однако не существует однозначной оценки эффективности действующих программ. Концептуальная дискуссия о когнитивном/идеологическом характере программ дерадикализации также влияет на то, как определяется их успех: должно ли мусульманин продемонстрировать только отказ от насильственного поведения или ещё и изменение в идеологии?

Трудности усугубляются тем фактом, что это очень широкая и фрагментированная область политики, учитывая, что, ЕС в ос-

²²⁸ EU's Michel wants school for imams to combat terrorism and radicalization. URL://www.politico.eu/article/eu-charles-michel-imam-school-to-combat-terrorism-and-radicalization/ (дата обращения 07.02.2022).

²²⁹ Hashas M. The European imam. A nationalized religious authority // Imams in Western Europe: Developments, Transformations, and Institutional Challenges. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 92.

новном лишь поддерживает и координирует инициативы государств-членов. При этом в процессе координации нельзя не отметить важность стратегий и планов действий последних лет, а также и законодательных мер по гармонизации подходов государств-членов к радикализации, прежде всего Регламент ЕС о борьбе с распространением террористического контента в Интернете. Дерадикализация используется как инструмент противодействия терроризму, так и для управления миграционными процессами, что, несомненно, свидетельствует о секьюритизации политики миграции и убежища ЕС.

ГЛАВА 13. ФРАНЦУЗСКИЙ ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ МЕЖДУ РАДИКАЛИЗМОМ И ИСТЕБЛИШМЕНТОМ: КАЗУС Э. ЗЕММУРА

Современная динамика европейской политической реальности постоянно порождает новые феномены, не только способные существенно повлиять на течение кратко- и среднесрочных политических процессов, но и нуждающиеся в теоретическом осмыслении.

Президентская кампания 2022 г. во Франции представляет собой в этом смысле весьма интересный случай. Рядом с Марин Ле Пен – лидером правопопулистского Национального объединения и традиционным уже кандидатом на выход во второй тур президентских выборов – на крайне правом фланге французской политической сцены внезапно появилась фигура публициста и писателя Э. Земмура, за несколько месяцев нарастившего президентский рейтинг с 5,5% до 18% и к середине октября 2021 г. обогнавшего М. Ле Пен на 2 процентных пункта²³⁰.

Данная ситуация порождает ряд вопросов как практического, так и концептуального характера. Каковы причины взрывного роста электоральной популярности Земмура в условиях занятости праворадикальной ниши хорошо институализированной

²³⁰ Baromètre d'intentions de vote à l'élection présidentielle de 2022. Vague 20. Semaine du 3 novembre 2021. URL: <http://harris-interactive.fr/wp-content/uploads/sites/6/2021/11/Rapport-Harris-Vague-20-Intentions-de-vote-Presidentielle-2022-Challenges.pdf> (дата обращения 07.11.2021).

и при этом, казалось бы, сохраняющей популистский тонус партией М. Ле Пен? Есть ли у Земмура реальные перспективы выиграть выборы 2022 г.? Каковы долгосрочные перспективы Земмура-политика и будет ли иметь долгосрочные последствия его взлёт в ходе избирательной кампании 2022 г.?

Следует в первую очередь заметить, что Земмур – новичок в президентской гонке, но отнюдь не в политике. Его карьера политического журналиста начинается в 1986 г., в 1995 г. он выпускает свою первую книгу (политическую биографию Э. Балладюра), а в 2000-е гг. Земмур, продолжая писать политические памфлеты, становится ведущим политических шоу. В итоге его узнаваемость как политического аналитика и памфлетиста постепенно переросла границы достаточно узкого сегмента интеллектуальной публики; к началу 2020-х гг. Земмур превращается в фигуру, популярную у достаточно широких, как мы видим сегодня, масс французского электората. К 2021 г. ежедневная аудитория телешоу Земмура *Face à l'Info* составила 900 тыс., увеличившись в 10 раз в сравнении с 2019 г.²³¹

С учётом этого можно сказать, что претензии Земмура на участие в президентской гонке подготовлены всей его предшествующей карьерой и являются её логичным продолжением. Кроме того, имидж интеллектуала – лидера общественного мнения традиционно востребован французским политикомом (достаточно вспомнить фигуры Ш. Морраса, А. де Бенуа, Ж. Аттали) – и в этом контексте харизматичный, неоднократно доказывавший свою способность держать удар в ситуации постоянной медийной, а подчас и физической агрессии Земмур выгодно оттеняет большинство политических фигур современной французской политической сцены.

Но, разумеется, основным фактором роста популярности Земмура стали те лозунги, с которыми он вышел на старт президентской кампании. Сам Земмур неоднократно называл себя голлистом и бонапартистом²³² – и эти попытки вызывают устойчи-

²³¹ Eric Zemmour, the French TV star who is stealing Marine Le Pen's thunder. URL: <https://www.politico.eu/article/france-eric-zemmour-tv-star-marine-le-pen-presidential-election/> (дата обращения 16.11.2021).

²³² Zemmour: «Nous sommes nombreux à ne plus reconnaître la France». URL: <https://www.bfmtv.com/politique/zemmour-nous-sommes-nombreux-a-ne-plus-re>

вое скептическое отношение и неприятие со стороны его политических противников. Так, отказал Земмуру в праве именоваться голлистом бывший президент Н. Саркози²³³, а внук де Голля, бывший глава Конституционного совета Республики П. Мазо подверг Земмура (избегая, впрочем, прямо его называть) жёсткой критике за его высказывания по поводу вишистской политики в отношении евреев²³⁴.

Действительно, декларируемые Земмуром тезисы носят, как правило, весьма радикальный характер, типичный, скорее, для французских крайне правых, нежели для политиков мейнстрима. В центре дискурса Земмура – антимигрантская повестка. Он выступает не только против нелегальной миграции, но и против миграции легальной²³⁵, полагая таковую угрозой для французской государственности и культуры.

Земмур – открытый сторонник ассимиляционной модели миграционной политики. Более того, он приводит как пример её успешности свою собственную судьбу – судьбу алжирского еврея, воспитанного на французской культуре и сознательно избравшего путь лояльности французскому цивилизационному проекту²³⁶. Идея культурного величия Франции, глобальной значимости её исторического наследия стала смысловым стержнем

connaitre-la-france_AN-201410130049.html (дата обращения 22.11.2021); Présidentielle 2022: Eric Zemmour sur les traces de Napoléon à Ajaccio. URL: <https://www.europe1.fr/politique/presidentielle-eric-zemmour-sur-les-traces-de-napoleon-a-ajaccio-4070604> (дата обращения 23.11.2021); «Napoléon incarne tout ce que notre époque déteste» (Figaro Live, 05.05.2021). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ieVwnlUckw0> (дата обращения 23.11.2021).

²³³ «Tout le monde n'est pas capable d'être un homme d'État»: Sarkozy torpille Zemmour. URL: https://www.lepoint.fr/politique/tout-le-monde-n-est-pas-capable-d-etre-un-homme-d-etat-sarkozy-torpille-zemmour-08-11-2021-2451121_20.php (дата обращения 23.11.2021).

²³⁴ Présidentielle 2022: les propos de Zemmour sur Pétain indignent la famille gaulliste. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/presidentielle-2022-les-propos-de-zemmour-sur-petain-indignent-la-famille-gaulliste-20211108> (дата обращения 23.11.2021).

²³⁵ «Il faut rassembler tous ceux qui veulent préserver la civilisation française menacée de mort». Les vérités d'Eric Zemmour. URL: <https://www.nicematin.com/politique/il-faut-rassembler-tous-ceux-qui-veulent-preserver-la-civilisation-francaise-menacee-de-mort-les-verites-deric-zemmour-706077> (дата обращения 30.11.2021).

²³⁶ Ibid.

его главного текста 2021 г. – речи 30 ноября, в которой он заявил о начале своей официальной избирательной кампании²³⁷. Подобный культурный национализм позволяет видеть в Земмуре прямого наследника идей Ш. Морраса, с его апологетикой культурного приоритета французской цивилизации и государственности.

Политико-культурный «правый» национализм моррасистского толка соседствует в риторике Земмура с «левой» националистической мотивацией неприятия мигрантов как конкурентов коренных французов на рынке труда и социальных гарантий²³⁸. Это сближает земмуровский дискурс с классическим лепенистским дискурсом и позволяет Земмуру успешно конкурировать с М. Ле Пен за голоса рабочего – бывшего левого – электората.

Одновременно Земмур активно использует идеологемы конспирологического дискурса о «великом замещении»²³⁹. Симптоматично, что этот термин дважды прозвучал в ключевой для политика речи 30 ноября²⁴⁰. Если же добавить к этому периодически всплывающие в дискурсе Земмура элементы ратташизма²⁴¹ и в целом негативного отношения к Бельгии как к государству²⁴², то можно констатировать, что национализм Земмура носит даже более радикальный характер, нежели национализм протагониста французского праворадикального лагеря М. Ле Пен и её «Национального объединения». Безусловно, опережает М. Ле Пен в радикализме и готовность Земмура рушить сакральные

²³⁷ Эрик Земмур: «Я баллотируюсь в президенты». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k8IGBDK1BH8> (дата обращения 30.11.2021).

²³⁸ Eric Zemmour veut réserver les minima sociaux aux français et les retirer aux étrangers. URL: <https://www.boursorama.com/actualite-economique/actualites/eric-zemmour-veut-reserver-les-minima-sociaux-aux-francais-et-les-retirer-aux-etrangers-920bcee14b70ff7351d2cca5e0894db5> (дата обращения 07.12.2021).

²³⁹ Eric Zemmour explique sa théorie du «grand remplacement». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=07ComFfBed4>; <https://www.ouest-france.fr/societe/le-polemiste-eric-zemmour-reprend-la-these-complotiste-du-grand-remplacement-6541347> (дата обращения 30.11.2021).

²⁴⁰ Эрик Земмур: «Я баллотируюсь в президенты». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k8IGBDK1BH8> (дата обращения 30.11.2021).

²⁴¹ Zemmour E. *Mélanolie française*. Paris: Fayard, 2010. P. 202-206.

²⁴² Attentats à Paris: «Au lieu de bombarder Raqqa, la France devrait bombarder Molenbeek», lance Éric Zemmour. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=px9LzRmevgY> (дата обращения 07.12.2021).

табу послевоенной французской политики, положительно отзываясь о личности маршала Ф. Петена и, в частности, пытаясь оправдать его политику в отношении французских евреев в годы правления Виши²⁴³.

Всё это позволяет определить место Земмура в политическом пространстве правее М. Ле Пен, на протяжении ряда лет последовательно пытавшейся избавиться свою партию от чрезмерно радикального имиджа и сделать её приемлемым выбором для умеренного электората. Собственно, и сам Земмур открыто называет М. Ле Пен левым политиком²⁴⁴, упрекая её в том, что она замкнулась в «гетто рабочих и безработных» и игнорировании интересов *CSP+* (т.е. менеджеров, интеллектуальной элиты, инди-видуальных предпринимателей)²⁴⁵.

При этом Земмур заявляет о своей верности идеалам Французской революции и упоминает в качестве одного из своих идейных предтеч социалиста-пацифиста Ж. Жореса. Рискнём, однако, предположить, что имя Жореса – как и имена Бонапарта и де Голля – является для Земмура не более чем маркером, способным мобилизовать известный электоральный потенциал и прочертить в сознании избирателя связующую линию между персонализированными образами французского величия и нынешним кандидатом в президенты.

Экономическая программа Земмура достаточно эклектична и в целом типична для популистского дискурса своим фокусированием на необходимости протекционизма, поддержки малого и среднего бизнеса в сочетании с повышением минимальной зарплаты и снижением значительной части налогов²⁴⁶. Протек-

²⁴³ См., в частности, выступление Э. Земмура в телешоу *Répliques* 17.11.2018: «De Gaulle, Pétain, la France: avec Eric Zemmour et Paul Thibaud». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=izwApHQ19oA> (дата обращения 16.02.2022).

²⁴⁴ Zemmour tacle Le Pen, selon lui «une femme de gauche en décalage avec son électorat». URL: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/zemmour-tacle-le-pen-selon-lui-une-femme-de-gauche-en-decalage-avec-son-electorat_A-V-202110270116.html (дата обращения 07.12.2021).

²⁴⁵ Extrême droite Zemmour cible le «ghetto politique» de Le Pen, elle le renvoie à ses «provocations». URL: https://www.liberation.fr/politique/elections/zemmour-cible-le-ghetto-politique-de-le-pen-elle-le-renvoie-a-ses-provocations-20211024_LHTRLVHJ7FCGHCIDMUWNLK5LWQ/ (дата обращения 07.12.2021).

²⁴⁶ Économie: Le programme d'Éric Zemmour. URL: <https://programme.zemmour>

ционизм Земмура, разумеется, выражен и в его антиглобалистских, и в его антимигрантских тезисах; наличие внешнего (глобальные ТНК, ЕС и пр.) и внутреннего (инокультурные мигранты) врагов является отличительной чертой современного праворадикального дискурса, и Земмур тут лишь подтверждает давно известный алгоритм.

Вполне вписывается в праворадикальный дискурс и апелляция Земмура к ценностям консерватизма и социального порядка, в особенности с давних пор ставший визитной карточкой Земмура и предметом отдельной критики со стороны наблюдателей подчёркнутый антифеминизм²⁴⁷. В последние месяцы, однако, он попытался избавиться от этого аспекта своего имиджа²⁴⁸ в попытке расширить свою электоральную базу за счёт менее традиционалистского электората.

Возникает вопрос: к какому типу крайне правого политического поведения стоит отнести казус Земмура? Правый популист он или правый радикал?

На первый взгляд, своими электоральными претензиями, достаточно эклектичной программой и стилистикой «всеохватного» политического актора Земмур больше напоминает популиста.

С другой стороны, правый популист, как правило, привлекает левый электорат левой социальной и квазидемократической политической программами – но Земмур привлекает левых преимущественно антимигрантской повесткой, обещанием повышения зарплаты и компенсаций части транспортных расходов²⁴⁹;

2022.fr/economie; <https://programme.zemmour2022.fr/agriculture> (дата обращения 27.01.2022).

²⁴⁷ L'émission qui a changé la carrière médiatique d'Éric Zemmour. URL: <https://larevuedesmedias.ina.fr/eric-zemmour-carriere-tele-clash-autain-huster-ardisson-tout-le-monde-en-parle-france-2> (дата обращения 27.01.2021); Articles, livres, discours: nous avons exhumé 25 ans de sorties sexistes d'Éric Zemmour. URL: <https://www.franceinter.fr/politique/articles-livres-discours-nous-avons-exhume-25-ans-de-sorties-sexistes-d-eric-zemmour> (дата обращения 27.01.2022).

²⁴⁸ Eric Zemmour, du mépris des femmes à la hantise de l'immigration. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2021/12/30/eric-zemmour-du-mepreis-des-femmes-a-la-hantise-de-l-immigration_6107701_823448.html (дата обращения 27.01.2022).

²⁴⁹ Automobilistes: Le programme d'Éric Zemmour. URL: <https://programme.zemmour2022.fr/automobilistes> (дата обращения 27.01.2022).

классических левых демократических лозунгов в земмуровском дискурсе практически не слышно. Кроме того, значимой частью правопопулистского дискурса является критика «продажной антинародной элиты», однако наличие в избирательной команде Земмура банкиров и элитарных управленцев, о чём ещё будет сказано ниже, делает трудновыполнимым его намерение выглядеть народным кандидатом и борцом с элитой. Впрочем, анализируя речь Э. Земмура на организованном М. Марешаль 28 сентября 2019 г. конгрессе французских крайне правых, А. Мату обратил внимание на апелляцию Земмура к характерной для популистского дискурса идее искажённой воли народа²⁵⁰.

Учитывая вышесказанное, мы бы охарактеризовали Земмура все же как популиста, хотя и крайне правого популиста, балансирующего на грани популизма и жёсткого радикализма.

Эклектичность программы Земмура хорошо корреспондирует с разнородным характером его команды. Борцы за традиционные ценности из *Manif pour tous* (А. Дюмон) и сетевые активисты против гей-браков (С. Лафон) соседствуют здесь с выходцами из административной и финансовой элиты страны. Так, ближайшим советником и, по слухам, подругой Земмура является выпускница Административной школы С. Нафо. Из Административной школы вышел и соратник Земмура Ж. Пайе. Экономическую программу Земмура писал бывший сотрудник таких банков, как *Société générale*, *Rotschild*, *le Crédit suisse* Й. Надлер. В банке Ротшильда работал и советник Земмура Ж. Мадар. Не будем забывать, что и сам Эрик Земмур окончил в своё время парижский Институт политических исследований (*Institut d'études politiques de Paris, Sciences Po*).

В команду Земмура вошли также ренегаты-политики, ранее представлявшие другие французские крайне правые партии. Так, от М. Ле Пен перешли к нему Ж.-П. Тиссеран, ранее представлявший позицию Нацфронта по социально-экономическим вопросам на президентских выборах 2017 г., а также М. Луссо-

²⁵⁰ Mathoux H. «Préférence nationale», esquisse de guerre civile, rejet de l'islam et des droits de l'homme: on vous résume l'inquiétant discours d'Eric Zemmour. URL: <https://www.marianne.net/politique/preference-nationale-esquisse-de-guerre-civile-rejet-de-l-islam-et-des-droits-de-l-homme> (дата обращения 28.11.2021).

арн. Парадоксальным образом политика Ле Пен по «дедьяволизации», «нормализации» своей партии на начальном этапе президентской кампании привела не к росту уровня её поддержки, а к уходу значительной части голосов к более радикальному Земмуру. Из Национально-республиканского движения (правоконсервативного осколка «Национального фронта» времён Ж.-М. Ле Пена) ушёл к Земмуру Г. Дюпон-Тэнго. В январе 2022 г. стала склоняться к поддержке Земмура на выборах и такая влиятельная в лагере французских правых фигура как племянница Марин Ле Пен – Марион Марешаль. В целом можно, пожалуй, видеть в этих траекториях симптом повышенного запроса на радикализм во французском политикуме. В полном соответствии с традициями французских «новых правых» поддержал Земмура и стал национальным координатором его кампании редактор крайне правого студенческого журнала «Этюдиан либр» С. Риго. Многозначительным вкраплением в команду антиглобалиста и антиатлантиста Земмура стал и журналист французской редакции российского государственного медиахолдинга *Russia Today* П.-А. Ферлетик.

Таким образом, можно констатировать, что ключевые позиции в команде Земмура занимают интеллектуалы-эксперты, принадлежащие к элите. При этом выше мы уже определили политическую субъектность Земмура как популистскую либо даже как радикальную, что, казалось бы, входит в принципиальное противоречие с элитаристской окраской персонального состава его команды. Из этой констатации также вытекают два важных вопроса.

Прежде всего, можно ли говорить о Земмуре как о популисте-антиэлитисте и народном трибуне? Или же, как и в других случаях, в популистские одежды рядится часть элиты (контрэлиты?). Структура команды Земмура разительно напоминает начальную фазу формирования немецкой «Альтернативы для Германии» с преобладанием среди лидеров движения экспертов-интеллектуалов, бросивших вызов мейнстримным политическим силам.

Если смотреть на феномены Земмура, да и АдГ с этого ракурса, возникает другой, не менее существенный вопрос: можно

ли вообще говорить сейчас о популизме (особенно правом) в изначальном смысле этого понятия как о специфически антиэлитистском движении на манер пужадистского? Или же в условиях системного кризиса классического либерализма и современной демократии происходит бунт части элиты под лозунгами возврата к золотому веку национального государства? Представление о конкретике «золотого века» может при этом различаться от страны к стране: в каких-то случаях таковым представляется эпоха социального государства с максимальным пакетом народного представительства и социальных гарантий (случай АдГ и скандинавских популистов), а в значительном количестве других – более ранняя эпоха современного *nation-state* с её классическим либеральным меритократизмом и элитаризмом (Земмур? Трамп? Современные британские тори?). Общим же знаменателем во всех случаях является антиглобализм и национальный эгоизм в разных его формах.

Стоит обратить внимание на то, что такая гипотеза вполне укладывается как в модели социально-политических кризисов, предложенные сторонниками структурно-демографической теории (в первую очередь Д. Голдстоуном²⁵¹), так и в политико-конфликтную модель Ч. Тилли²⁵² – оба упомянутых подхода предполагают наличие внутреннего раскола элиты в качестве одной из предпосылок системного политического кризиса (при том, что раскол элит мотивируется сторонниками обоих подходов по-разному).

Разумеется, верификация сделанного нами предположения выходит далеко за рамки случая Земмура, которому посвящена данная глава, но для понимания общего контекста ныне текущей политической динамики наша гипотеза представляется вполне уместной.

Говорить о политических перспективах Земмура имеет смысл, в первую очередь, не применительно к текущему электоральному циклу, а с учётом более долгосрочной внутривнутри-

²⁵¹ Goldstone J.A. *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.

²⁵² Tilly C. *From mobilization to revolution*. Reading, Mass.: Addison Wesley, 1978. 349 p.

ческой динамики во Франции. На начало февраля 2022 г. электоральный рейтинг Земмура колеблется около 13%, в то время как его основной противник М. Ле Пен набирает около 17%, а кандидат от «Республиканцев» В. Пекресс пользуется поддержкой около 16% французского электората²⁵³. Для действующего президента Франции, электоральный рейтинг которого к февралю колеблется около 24%, Земмур, безусловно, являлся более удобным соперником, чем Марин Ле Пен и тем более Валери Пекресс. В ноябре 2021 г. эксперты оценивали исход второго тура как 57 против 43 в пользу Макрона, если его противником будет Земмур, и лишь 54 против 46, если во второй тур выйдет М. Ле Пен²⁵⁴. К февралю 2022 г. шансы Земмура во втором туре против Макрона упали до 38 против 62 у Макрона, в то время как пара Макрон – Ле Пен во втором туре даёт результаты 55 против 45, а пара Макрон – Пекресс – 54 против 46, что делает шансы Макрона на переизбрание менее гарантированными²⁵⁵.

Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется отсутствие прямой критики Макрона со стороны Земмура и наоборот. Это неоднократно отмечала в своей полемике с Земмуром и М. Ле Пен, стремящаяся сохранить лидерство в праворадикальном лагере²⁵⁶. Наблюдатели обращают внимание на то, что ещё в 2020 г. Макрон лично позвонил Земмуру после очередного акта уличной агрессии в отношении последнего.

На начало февраля 2022 г., однако, перспективы выхода Земмура во второй тур выборов выглядят достаточно призрачными, если не нулевыми. Ближе к дате выборов создаётся впе-

²⁵³ *Présidentielle: la dynamique incertaine d'Eric Zemmour*. URL: <https://www.lesechos.fr/elections/sondages/presidentielle-la-dynamique-incertaine-deric-zemmour-1383417> (дата обращения 03.02.2022).

²⁵⁴ *Baromètre d'intentions de vote à l'élection présidentielle de 2022. Vague 20. Semaine du 3 novembre 2021*. URL: <http://harris-interactive.fr/wp-content/uploads/sites/6/2021/11/Rapport-Harris-Vague-20-Intentions-de-vote-Présidentielle-2022-Challenges.pdf> (дата обращения 07.11.2021).

²⁵⁵ *Baromètre d'intentions de vote pour l'élection présidentielle de 2022 – vague 31*. URL: https://harris-interactive.fr/opinion_polls/barometre-dintentions-de-vote-pour-lelection-presidentielle-de-2022-vague-31/ (дата обращения 03.02.2022).

²⁵⁶ *Marine Le Pen: «Eric Zemmour a le sentiment d'être le général De Gaulle réincarné»*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Efm_h7vIVrM (дата обращения 09.12.2021).

чатление, что крайне правый избиратель всё же предпочтёт относительно умеренную и опытную фигуру М. Ле Пен харизматичному, но непредсказуемому в своём радикализме и не имеющему опыта политической деятельности Э. Земмуру. На это явно делала ставку и сама Марин Ле Пен²⁵⁷, и часть её электората, и даже Ж.-М. Ле Пен, в своё время изгнанный из собственной партии для улучшения партийного имиджа²⁵⁸.

Что же ждёт Земмура в будущем после почти неизбежного проигрыша президентской гонки 2022 г.?

Безусловно, вполне возможен вариант ухода Земмура из политики и возвращение в ту профессиональную нишу, которая и принесла ему общенациональную популярность – в политическую публицистику. Более вероятно, впрочем, что Земмур попытается использовать накопленный за последний год организационный и политический капитал для укоренения на политической сцене ввиду предстоящих в будущем избирательных циклов. Наличие созданной в ходе президентской кампании партии «Реконкиста» может подкрепить подобные претензии, однако пока «Реконкиста» похожа, скорее, на избирательный штаб, нежели на долгосрочный, институционально устойчивый политический проект. Перспективы партии Земмура пока неясны. Она может распасться после окончания текущей кампании, но может и пережить неизбежное поражение, расширив свою массовую базу за счёт постоянно присутствующего и пока никому не подконтрольного ресурса низового антиглобалистского протеста, совсем недавно вылившегося в движение «жёлтых жилетов». С другой стороны, даже в отсутствие массовой партии правопулистские харизматики имеют хорошие шансы на электоральный успех, что показал в своё время Г. Вилдерс, партия которого состоит всего из одного человека – самого Вилдерса. Возникает вопрос: насколько специфика французской партийно-поли-

²⁵⁷ Marine Le Pen reconnaît qu'Éric Zemmour lui «rend service». URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/marine-le-pen-reconnait-que-zemmour-lui-rend-service-20211120> (дата обращения 09.12.2021).

²⁵⁸ Présidentielle 2022: comment Marine Le Pen a été dédiablee par Eric Zemmour. URL: <https://www.sudouest.fr/france/presidentielle-2022-comment-marine-le-pen-a-ete-dediabolisee-par-eric-zemmour-7127027.php> (дата обращения 07.12.2021).

тической системы может допустить возникновение и успех подобного феномена?

На сегодняшний день казус Земмура свидетельствует в первую очередь о кризисе партийной политики во Франции, причём не только её мейнстримной составляющей, но и её праворадикального, более или менее системного крыла, олицетворяемого «Национальным объединением» М. Ле Пен. Дерадикализация лепенистов привела к относительному падению их популярности в глазах протестного правого электората, но в то же время не принесла достаточных для победы дивидендов и харизматичному новичку Земмуру. В итоге, как ни парадоксально, появление Земмура на политической сцене пока играет на руку кандидатам того самого истеблишмента, против которого выступают сторонники как Земмура, так и других крайне правых политических сил Франции. Так выглядит ситуация в краткосрочной перспективе. Главная же долгосрочная интрига состоит в том, сумеют ли мейнстримные силы удерживать и дальше своё доминирование во французской политике, несмотря на очевидную неспособность адаптировать свой дискурс к вызовам сегодняшнего дня, или же популистский протест сможет реализовать своё дискурсивное преимущество и рано или поздно добиться решающего политического успеха в институциональном поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях вряд ли возможно говорить об угасании значимости феномена этничности, скорее, напротив – в обществе постмодерна она переживает небывалый расцвет. Оставляя в стороне непреходящее значение этничности для индивидуальной идентификации, можно сказать, что в случае, когда государство не готово выполнять социально-экономические обязательства по общественному договору и принимать альтернативные институты в свой политический порядок, этничность становится альтернативной основой для политической консолидации со всеми сопутствующими рисками и преимуществами. В то же время, безусловно, она может стать и союзником существующего политического порядка в случае социально-эконо-

мических потрясений. Не избегают этого процесса и европейские государства, особенно учитывая, что изначально возникшая в Европе концепция национального государства на практике чаще всего фактически воссоздаёт политический порядок, подразумевающий сохранение доминирования «государствообразующей» этнической группы.

Функционирование этничности на государственном уровне подразумевает определённое взаимодействие государства с проживающими на его территории этническими меньшинствами. Однако взаимодействие это отягощается сложностями в определении статуса меньшинства и номенклатуры соответствующих групп. Государство и академическая наука должны найти ответы на вопросы: каковы критерии определения этнических меньшинств, какие группы необходимо (и можно) к ним отнести, как разграничить (и стоит ли) этническое меньшинство, «коренной народ» и диаспору, и наконец – какие термины использовать в официальной риторике. Более того, ответы на эти вопросы не могут быть универсальными – они ситуативны и зависят от каждого конкретного случая, а в случае «западного мира» определяются также и нормами общественной морали, дискурсивных традиций и политкорректности.

Эмпирические исследования этнополитического менеджмента в странах Западных Балкан, на Украине, в Северной Ирландии и Нагорном Карабахе, хотя и вряд ли сводимы к общему знаменателю в силу уникальности соответствующих *case-study*, однозначно демонстрируют необходимость «тонкой настройки» государственных структур взаимодействия с этническими группами и их адаптации к потенциальным кризисным ситуациям. В ряде случаев абсолютно необходимо не только национальное/региональное, но и наднациональное регулирование этнополитической ситуации, дабы избежать рисков, способных нанести существенный ущерб политическим структурам. Дискурсивное использование националистических конструктов политическими акторами может быть (и, как правило, является) сугубо инструментальным, однако вооружённые конфликты на территории Европы, произошедшие за последние десятилетия, явно демонстрируют, к чему подобное использование может привести.

Один из возможных каналов «обратной связи» государства и миноритарных этнических групп – функционирование партийных и непартийных этнических объединений. Тем более что в современном европейском контексте деятельность этнических и региональных партий вряд ли может рассматриваться как прекурсор сепаратистской угрозы, а, скорее, как борьба за символический и материальный ресурс.

В европейском этнополитическом контексте особое значение приобретает иммиграционная тематика. При этом немаловажной становится интеграция вертикального и горизонтального взаимодействия политических акторов, осуществляющих меры по адаптации мигрантов на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Сравнительный анализ подходов государств – членов ЕС к вопросам интеграции граждан третьих стран требует комплексного рассмотрения, поскольку национальные политики изменчивы в зависимости от внешне- и внутриполитической конъюнктуры и обусловлены целым рядом структурных факторов. Учитывая продолжающиеся вооружённые конфликты на Ближнем и Среднем Востоке и сохраняющуюся популярность экстремистских идей в мигрантской среде, большое значение в политике Европейского союза приобретают меры по дерадикализации мусульманской молодёжи, а именно противодействие экстремизму в Интернете, программы реабилитации заключённых, повышение осведомлённости о радикализации и её последствиях, тесные контакты со странами происхождения мигрантов. Дерадикализация как инструмент противодействия терроризму становится тесно увязана дискурсивно с миграционными процессами в целом, что способствует секьюритизации миграционных проблем в европейском обществе и политике. Неудивительно, что антииммигрантская риторика привлекает всё больше избирателей и ведёт к росту популярности новых правонационалистических и правопопулистских фигур на европейском политическом ландшафте: «старые» правые популисты представляются уже «недостаточно правыми», а партиям мейнстрима становится всё сложнее сохранять доминирующие позиции в политическом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. 272 с.
2. Вайнштейн Г.И. Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №3. С. 29-38.
3. Габер Е. Эволюция представлений о национальном государстве в Турции (20-е годы XX в. – начало XXI в.) // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 128-152.
4. Дністрянський М.С. Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики. Львів: Літопис; Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. 479 с.
5. Етнополітичний контекст соціокультурних трансформацій у сучасній Україні. К.: ІПІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2017. 512 с.
6. Євтух В.Б., Трощинський В.П., Галушко К.Ю., Чернова К.О. Етно-національна структура українського суспільства. Довідник. К.: Наукова думка, 2004. 342 с.
7. Зан М.П. Дилеммы этноидентификации и общественно-политического представительства русинов в Словацкой Республике и на Украине // Русин. 2021. №65. С. 316-331.
8. Зан М.П. Структурно-функціональні особливості етнополітичного менеджменту в Україні та Румунії: компаративний вимір // Політичне життя. 2019. Вип. 4. С. 22-31.
9. Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. №4(75). С. 58-70.
10. Кандель П.Е. Черногорское чудо: демонтаж режима М. Джукановича // Современная Европа. 2021. №1. С. 40-51.
11. Капоторти Ф. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Нью-Йорк: ООН, 1979. 107 с.
12. Коршук Р.М. Етнополітологія: Навчальний посібник. К.: Алерта. 2011. 200 с.
13. Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос. М.: Восточ-

ная литература, 2005. 310 с.

14. Ланцов С.А. Этнические чистки и геноцид в годы Первой мировой войны // Политическая экспертиза. 2014. Т. 10. №2. С. 61-69.

15. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

16. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

17. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 418 с.

18. Новикова О.Н. Иностранцы боевики-террористы: новый формат угрозы // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 210-232.

19. Новоженова И.С. Особенности французской политической культуры (на примере общественной дискуссии по иммиграционному вопросу) // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 187-199.

20. Осколков П.В. Очерки по этнополитологии. М.: Аспект Пресс, 2021. 176 с.

21. Осколков П.В. Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? // Международная аналитика. 2021. №3. С. 59-71.

22. Остапець Ю.О. Електоральна поведінка та представництво в органах влади угорської громади Закарпаття // Гілея: науковий вісник. 2016. Вип. 113. С. 392-397.

23. Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // Политэкс. 2010. №3. С. 19-33.

24. Панов П.В. Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектория развития // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. №3. С. 20-34.

25. Полякова Е.Ю. Североирландский протокол и политический кризис в регионе // Британия после брекзита. М.: ИЕ РАН, 2021. С. 97-107.

26. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном

мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.

27. Потемкина О.Ю. Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе // Современная Европа. 2020. №2. С. 100-110.

28. Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные «миры» // Идентичность: личность, общество, политика. М.: Весь Мир, 2017. С. 432-439.

29. Семененко И.С. Мир до и после 2020 года: государство перед вызовами кризисного развития // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: «Весь Мир», 2020. С. 15-36.

30. Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 198 с.

31. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства, 1990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 360 с.

32. Третьякова М. Македония – 2001: новый виток кризиса. М.: Индрик, 2021. 376 с.

33. Туров Н.Л. «Дайте нам независимость, или дайте нам денег»: усиление влияния региональных партий в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №6. С. 33-41.

34. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского Союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №4. С. 125-147.

35. Тюркер Т. Административные реформы и концепции «родина» и «нация» в империях модернизации: Турция и Россия // Тетради по консерватизму. 2015. №5. С. 129-139.

36. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 300 с.

37. Холодковский К.Г. Особенности сепаратизма в Западной Европе XXI в. // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. №2. С. 27-37.

38. Benoist-Méchin J. Mustafa Kemal ou la Mort d'un Empire. Paris: Albin Michel, 1954. 460 p.

39. Bertossi C. National models of integration in Europe: A comparative and critical perspective // *American Behavioral Scientist*. 2011. Vol. 55. №12. P. 1541-1561.
40. Bertossi C., Duyvendak J.W. National Models of Immigrant Integration: The Costs for Comparative Research // *Comparative European Politics*. 2012. Vol. 10. №3. P. 237-247.
41. Brubaker R. The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States // *Ethnic and Racial Studies*. 2001. №24(4). P. 531-548.
42. Byrne K., O'Malley E. The Two Types of Ulster Unionism: Testing an Ethnic Explanation for the Unionist/Loyalist Divide // *Irish Political Studies*. 2013. Vol. 28. №1. P. 130-139.
43. Cabestan J.-P., Pavković A. *Secessionism and Separatism in Europe and Asia. To Have a State of One's Own*. London: Routledge, 2017. 264 p.
44. Cohen R. *Global Diasporas: An Introduction*. New York: Palgrave, 2008. 240 p.
45. De Winter L., Gómez-Reino M., Lynch P. *Autonomist Parties in Europe: Identity Politics and the Revival of the Territorial Cleavage*. Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials, 2006.
46. *Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures Around the World*. NYC: Springer, 2005. 590 p.
47. Forsberg E. Do Ethnic Dominoes Fall? Evaluating Domino Effects of Granting Territorial Concessions to Separatist Groups // *International Studies Quarterly*. 2013. Vol. 57. №2. P. 329-340.
48. Goldstone J.A. *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.
49. Gregurović S., Župarić-Iljić D. Comparing the Incomparable? Migrant Integration Policies and Perplexities of Comparison // *International Migration*. 2018. №56. P. 105-122.
50. Griffiths R. *Age of Secession*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 284 p.
51. Griffiths R. Between Dissolution and Blood: How Administrative Lines and Categories Shape Secessionist Outcomes // *International Organization*. 2015. Vol. 69. №3. P. 731-751.
52. Hashas M. The European imam. A nationalized religious authority // *Imams in Western Europe: Developments, Transforma-*

tions, and Institutional Challenges. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 79-101.

53. Hermann M. Was die Schweiz zusammenhält – Vier Essays zu Politik und Gesellschaft eines eigentümlichen Landes. Basel: Zytglogge Verlag, 2016. 211 S.

54. Isajiw W. Olga in Wonderland: Ethnicity in Technological Society // *Canadian Ethnic Studies*. 1977. Vol. 9. №1. P. 77-85.

55. Joppke C. Beyond national models: civic integration policies for immigrants in Western Europe // *West European Politics*. 2007. Vol. 30. №1. P. 1-22.

56. Kaufmann E., Haklai O. Dominant Ethnicity: From Minority to Majority // *Nations and Nationalism*. 2008. Vol. 14. №4. P. 743-767.

57. Kundnani A., Hayes B. The Globalization of Countering Violent Extremism Policies Undermining Human Rights, Instrumentalising Civil Society. Amsterdam: Transnational Institute, 2018. 45 p.

58. Léonard S., Kaunert Ch., Yakubov I. Preventing Radicalisation and Enhancing Disengagement in the European Union // *Routledge Handbook of Deradicalisation and Disengagement*. L-NY: Routledge, 2020. P.187.

59. Massetti E., Schakel A. Ideology Matters: Why Decentralization Has a Different Effect of Regionalist Parties Fortunes in Western Democracies // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52. №6. P. 797-821.

60. Medda-Windischer R. Migration and Old Minorities in South Tyrol: Beyond a «Nimby» Approach? // *Migration and Autonomous Territories. The Case of South Tyrol and Catalonia*. Leiden: Brill. 2015. P. 100-133.

61. Meguid B. Selective contestation: The impact of decentralization on ethnoterritorial party electoral strategy // *Electoral Studies*. 2018. №52. P. 94-102.

62. Murphy M., Evershed J. Between the devil and the DUP: the Democratic Unionist Party and the politics of Brexit // *British Politics*. 2020. №15. P. 456-477.

63. Parenti M. Ethnic and Political Attitudes: A Depth Study of Italian Americans. North Stratford: Ayer Co Pub., 1975.

64. Roth H. Let's split! A Complete Guide to Separatist Move-

ments and Aspirant Nations, from Abkhazia to Zanzibar. Sacramento: Litwin Books, 2015. 636 p.

65. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 1991. Vol. 1. №1. P. 83-99.

66. Sambanis N., Germann M., Schädel A. SDM: A New Data Set on Self-Determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict // *Journal of Conflict Resolution*. 2017. Vol. 62. Iss. 3. P. 656-686.

67. Strmiska M. Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology // *Central European Political Studies Review*. 2003. Vol. 5. P. 2-5.

68. The Return of Foreign Fighters to EU Soil: Ex-post Evaluation. European Parliamentary Research Service, 2018. 104 p.

69. Tilly C. From mobilization to revolution. Reading, Mass.: Addison Wesley, 1978. 349 p.

70. Wrong D. The Problem of Order: What Unites and Divides Society. New York: The Free Press, 1994. 354 p.

71. Zuber C. Explaining the immigrant integration laws of German, Italian and Spanish regions: Sub-state nationalism and multi-level party politics // *Regional Studies*. 2019. Vol. 54. №11. P. 1486-1497.

ОБ АВТОРАХ

Айвазян Анна Степановна – к.полит.н., н.с. Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН.

Бабынина Людмила Олеговна – к.полит.н., в.н.с. Отдела исследований европейской интеграции, руководитель Центра политической интеграции ИЕ РАН.

Биссон Любовь Сергеевна – к.полит.н., с.н.с. Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Веретевская Анна Вячеславовна – к.полит.н., доцент Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Зан Михайло Петрович – к.и.н., доцент, доцент кафедры политологии и государственного управления Ужгородского национального университета.

Кандель Павел Ефимович – к.и.н., в.н.с. Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН.

Мироненко Виктор Иванович – к.и.н., в.н.с. Отдела страновых исследований, руководитель Центра украинских исследований ИЕ РАН.

Осколков Петр Викторович – к.полит.н., в.н.с. Отдела исследований европейской интеграции, руководитель Центра этнополитических исследований ИЕ РАН.

Потемкина Ольга Юрьевна – д.полит.н., г.н.с., руководитель Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

Туров Никита Леонидович – н.с. Отдела глобальных проблем ИНИОН РАН.

Тэвдой-Бурмули Александр Изяславович – к.полит.н., доцент, доцент Кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.

Харатян Грануш Сергеевна – к.и.н., в.н.с. Института археологии и этнографии НАН Республики Армения.

Шогунц Анна Вардановна – аспирант Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

ABOUT THE AUTHORS

Ayvazyan, Anna – Candidate of Political Sciences, Research Fellow at the Department of European Integration Research, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Babynina, Liudmila – Candidate of Political Sciences, Leading Researcher at the Department of European Integration Research, Head of Center for Political Integration Research, IE RAS.

Bisson, Lyubov – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Department of European Integration Research, IE RAS.

Kandel, Pavel – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Department of Social and Political Studies, IE RAS.

Kharatyan, Hranush – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia.

Mironenko, Viktor – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Department of Country Studies, Head of Center for Ukrainian Studies, IE RAS.

Oskolkov, Petr – Candidate of Political Sciences, Leading Researcher at the Department of European Integration Research, Head of Center for the Studies of Ethnic Politics, IE RAS.

Potemkina, Olga – Doctor of Sciences, Head of the Department of European Integration Research, IE RAS.

Shogunts, Anna – PhD student at the Department of European Integration Research, IE RAS.

Tevdoy-Bourmouli, Alexander – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Integration Processes, MGIMO University.

Turov, Nikita – Research Fellow at the Department of Global Issues, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Veretevskaya, Anna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Comparative Politics, MGIMO University.

Zan, Mykhaylo – Candidate of Sciences (in History), Associate Professor at the Department of Political Science and State Governance, Uzhhorod National University.

**В 2020–2022 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

377. В.И.Мироненко. Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. ДИЕ РАН, №377. М., 2020 г.
378. Итоги первого года правительства Б.Джонсона. Отв. ред. К.А.Годованюк ДИЕ РАН, №378. М., 2020 г.
379. Германия. 2020. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН №379. М., 2021 г.
380. М.В.Ведерников. Словакия: от европейской идеи до членства в ЕС. ДИЕ РАН №380. М., 2021 г.
381. Р.Н.Лункин. Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии. ДИЕ РАН, №381. М., 2021 г.
382. Мусульмане в Европе. Сосуществование, взаимодействие, межцивилизационный диалог. Отв. ред. А.К.Камкин. ДИЕ РАН №382. М., 2021 г.
383. В.Я.Швейцер. Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века. ДИЕ РАН №383. М., 2021 г.
384. А.А.Синдеев. Проблемы общеевропейской безопасности в работах российских политологов. ДИЕ РАН №384. М., 2021 г.
385. В.Е.Язькова. Католическая церковь в Италии перед вызовами современности: эволюция подходов и интерпретаций. ДИЕ РАН №385. М., 2021 г.
386. Британия после брекзита. Отв. ред. К.А.Годованюк. ДИЕ РАН №386. М., 2021 г.
387. Фактор Китая в Средиземноморье. Отв. ред. О.В.Буторина, Е.С. Алексеевкова. ДИЕ РАН №387. М., 2022 г.
388. Б.П.Гуселетов. Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. ДИЕ РАН №388. М., 2022 г.
389. А.С.Айвазян. Политика ЕС в государствах Южного Кавказа: демократия, безопасность, благосостояние? ДИЕ РАН №389. М., 2022 г.
390. Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе. Отв. ред. К.Н. Гусев. ДИЕ РАН №390. М., 2022 г.
391. В.Я.Швейцер. Политические проблемы современной Австрии. ДИЕ РАН №391. М., 2022 г.
392. А.В.Котов. Концепция региональной «умной специализации»: опыт реализации в ФРГ. ДИЕ РАН №392. М., 2022 г.
393. Германия. 2021. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН №393. М., 2022 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2020–2022

377. V.I.Mironenko. Ukrainian transit. Situation analysis experience. Reports of the IE RAS, №377. M., 2020.
378. The results of the first year of Boris Johnson's government. Ed. by K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, №378. M., 2020.
379. Germany. 2020. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №379. M., 2021.
380. M.V.Vedernikov. Slovakia: from European idea to EU membership. Reports of the IE RAS, №380. M., 2021.
381. R.N.Lunkin. Fears and Hopes of the Europeans in the context of Pandemic. Reports of the IE RAS, №381. M., 2021.
382. Moslems in Europe. Coexistence, cooperation, dialogue of civilizations. Ed. by A.K.Kamkin. Reports of the IE RAS, №382. M., 2021.
383. V.J. Schweitzer. The party and political system of the European Union at the beginning of the XXI century. Reports of the IE RAS, №383. M., 2021.
384. A.A.Sindeev. Problems of commoneuropean security in the works of russian political scientists. Reports of the IE RAS, №384. M., 2021.
385. V.E.Yazkova. Catholic church and challenges of modernity in Italy: evolution of approaches and interpretations. Reports of the IE RAS, №385. M., 2021.
386. The United Kingdom after brexit. Ed. by K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, №386. M., 2021.
387. The China Factor in the Mediterranean. Ed. by O.V.Betorina, E.S.Alekseenkova. Reports of the IE RAS, №387. M., 2022.
388. B.P.Guseletov. Trans European Political Parties in XXI Century: Formation, Development, Prospects. Reports of the IE RAS, №388. M., 2022.
389. A.S.Ayvazyan. The EU policy in the South Caucasus states: democracy, prosperity, security? Reports of the IE RAS, №389. M., 2022.
390. The stage of the special military operation in Ukraine. The anatomy of the anti-Russia policy in Europe. Ed. by K.N.Gusev. Reports of the IE RAS, №390. M., 2022.
391. V.J. Schweitzer. Political problems of modern Austria. Reports of the IE RAS, №391. M., 2022.
392. A.V.Kotov. The concept of regional smart specialization: implementation experience in Germany. Reports of the IE RAS, №392. M., 2022.
393. Germany. 2021. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №393. M., 2021.

Научное издание

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Доклады Института Европы
№ 394

Подписано в печать 15.09.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,5
Тираж 300 экз. Заказ № 2841

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86